

ВЕСТНИК МГПУ.

**СЕРИЯ «ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ».**

**MCU JOURNAL OF PHILOLOGY.
THEORY OF LINGUISTICS.
LINGUISTIC EDUCATION**

№ 3 (55)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2024**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И. М. председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации, член-корреспондент РАО
Рябов В. В. заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
Геворкян Е. Н. заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
Агранат Д. Л. заместитель председателя	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Тарева Е. Г. главный редактор	доктор педагогических наук, профессор
Викулова Л. Г. заместитель главного редактора	доктор филологических наук, профессор
Смирнова А. И. заместитель главного редактора	доктор филологических наук, профессор
Алмазова Н. И.	доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого)
Аминова В. Р.	доктор филологических наук, доцент (Казанский (Приволжский) федеральный университет)
Афанасьева О. В.	доктор филологических наук, профессор
Беляева И. А.	доктор филологических наук, профессор
Богданова Л. И.	доктор филологических наук, профессор (МГУ им. М. В. Ломоносова)
Борботько Л. А. ответственный секретарь	кандидат филологических наук, доцент
Бубнова И. А.	доктор филологических наук, профессор
Геймбух Е. Ю.	доктор филологических наук, профессор
Гиллеспи Д. Ч.	кандидат педагогических наук, профессор
Джумаило О. А.	доктор филологических наук, доцент (Южный федеральный университет)
Журавлева Е. А.	доктор филологических наук, профессор (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Казахстан, Алматы)
Колесников А. А.	доктор педагогических наук, доцент
Колмогорова А. В.	доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ, Петербургская школа гуманитарных наук и искусств)
Курдюмов В. А.	доктор филологических наук, профессор
Лесневская Д. С.	доктор филологии, доцент (Университет национального и мирового хозяйства, София, Болгария)
Матвеева И. И. секретарь	кандидат филологических наук, доцент
Меркулова М. Г.	доктор филологических наук, профессор
Романова Г. И.	доктор филологических наук, доцент
Серебrenникова Е. Ф.	доктор филологических наук, профессор (Иркутский государственный университет)
Собянина В. А.	доктор филологических наук, профессор
Сулейманова О. А.	доктор филологических наук, профессор
Тивьяева И. В.	доктор филологических наук, доцент
Чернявская В. Е.	доктор филологических наук, профессор, член Санкт-Петербургского союза ученых (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого)
Чупрына О. Г.	доктор филологических наук, профессор
Шафранская Э. Ф.	доктор филологических наук, доцент
Якушевич И. В.	доктор филологических наук, доцент

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

- Солнцева Н. М.* К вопросу о типологии магического реализма
(проза С. А. Клычкова) 7
- Громов А. В., Смирнова А. И.* Набоковский метасюжет
«имманентное vs трансцендентное» (на материале ранней прозы) 20
- Абаева Е. С.* Прием пищи как циклообразующий элемент
в произведениях Э. Блайтон «Великолепная пятерка» 33
- Карпачева Т. С.* Поэтика образа Василия Ордынова
(Ф. М. Достоевский. «Хозяйка»). Агиографическая
традиция 48

Русистика. Германистика. Романистика

- Чупрына О. Г.* От сказителя до актера: зрелищно-театральная
терминология в английском языке Средневековья 62
- Хутыз И. П.* Лексико-грамматические средства трансляции эмоций
в дискурсе англоязычного вебинара 78
- Маркина Л. В., Буданова М. А.* Речевая аутоагрессия
в интернет-коммуникации и ее гендерные особенности 95

Теория языка. Теория межкультурной коммуникации

- Серебренникова Е. Ф.* Аксиологизация дискурса:
к проблеме отграничения понятия и проекции на анализ
медийного дискурса 110
- Горшкова В. Е.* Визуализация среды обитания
при тифлокомментировании (на примере кинофильмов
«Холоп» и «Последний богатырь») 122
- Пром Н. А.* Лингвоаксиологические характеристики образа города:
послевоенная Москва в публицистическом тексте 134

Суворова Е. В. Развитие концептуальных представлений
о чуждости в социально-гуманитарных науках (XX–XXI века) 150

**Языковое образование. Методика преподавания
филологических дисциплин**

Барышников Н. В. Межкультурная и межэтническая коммуникация
в новых цивилизационных условиях 165

Тихонова Е. В., Гураль С. К. Синергетическая модель
«Менеджер языковых коммуникаций в международных проектах» —
основа подготовки китаистов-практиков 178

Рябова М. Э., Шевцова Д. С. Аксиологический подход
к обучению смысловому чтению на английском языке
студентов неязыковых вузов..... 189

Требования к оформлению статей..... 206

CONTENTS

Literary Science

- Solntseva N. M.* Magical Realism Typology in Sergey
A. Klychkov's Prose..... 7
- Gromov A. V., Smirnova A. I.* Vladimir Nabokov's Meta-plot
«Immanence vs Transcendence» (as Revealed in Early Prose) 20
- Abaeva E. S.* Meal as a Cycle-forming Element in the Novels
of E. Blyton's «The Famous Five» 33
- Karpacheva T. S.* Vasily Ordynov's Image Poetics
(«The Mistress» by Fyodor M. Dostoevsky).
Hagiographic Tradition 48

Russian Studies. Germanic Studies. Romance Studies

- Chupryna O. G.* From Scop to Actor: Terminology of Theatricals
in Medieval English 62
- Khoutyz I. P.* Lexical and Grammar Means of Emotivity Expression
in English-language Webinar Discourse 78
- Markina L. V., Budanova M. A.* Speech Autoagression
in Internet Communications and its Gender Features 95

Linguistic Theory. Cross-Cultural Communication Theory

- Serebrennikova E. F.* Axiologization of Discourse:
Concept Definition Through Media Discourse Perspective 110
- Gorshkova V. E.* Visualization of Habitat in Audio Description
(Considering the Films «The Slave» and «The Last Bogatyr»)..... 122
- Prom N. A.* Linguistic and Axiological Features of the City Image:
Post-war Moscow in a Journalistic Text..... 134

<i>Suvorova E. V.</i> The Evolution of Conceptual Views on <i>Alienness</i> in the Humanities and Social Sciences.....	150
---	-----

**Language Teaching. Methodology of Teaching
Philological Disciplines**

<i>Baryshnikov N. V.</i> Intercultural and Interethnic Communication under New Civilizational Conditions.....	165
<i>Tikhonova E. V., Gural' S. K.</i> Synergetic Model «Intercultural Communication Manager for Transnational Projects» as a Framework for Training Prospective Linguists in Chinese.....	178
<i>Ryabova M. E., Shevtsova A. D.</i> Axiological Approach to Teaching Semantic Reading in English to Students of Non-linguistic Universities	189
Requirements for the Style of Articles.....	206

Научная статья

УДК 821.161.1-31.09«19»

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА (ПРОЗА С. А. КЛЫЧКОВА)

Солнцева Наталья Михайловна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия,

natashasolnceva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7500-0003>

Аннотация. Статья посвящена специфичным чертам прозы магического реализма, проявившимся в романах С. А. Клычкова (1889–1937) «Сахарный немец», «Чертухинский балакирь», «Князь мира». Акцент сделан на принципе жизнеподобия чуда, определившем авторскую концепцию времени, темпоральности, пространства, а также обусловившем тональность нарратива, сдержанность психологического анализа, психотип главного героя. Объяснение чуда, значимость субъективного восприятия персонажами, рассказчиком явной и скрытой реальностей подтверждаются умозаключениями П. А. Флоренского, В. В. Зеньковского. Указано на различие феномена тонкого мира в магическом реализме и мистической прозе. Высказано предположение об источниках ряда образов и мотивов в романах Клычкова. В основу анализа композиции сюжетов положена классификация игры, предложенная Р. Кайуа. Учтены основные выводы о чертах магического реализма, высказанные как современниками Клычкова, так и исследователями нашего времени. Герменевтический и сопоставительный подходы к текстам позволили выявить типологическое сходство русского магического реализма и латиноамериканского. Привлечены произведения Б. К. Зайцева, Н. А. Клюева, С. Д. Кржижановского, А. И. Куприна, А. М. Ремизова, И. С. Шмелева, Р. Дарио, А. Карпентьера, К. Кастанеды, Г. Маркеса, К. Пальмы и др. Результаты анализа дают возможность уточнить теоретические аспекты магической прозы в целом. Актуальность положений статьи определяется популярностью магического реализма в современной литературе.

Ключевые слова: время, игра, инфантил, магический реализм, нарратив, пространство, психологизм.

Для цитирования: Солнцева, Н. М. (2024). К вопросу о типологии магического реализма (проза С. А. Клычкова). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(55), 7–19.

Original article

UDC 821.161.1-31.09«19»

MAGICAL REALISM TYPOLOGY IN SERGEY A. KLYCHKOV'S PROSE

Natalia M. Solntseva

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,

natashasolnceva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7500-0003>

Abstract. The article regards the specific features of magical realism prose, manifested in Sergey A. Klychkov's (1889–1937) novels «The Sugar German», «Chertukhinsky Balakir», «Prince of Peace». The emphasis is on the principle of the miracle of life, which defined the author's concept of time, temporality, space as well as determined the tone of the narrative, restraint from psychological analysis, and the main character's psycho type. It is P. Florensky's along with V. Zenkovsky's findings that contribute to explaining the miracle, realizing the significance of characters' and the narrator's subjective perception of the explicit and hidden realities. The author accentuates the difference between the phenomenon of the subtle world in magical realism and the one in mystical prose. There is an assumption made about the sources of various images and motifs in Klychkov's novels. The analysis of the plot composition relies on the classification of the game proposed by R. Kayua.

The article ends up with the conclusions about the features of magical realism expressed by both Klychkov's contemporaries and researchers of our time. Hermeneutical and comparative approaches to texts have revealed the typological similarity of Russian magical realism and Latin American. The works of B. K. Zaitsev, N. A. Klyuev, S. D. Krzhizhansky, A. I. Kuprin, A. M. Remizov, I. S. Shmelev, R. Dario, A. Carpentier, K. Castaneda, G. Marquez, K. Palma, etc. are involved. The results of the analysis add to clarifying the theoretical aspects of magical prose in general. The relevance of the study is determined by the popularity of magical realism in modern literature.

Keywords: time, game, infantile, magical realism, narrative, space, psychologism.

For citation: Solntseva, N. M. (2024). Magical realism typology in Sergey A. Klychkov's prose. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(55), 7–19.

Введение

Романы С. А. Клычкова свидетельствуют о существовании в 1920-е годы такого модернистского явления, как магический реализм. Суть магического реализма рассмотрена в работах А. А. Гугнина (Гугнин, 1998), К. Н. Кислицына (Кислицын, 2005), Н. З. Кольцовой (Кольцова, 2019), Е. Б. Скороспеловой (Скороспелова, 2003), Д. Ю. Сырысейвой (Сырысева, 2023) и др. В диссертационных исследованиях и научных статьях источниками русского магического реализма справедливо названы произведения фольклора и проза Н. В. Гоголя. Следует согласиться с выводом Е. С. Апальковой о некотором влиянии на магическую прозу 1920-х годов европейской и русской романтической повести, а также символистской поэтики (Апалькова, 2023). Существенным для типологии магического реализма считаем разграничение специфики магической прозы, мистической прозы и фантастики (Апалькова, Солнцева, 2022).

В Европе термин «магический реализм» появился в работах Ф. Роо 1920-х годов «К проблеме интерпретации Карла Хайдера. Замечания о постэкспрессионизме», «Постэкспрессионизм. Магический реализм. Проблемы новейшей европейской живописи» (Гугнин, 1998, с. 5–8). С. И. Шаршун в статье 1923 года «Магический реализм» (Шаршун, 2012), видя в новой литературной стратегии акцент на фантастичности, сюрреалистичности, символичности, соотнос с магическим реализмом творчество А. А. Блока, К. Д. Бальмонта, Н. Н. Берберовой, Г. И. Газданова, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского, И. В. Одоевцевой, Б. Ю. Поплавского, А. М. Ремизова, В. В. Розанова, Сирина, Ф. К. Сологуба, Ю. Фельзена и др. Судя по именам, новый творческий метод в интерпретации Шаршуна был без берегов. На протяжении ста лет парадигма магического реализма конкретизировалась и разрасталась. Расширялся и перечень произведений магического реализма. Сегодня с ним связывают прозу М. А. Булгакова, С. А. Клычкова, С. Д. Кржижановского, А. П. Платонова, Б. М. Юльского, а также А. А. Кима, Ю. В. Мамлеева, В. В. Орлова, Т. И. Пулатова, Н. Ю. Абгарян, П. В. Крусанова, Д. М. Липскерова, Е. И. Некрасовой, В. О. Пелевина, М. С. Петросян, О. А. Славниковой и др. Столь широкий список имен свидетельствует о том, что либо магический реализм неоднороден, либо включение в его орбиту некоторых названных авторов небесспорно.

Основная часть

Принципиальное отличие магического реализма от иных видов магической прозы, или мистической, или фантастики, заключено в *жизнеподобии чуда*. По словам Б. Зайцева, чудо преобладает «над алгеброй и геометрией» (Зайцев, 2000, с. 40). В мистических сюжетах чудо направляется, как писал В. Зеньковский

(Зеньковский, 2008), Богом через сверхъестественные силы и законы природы. Например, в рассказе Куприна «Молитва Господня» (1928) всеограшающий ураган стихает после чтения «Отче наш...»; не естественным течением времени и не логикой, а высшим смыслом объясняется в «Куликовом Поле» (1939–1947) И. С. Шмелева появление преподобного Сергия Радонежского в Сергиевом Посаде начала 1920-х годов. В мистических историях чудо — проводник в познании горнего мира. Оно сходно с волшебством, порой чертовщиной, его источники — манипуляторы вроде колдунов, бесов, чернокнижников-магов, домовых и пр. «<Сновидения>» (1922–1932) Н. Клюева мистичны: например, гигантские крылатые существа направляют многоярусный пароход со святыми, праведниками, великомучениками, блаженными к иным берегам, а в России остается только Богородица. «<Сны>» (1894–1944) Б. Садовского магичны: он выпускает из клетки птичек и сам летит за ними, или его догоняет гроб, или его посещают покойники, или в дряхлом старике он узнает себя. Сны из сонника «Мартын Задека» (<1954>) А. Ремизова также магичны: Блок превращается в лягушку, Лифарь — в жасмин, Ремизова съедает чучело тигра; нянька после купания Сологуба вылавливает из моря чертенят и т. п.

В романах С. Клычкова чудо магично, но в восприятии рассказчика и героев еще и жизнеподобно. В «Чертухинском балакире» (1926) жена мельника приходит с того света, тогда как из записей второй жены Клычкова, В. Н. Горбачевой, известно следующее о матери и бабушке Клычкова: «Умершая свекровь, жалея молодую невестку, приходила, бывало, с того света по утрам корову доить. Встанет Феклуша, а уж корова подоена, и ведро с молоком пенится, чистым рушником закрыто. Фекла Алексеевна повествует мне об этом спокойно, простодушно, как о деле самом обыкновенном» (Сергей Клычков, 1989, с. 214). По-видимому, лось с золотыми рогами появился в романе в память о проходивших лунными вечерами мимо крыльца лосях. Для жителей деревни Дубровки, где родился Клычков, магическое было реальностью: «Старики видели лешего в бору своими глазами. Они засмеют того, кто этому не поверит» (Сергей Клычков, 1989, с. 214). Лес побуждал к вымыслу; Клычков вспоминал: «Лес <...> стоял почти у окон заповедный, в лесу водилась разная диковина, и вообще было все, если теперь вспомнить, как выдуманное...» (Клычков, 1988, с. 4). В романе «Князь мира» (1927) рассказана история об огромном соме, который выдаивал чертухинских коров, из его разрубленной утробы вывалился творог со сметаной, однако брат писателя А. А. Сечинский вспоминал в 1974 году, как стоявшая в реке корова бобылки Катерины перестала давать молоко; хозяйка грешила на нечистую силу, но было замечено, как «что-то живое прильнуло к буренкиному вымю» (Сечинский, с. 24) — то был сом более четырех пудов.

В магическом реализме чудесное событие *не меняет тональности нарратива*, не диссонирует с интонацией эпизода, главы, всего текста. А. К. Воронский отметил в связи с «Чертухинским балакирем»: «Ни у Мельникова-Печерского, ни даже у Лескова нет такого телесного ощущения этой Руси» (Воронский,

1987, с. 231). Но эффект телесности, очевидности в романах Клычкова относится как к видимой, так и к скрытой реальности. Для балакиря Петра Кирилыча, афонских паломников Спиридона и Андрея («Чертухинский балакирь»), героев рассказов Пенкина, для воина и поэта Зайчика-Леся («Сахарный немец», 1925), барина Бачурина, старика Михайлы («Князь мира»), самого рассказчика тонкий мир реален. В прозе магического реализма дуалистичный мир един, даже если назван необычным в «Учении дона Хуана: Пути познания индейцев племени яки» (1968) К. Кастанеды или чудесным в авторском предисловии А. Карпентьева к роману «Царство земное» (1949). Визиты с того света умершей жены мельника («Чертухинский балакирь») не дают повода удивляться, тогда как в рассказе «Танатопия» (1893) яркого прозаика латиноамериканского модернизма Р. Дарио, напротив, ледяная рука мачехи, ее бледность, гулкий, как из-под земли, голос шокируют: отец женат на мертвой! «Танатопия» магична, но не типична именно для магического реализма.

По мысли Ю. М. Лотмана, «событием в тексте является перемещение персонажа через границу семантического поля» (Лотман, 1998, с. 224). Однако в магическом реализме персонаж *не фиксирует внимания на границе между привычной и сверхэмпирической обстановкой*. Клычковский мельник как данность принимает разрешение апостола Петра проводить ночи с умершей супругой, чтобы спастись от блуда и попасть в рай, тогда как в рассказе перуанца К. Пальмы «Белое поместье» (1900) юноша, напротив, в ужасе от пережитой им любовной страсти к насельнице загробного мира.

Неразличима и граница между онейрическими и явными состояниями — в равной степени достоверными. Герой романа «Сахарный немец» Зайчик не озабочен тем, видение перед ним или явь, когда он, глядя на яркие цвета юбки и кофты цыганки, оказывается внутри чудесного мира, в котором вечер «золотую голову уронил на колени» и с плеч цыганки покатались «звезды за полупрозрачный шелк на груди» (Клычков, 2000, I, с. 382).

Итак, в романах Клычкова выстраивалась характерология магического реализма, как впоследствии в романе Г. Маркеса «Сто лет одиночества» (1967): Фернанда родилась в городе, в котором по ночам бродили привидения и раздавался стук призрачных карет; Ремедиос Прекрасная вознеслась на простынях, которые она же снимала с веревки; как героиня Клычкова ночами приходила с того света, так и Мелькиадес «побывал на том свете, но не смог вынести одиночества и возвратился назад»; в городе появилось чудовище, из его раны сочилась зеленая кровь, оно походило на «захиревшего ангела» (Маркес, 1994, с. 50). В мире Маркеса невероятное и очевидное сплелись в единую, неотличимую друг от друга историю: идет гражданская война, бастуют рабочие банановой плантации, армии дан приказ восстановить порядок, и теперь массовый расстрел из четырнадцати пулеметов вызывает у Хосе Аркадио Второго не столько ужас, сколько «впечатление какой-то нереальности происходящего» (Маркес, 1994, с. 279). Персонажи разных поколений, обжившие Макондо,

обращаются к тем же вопросам, что и крестьяне, населявшие Чертухино. Ответы для чертухинцев хранятся в старинной книге «Златые уста», а Аурелиано читает средневековые книги, изучает санскрит и разгадывает шифры пергаментов Мелькиадеса.

В приведенной ранее цитате из записных книжек супруги Клычкова прозвучало слово «простодушно». Герои и сам рассказчик в прозе магического реализма *простодушны*, что объясняет *сниженный, условный психологизм* повествования даже в эпизодах, предполагающих переживание смертного ужаса. Напротив, в мистических повествованиях чудо вызывает острую реакцию: Варфоломей в «Преподобном Сергии Радонежском» (1925) Б. Зайцева и Соломон в «Царе Соломоне» (1948) А. Ремизова заговорили уже в чревах своих матерей, чем вызвали у свидетелей произошедшего мистический страх. В магическом мире Клычкова появление черта в облике старика Михайлы, встреча балакиря с лешим или крестьянки с богатырем из Сорочьего царства, превращение вязанки сучьев в черную лошадь, тетки Ульяны — в гусара, явление сахарного немца на позициях Первой мировой войны, русалочье царство и многое другое вызывают некое удивление, скорее любопытство, но не потрясение. Герои магических реалистов в определенном смысле инфантильны, но обладают ярким образным воображением. Они доверчивы, как дети и герои сказок. По Розанову («Сказочное царство», 1900), «ребенок — сказка, и нечто в самой действительности сказочное есть около него, начинается около него, может быть, истекает из существа его» (Розанов, 1999, с. 120). Вера в скрытую реальность преобладает над аналитичностью, потому что разум человека — слепой котенок, и эта мысль Клычкова рифмуется с мыслью Розанова («Чудесное в жизни и истории», 1901) о том, что «наука никогда не обнимет» (Розанов, 1999, с. 155) случая.

Простодушный балакирь не приспособлен к повседневному труду, по крестьянским понятиям он лодырь, но он задумывается об устройстве мира, одарен воображением и словом, потому он *избран* Антютником, который посвящает его в тайны мироздания — круговое движение всего, бесконечность и безначальность всего, аналогию микро- и макрокосма и пр. Хосе Аркадио Буэндиа («Сто лет одиночества») так же доверчив и так же задумывается о пространстве и получает представление об онтологическом смысле круга: узнает, что Земля «круглая, как апельсин» (Маркес, 1994, с. 10). Хосе перестает выполнять обычную и привычную работу, приобретает «вид завязанного лодыря» (Маркес, 1994, с. 15) и, охваченный «лихорадкой воображения» (Маркес, 1994, с. 55), рассказывает сыновьям небылицы, как чертухинский балакирь. Для чертухинцев балакирь чудной, его образ жизни странный, а Хосе Аркадио Буэндиа для местных — жертва колдовства. Он, как балакирь, Зайчик, сам рассказчик романов Клычкова, был из породы как бы зачарованных. Маркес пишет о нем: «Зачарованный окружающей реальной жизнью, казавшейся ему тогда фантастичнее обширного мира его воображения» (Маркес, 1994, с. 39).

Типология героя магического реализма подтверждается и в прозе К. Кастанеды. Наивный Карлос перенимает знания о том, как побывать в правильной реальности, его наставник — шаман дон Хуан Матус из племени яки. Карлос, как балакирь, избранник и посвященный. У него полное доверие к учителю, и в итоге он, как балакирь и Хосе Аркадио Буэндиа, становится «человеком знания»: «Ах, что за соблазн для человека знания!» (Кастанеда 1, 2004, с. 69, 75). Но если в романах Клычкова и Маркеса для пребывания в скрытой реальности не нужны ключи, то в «Учении дона Хуана» туда попадают посредством галлюциногена. Если для героев Клычкова необычная реальность в целом неопасна, то в романе Кастанеды сначала надо раскрыть тайны травки и стать неуязвимым для нее, иначе онейрическое состояние погубит персонажа. Тем не менее истина о мире уясняется: «Мир, который видишь, совсем не таков, каким его себе представляешь» (Кастанеда 2, 2004, с. 113).

Если мир в романах Клычкова одновременно проявляется в яви, скрытой реальности и онейросфере, если в ход событий вмешивается чудо, а герой — ведомый созерцатель, пассивный актант, послушный случаю, то и *сюжеты* выстраиваются по принципу *игры без правил*. Ремизов писал о снах: «... пространство со своей геометрией и тригонометрией летит к черту», «время крутится волчком», действие происходит не по логике «почему», а по «“здорово-живешь” и “ни с того ни с сего”» (Ремизов, 2002, с. 356). Многое происходит непреднамеренно и немотивированно. В эпизодах хватает неопределенности. Например, Авдотья Клиниха увидела в окно то ли румяное лицо Феколки, то ли заходившую за рощу зарю; Феколку благословляет на супружескую жизнь то ли мельник, то ли принявший его облик Антютик; девки прядут пряжу, нитки собираются в серебряный стан, из него то ли туман стелется, то ли холсты («Чертухинский балакирь»).

По справедливому замечанию В. Казака, романы Клычкова не богаты действием (Казак, 1996, с. 187), но богаты лейтмотивами, ритмом и прочими чертами «прозы поэта». Если подходить к тексту как к авторской игре, то в сюжетных ситуациях романов Клычкова достаточно вялое состязание (*agôn*), сильную же позицию занимает произвол случая (*alea*) (по классификации, предложенной Р. Кайуа в труде «Игры и люди»).

Часто поступки персонажей Клычкова вызваны всякого рода бесами, оборотнями, создающими обманные ситуации, вгоняющими персонажа в глубокое заблуждение или помогающими выпутаться из неурядиц. Балакирь отдается на волю мельника, впавшего в ересь по воле черта; мельник обморочен местной колдуньей, она же погружает его дочь в летаргический сон; очажный бес вводит солдатку в тяжкий грех. Ситуация *timicry* (подмены себя чужим образом) создается в романах персонажами из тонкого мира. В большинстве ситуаций не происходит *linx* (водоворота), при котором игрок (персонаж) вводит себя в состояние «сладостной паники», «транса», «состояния оглушенности, которым резко и властно отменяется внешняя

действительность» и вызывается «бесчинство и разрушение» (Кайуа, 2022, с. 53, 55). Такой экстаз определяет поступки колдуньи Ульяны из «Чертухинского балакиря» и черта из «Князя мира».

Типология персонажей и сюжетов, как правило, вырастает из актантных систем *фольклорных* жанров, но далее через произвол случая, мимикрию и прочие повороты авторской игры их привычный смысл разрушается и даже оборачивается своей противоположностью, что проявилось в «Чертухинском балакире». Исследователями отмечается нехарактерный для фольклора и специфичный для сюжетов магического реализма открытый финал, которым подчеркивается неопределенность границы между мирами — явным и скрытым.

Спецификой в произведениях магического реализма наделено и *пространство*. Клычков описал реально существующую местность. Но это же пространство *исключительное*: нигде так голосисто не поют соловьи, нигде не водятся такие большие сомы, нигде так не плещутся самые быстрые рыбы и т. п. Более того, в лесу обитает леший, в реке — дубенские девки, черт чувствует себя в крестьянском мире как дома, сирота богатеет за счет неразменного рубля. Кроме того, пространство маркируется магичностью обыденных вещей.

Пространство не разделяется на профанное и сакральное, свое и чужое, не подвергается «бинарному разбиению» (Лотман, 1996, с. 175), определяемому Лотманом как универсалия всякой культуры, а представляет собой единый для человека и нежити мир. Даже редкое в романах Клыčkова замкнутое пространство стремится к разомкнутости. Но скрытое пространство открывается только одаренному «изошренным зрением», при котором, как писал Ремизов в «Огне вещей» (<1954>), «чудесное не кажется странным, невероятное кажется вероятным» (Ремизов, 2002, с. 162). Балакирю является то, что «незримо для простого глаза» (Клычков, 2000, II, с. 44), например река Дубна с ее широкими улицами, крылечками и застрешками изб, теремом царицы Дубравны.

Романное пространство уплотняется за счет вставных рассказов, разных версий случившегося, ретроспективных эпизодов. Характеристике такого изображения пространства соответствует наблюдение Розанова («Сказочное царство») о сгущении мира сказки за счет срастания вещного и метафизического, где в «тесном сближении всего мира как бы на одну небольшую площадь», в «метафизической тесноте, вещи, разрозненные в объективном мире, начинают субъективно перемешиваться, взаимно проникать друг в друга и переходить друг в друга...» (Розанов, 1999, с. 123).

Могут искажаться акустические и оптические нормы. Например, в «Сахарном немце» от Зайчика до дьякона — больше версты, но он отчетливо слышит каждое его слово, а дьякон считывает мысли Зайчика. Дальнее пространство через акустические детали представляется Зайчику ближним. Искажается соразмерность вещных и пространственных деталей: хвост у свиньи, которую дьякон запряг в телегу, длиннее кнута; дьякон направляет телегу прямо на небо, от ее грохота падают звезды, колесный обод от месяца стал будто

яичный желток, и все покрылось тьмой. Попытки Зайчика логически объяснить происходящее представляются наивными.

В первой трети XX века обозначился интерес писателей к нетрадиционным представлениям о *времени*. П. Д. Успенский в «Кинемодраме» (1915)¹ дал герою шанс переместиться на двенадцать лет назад, что соответствует идеям автора о сращении пространства и времени в четвертом и пятом измерениях, о законах перехода энергии («Tertium organum. Ключ к загадкам мира», 1911). Перемещению во времени посвящена повесть С. Кржижановского «Воспоминания о будущем» (1929); мотив щелей во времени и пространстве лежит в основе его рассказа «Собиратель щелей» (1922). Похожую мысль высказал М. Волошин:

По ночам, когда в тумане
Звезды в небе время ткут,
Я ловлю разрывы ткани
В вечном кружеве минут.
(Волошин, 2003, с. 39)

Хармс в «Третьей цисфинитной логике бесконечного небытия» (<1930>) развил идею о безвременном нуле — цисфинитной пустоте (Жаккар, 1995); А. С. Грин в «Фанданго» (1927) описал разницу течения времени в параллельных мирах; А. И. Введенский считал, что время и сама жизнь «иррациональны и непонятны» (Друскин, 1993, с. 169). Подобные решения скорее характерны для фантастики. В магическом реализме Клычкова время не дискретно, без щелей, без сбоев ритма; в «Чертухинском балакире» сказано, что оно, как и положено в реальности, «шло своим чередом», катилось, «как раскатистые сани на полозах» (Клычков, 2000, II, с. 13). Причем рассказчик ощущает время как единое целое в реальности явной и скрытой, что выразилось в свободной хронике событий, располагающихся и последовательно, и параллельно, и ретроспективно. Но время событий и конкретно (поясняется церковным календарем, уточняется лакунами, соотносится с общеизвестным историческим фактом), и лишено измерения.

Клычков (например, в «Князе мира») говорит о *субъективном восприятии темпоральности*: «Лениво катится деревенское время!..», «мужик редко когда его замечает», «ночь же кажется длинной тому, кому на работе дня не хватает» (Клычков, 2000, II, с. 305, 306). Часы отсчитывают не минуты, «а неровные колотки в левой груди, где хоронится сердце и откуда разливается по всему телу после страды лихая ломота...» (Клычков, 2000, II, с. 305). С одной стороны, есть бытийная истина: «Яко тысяща лет пред очима Твоими, Господи, яко день вчерашний» (Пс. 89: 5), «Не забывайте одного, возлюбленные: для Господа один день как тысяща лет, и тысяща лет, как один день» (2 Пет. 3: 8). С другой

¹ В 1917 году повесть была издана под заглавием «Кинемодрама (не для кинематографа). Оккультная повесть из цикла идей “Вечного возвращения”», в 1947 году — под названием «Странная жизнь Ивана Осокина».

стороны, есть субъективность восприятия, и замечания Клычкова о темпоральности семантически близки стихам А. Блока, И. Северянина и Б. Пастернака: «Для вас — века, для нас — единый час» (Блок, 1960, с. 360),

Бывают и годы короче мгновенья,
Но есть и мгновенья длиннее веков!
(Северянин, 1999, с. 26)

И полусонным стрелкам лень
Ворочаться на циферблате,
И дольше века длится день,
И не кончается объятье.
(Пастернак, 1985, с. 463)

В «Сахарном немце» рассказчик подменяет календарное время *интуитивным*: «Сколько тут времени прошло, уж не помню, может, неделя, а может, и год: у солдата часы смерть заводит, смерть переставляет в них стрелки и в негаданный час останавливает часики вовсе» (Клычков, 2000, I, с. 270). Время в романах неисчислимо не только в онейросфере, или в заплотинном царстве, или в едином свете, но и в конкретной реальности. Рассказчик замечает: Уж и время мы потеряли, <...> Время не столб у дороги! На нем все наши зарубки первый же ветер сдувает, и часто не знаешь: когда это было — вчера или сегодня. Иль когда еще сам на свет не родился! (Клычков, 2000, I, с. 337).

Заключение

Романы Клычкова представляют собой авторскую модификацию магического реализма. Ей соответствует специфика персонажей, времени, пространства, событий в произведениях магического реализма последующих ста лет. С рассмотренными выше особенностями соотносятся вторичные свойства магического нарратива, касающиеся содержания произведений: антидогматизм, антипозитивизм, антиутопичность. На них указывают современные теоретики исследуемого нами художественного метода, в частности А. А. Гугнин. Отметим, что они достаточно универсальны и продуктивны в прозе иных творческих стратегий.

Список источников

1. Апалькова, Е. С. (2023). *Типология русской магической прозы: повести и рассказы 1920-х годов* [Дис. ... канд. филол. наук: 5.9.1. Москва].
2. Апалькова, Е. С., & Солнцева, Н. М. (2022). Типология русской магической прозы 1900-х–1940-х годов. *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*, 5, 122–134.
3. Блок, А. А. (1960). *Собрание сочинений*: в 8 т. Т. 3. Художественная литература.
4. Волошин, М. А. (2003). *Собрание сочинений*. Т. 1. Эллис Лак.
5. Воронский, А. К. (1987). *Искусство видеть мир. Портреты. Статьи*. Советский писатель.

6. Гугнин, А. А. (1998). *Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века: феномен и некоторые пути его осмысления*. Институт славяноведения РАН.
7. Друскин, Я. С. (1993). Материалы к поэтике Введенского. *Введенский А. Полное собрание произведений*: в 2 т. Т. 2. Гилея.
8. Жаккар, Ж.-Ф. (1995). *Даниил Хармс и конец русского авангарда*. Академический Проект.
9. Зайцев, Б. К. (2000). Преподобный Сергей Радонежский. В А. М. Ремизов, Б. К. Зайцев. *Проза* (с. 297–354). Олимп; АСТ.
10. Зеньковский, В. В. (2008). О чуде. Возможность и реальность чудес. *Собрание сочинений*: в 2 т. Т. 2 (с. 227–245). Русский путь.
11. Казак, В. (1992). *Лексикон русской литературы XX века*. Культура.
12. Кайуа, Р. (2022). *Игры и люди*. АСТ.
13. Кастанеда, К. (2004). *Учение дона Хуана: Путь познания индейцев племени яки*. Азбука-классика.
14. Кастанеда, К. (2004). *Особая реальность: Новые беседы с доном Хуаном*. Азбука-классика.
15. Кислицын, К. Н. (2005). *Проза С. А. Клычкова: поэтика магического реализма* [Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Москва].
16. Клычков, С. А. (1988). *Чертухинский балакирь*. Романы. Советский писатель.
17. Клычков, С. А. (2000) *Собрание сочинений*: в 2 т. Эллис Лак.
18. Кольцова, Н. З. (2019). К вопросу о магическом реализме в отечественной литературе XX–XXI веков. *От Чехова до Бродского: эстетические и философские аспекты русской литературы XX века* (с. 133–149). Коллективная монография. Издательство Московского университета.
19. Лотман, Ю. М. (1996). *Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история*. Языки русской культуры.
20. Лотман, Ю. М. (1998). Структура художественного текста. *Об искусстве* (с. 14–285). Искусство СПб.
21. Маркес, Г. Г. (1994). *Сто лет одиночества* (с. 5–380). Рассказы. Панорама.
22. Пастернак, Б. Л. (1985). *Избранное*: в 2 т. Т. 1. Художественная литература.
23. Ремизов, А. М. (2002). *Собрание сочинений*: в 10 т. Т. 7. Русская книга.
24. Розанов, В. В. (1999). *Во дворе язычников*. Собрание сочинений. Республика.
25. Садовской, Б. А. (2001). *Стихотворения, рассказы в стихах, пьесы и монологи*. Академический Проект.
26. Северянин, И. (1999). *Тост безответный*. Стихотворения. Поэмы. Проза. Республика.
27. Сергей Клычков: переписка, сочинения, материалы к биографии. (1989). *Новый мир*, 9, 193–224.
28. Сечинский, А. А. *О родном брате поэте-писателе-переводчике Сергее Антоновиче Клычкове*. ОР ИМЛИ, ф. 67, оп. 2, № 1а, л. 24.
29. Скороспелова, Е. Б. (2003). *Русская проза XX века: от А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»)*. ТЕИС.
30. Сырысева, Д. Ю. (2023). *Магический реализм в русскоязычной прозе современных татарских писателей* [Дис. ... канд. филол. наук: 5.9.1. Москва].
31. Шаршун, С. И. (2012). *Дадаизм*. Salamandra P.V.V.

References

1. Apalkova, E. S. (2023). *Typology of Russian magical prose: Novellas and short stories of the 1920s* [Dissertation for the PhD (Philology): 5.9.1. Moscow]. (In Russ.).
2. Apalkova, E. S., & Solntseva, N. M. (2022). Typology of Russian magical prose of the 1900s–1940s. *Moscow State University Journal. Series 9. Philology*, 5, 122–134. (In Russ.).
3. Blok, A. A. (1960). *Collected works*: in 8 vols. Vol. 3. Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
4. Voloshin, M. A. (2003). *Collected works*. Vol. 1. Ellis Luck. (In Russ.).
5. Voronsky, A. K. (1987). *The art of seeing the world*. Portraits. Articles. Sovetskij pisatel'. (In Russ.).
6. Gugnin, A. A. (1998). *Magical realism in the context of literature and art of the 20th century: a phenomenon and some ways of understanding it*. Institut slavyanovedeniya RAN. (In Russ.).
7. Druskin, Y. S. (1993). Materials for the poetics of Vvedensky. *Vvedensky A. Complete collection works*: in 2 vol. Vol. 2. Giley. (In Russ.).
8. Jacquard, J.-F. (1995). *Daniil Kharms and the End of the Russian Avant-garde*. Akademicheskij Proekt. (In Russ.).
9. Zaitsev, B. K. (2000). St. Sergius of Radonezh. In A. M. Remizov, B. K. Zaitsev. *Prose* (pp. 297–354). Olimp; AST. (In Russ.).
10. Zenkovsky, V. V. (2008). About the miracle. The possibility and reality of miracles. *Collected works*: in 2 vols. Vol. 2 (pp. 227–245). Russkij put'. (In Russ.).
11. Kazak, V. (1992). *The lexicon of Russian literature of the twentieth century*. Kul'tura. (In Russ.).
12. Kayua, R. (2022). *Games and people*. AST. (In Russ.).
13. Castaneda, K. (2004). *The teachings of Don Juan: The way of knowledge of the Yaqui Indians*. Azbuka-klassika. (In Russ.).
14. Castaneda, K. (2004). *A special reality: New conversations with Don Juan*. Azbukaklassika. (In Russ.).
15. Kislitsyn, K. N. (2005). *S. A. Klychkov's prose: the poetics of magical realism* [Dissertation for the PhD (Philology): 10.01.01. Moscow]. (In Russ.).
16. Klychkov, S. A. (1988). *Chertukhinsky balakir*. Novels. Sovetskij pisatel'. (In Russ.).
17. Klychkov, S. A. (2000). *Collected works*: in 2 vols. Ellis Lac. (In Russ.).
18. Koltsova, N. Z. (2019). On the issue of magical realism in Russian literature of the XX–XXI centuries. *From Chekhov to Brodsky: Aesthetic and Philosophical Aspects of twentieth-century Russian Literature* (pp. 133–149). A Collective Monograph. Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.).
19. Lotman, Y. M. (1996). *Inside the thinking worlds: Man – text – semiosphere – history*. Yazyki russkoj kul'tury. (In Russ.).
20. Lotman, Y. M. (1998). The structure of a literary text. *About art* (pp. 14–285). Iskusstvo SPB. (In Russ.).
21. Marquez, G. G. (1994). *A hundred years of loneliness* (pp. 5–380). Stories. Panorama. (In Russ.).
22. Pasternak, B. L. (1985). *Selected works*: in 2 vols. Vol. 1. Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.).

23. Remizov, A. M. (2002). *Collected works: in 10 vols. Vol. 7. Russkaya kniga*. (In Russ.).
24. Rozanov, V. V. (1999). *In the yard of the Pagans. A collection of works*. Respublika. (In Russ.).
25. Sadovskoy, B. A. (2001). *Poems, short stories in verse, plays and monologues*. Akademicheskij Proekt. (In Russ.).
26. Severyanin, I. (1999). *An unrequited toast. Poems. Poems. Prose*. Respublika. (In Russ.).
27. Sergey Klychkov: correspondence, essays, materials for a biography. (1989). *Novy Mir*, 9, 193–224. (In Russ.).
28. Sechinsky, A. A. *About his brother, poet-writer-translator Sergei Antonovich Klychkov*. OR IMLI, F. 67, op. 2, 1a, L. 24. (In Russ.).
29. Skorospelova, E. B. (2003). *Russian prose of the XX century: from A. Bely («Petersburg») to B. Pasternak («Doctor Zhivago»)*. TEIS. (In Russ.).
30. Syryseva, D. Y. (2023). *Magical realism in the Russian-language prose of modern Tatar writers* [Dissertation for the PhD (Philology): 5.9.1. Moscow]. (In Russ.).
30. Sharshun, S. I. (2012). *Dadaism*. Salamandra P.V.V. (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the author

Наталья Михайловна Солнцева — доктор филологических наук, профессор филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Natalia M. Solntseva — D. Sc. (Philology), Professor of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 821.161.1-3.09«19»

НАБОКОВСКИЙ МЕТАСЮЖЕТ «ИММАНЕНТНОЕ VS ТРАНСЦЕНДЕНТНОЕ» (НА МАТЕРИАЛЕ РАННЕЙ ПРОЗЫ)

Громов Алексей Владимирович¹,

Смирнова Альфия Исламовна²

^{1,2} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

¹ grymere4orina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3279-5376>

² alfia-smirnova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9198-548X>

Аннотация. На основе принципов системного подхода в статье рассматривается набокровский метасюжет «имманентное vs трансцендентное», который был выработан русским писателем в течение берлинского периода творчества. В. В. Набоков, следуя в своих эстетико-философских исканиях за русскими экзистенциалистами, ставит в центр внимания процесс трансцендирования (творческий акт). Основой для данного метасюжета послужил оригинальный тип главного героя — мечтателя-путешественника, предпочитающего обыденной жизни фрактальные узоры в ирреальном мире, созданном его воображением. Такой герой в силу психологических особенностей и жизненных обстоятельств становится адептом эскапизма, в результате чего утрачивает привязанность к жизни, его душа стремится покинуть имманентность (обыденность). Однако факт смерти в материальном мире не обуславливает трагедию или спасание, поскольку каждый из героев находится в бесконечной художественной гиперреальности, из свойств которой, по В. В. Набокову, следует, что физическая смерть означает выход на другой уровень художественной реальности.

Ключевые слова: абсурд, эскапизм, трансцендентное, имманентное, пошлость, отчаяние, гиперреальность.

Для цитирования: Громов, А. В., Смирнова, А. И. (2024). Набоковский метасюжет «имманентное vs трансцендентное» (на материале ранней прозы). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(55), 20–32.

Original article

UDC 821.161.1-3.09«19»

**VLADIMIR NABOKOV'S META-PLOT
«IMMANENCE VS TRANSCENDENCE»
(AS REVEALED IN EARLY PROSE)**Alexey V. Gromov¹,Alfia I. Smirnova²^{1,2} Moscow City University,
Moscow, Russia,¹ grymepe4orina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3279-5376>² alfia-smirnova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9198-548X>

Abstract. The authors rely on principles of a systematic approach in their attempt to examine Nabokov's meta-plot «immanent vs transcendent». The latter was developed by the Russian writer during his Berlin creative period. Vladimir Nabokov, following the Russian existentialists in his aesthetic and philosophical search focused on the process of transcendence (creative act). The meta-plot stemmed from the original type of the main character — a dreamer-traveler who prefers fractal imaginary patterns in the unreal world to everyday life. Such a hero, due to psychological features and life circumstances, becomes an adept of escapism, as a result, he loses his attachment to life, his soul strives to leave immanence (ordinariness). Nevertheless, the fact of death in the material world neither causes tragedy nor brings salvation, since each of the characters is in an infinite artistic hyperreality. Nabokov emphasizes the latter's properties which imply that physical death means reaching another level of artistic reality.

Keywords: absurd, escapism, transcendence, immanence, vulgarity, despair, hyperreality.

For citation: Gromov, A. V., Smirnova, A. I. (2024). Vladimir Nabokov's meta-plot «immanence vs transcendence» (as revealed in early prose). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(55), 20–32.

Введение

Писателю-эмигранту В. В. Набокову довелось жить в периоды мировой деформации, в годы революций и войн, в связи с чем в его мировоззрении выработался антропологический пессимизм, а также разочарованность в силе логического мышления. Русский художник, вопреки позитивистам, рационалистам и реалистам, утверждал подсознательный (иррациональный) характер творчества. Это роднит его с экзистенциальной литературой, представители которой изображали абсурдность бытия, уделяя особое внимание такой философской проблеме, как утрата смысла существования. Подавляющее большинство сюжетов на эту тему связано с понятием отчуждения, под которым могут подразумеваться различные смыслы:

отчуждение индивидуума от социума, от культурно-исторического процесса, от самого себя. В целом модернизм говорил о непреодолимой дистанции между индивидуумом и внешним миром. Человек только формально способен вписываться в окружающий мир, ведя, в сущности, блеклое существование в отчуждении. Например, в этом отношении показательно творчество Г. Газданова, который, как и Набоков, обращался к экзистенциальной проблематике, будучи писателем-эмигрантом: «...все это родное и как будто неотделимое от тебя с каждым днем становится все дальше, делается все более чуждо — до тех пор, пока <...> не поймешь с безнадежной окончательностью, что и ты чужд всему, в чем живешь» (Газданов, 1996, т. 1, с. 170).

Влияние философии экзистенциализма на творчество В. В. Набокова не поддается сомнению, впрочем, как и влияние Набокова на литературу экзистенциализма. Русский писатель разделял и деконструировал идеи Ф. Кафки, С. Кьеркегора, Л. И. Шестова, Н. А. Бердяева, что прослеживается на материале ранней прозы. Об этом пишут литературоведы Л. Ю. Стрельникова, В. В. Заманская и О. Д. Буренина. Их труды послужили теоретической основой для настоящего исследования.

Изучая природу творческого процесса, Набоков сумел создать оригинальный метасюжет, в рамках которого раскрывается суть таких экзистенциальных категорий, как *отчаяние*, *пошлость* и *отчуждение*. Структура этого метасюжета напоминает эффект интерференции, поскольку присутствует наложение друг на друга как минимум двух сценариев, отличающихся противоположностью финалов: набоковский герой осознает пошлость окружающей реальности, ввиду чего его начинают одолевать чувства отчаяния и отчуждения, приводящие к эскапизму, в результате чего в сознании героя утверждается бессмысленность окружающей реальности (точка кульминации), оборачивающаяся в финале выходом за ее пределы, т. е. герой выходит на новый уровень набоковской гиперреальности, что может являться для него как трагедией, так и спасением. Первому сценарию отвечают такие романы, как «Защита Лужина», «Отчаяние» и «Подвиг». Сценарий, развязку которого мы интерпретируем как спасение, распространяется на повесть «Соглядатай» и роман «Приглашение на казнь».

В сущности, то, чем заканчивается произведение (спасением или трагедией), стоит в полной зависимости от двух факторов: отношения главного героя к области трансцендентного и отношения реципиента к образу главного героя. Другими словами, подобие интерференции определяется уместностью противоположных интерпретаций одного и того же произведения. Например, в диссертации О. Ворониной «Категория художественной реальности в поэтике романов В. В. Набокова» развязка романа «Защита Лужина» трактуется скорее как спасение, с чем мы не можем согласиться: «Лужин последовательно превращается из человека играющего в человекобога...» (Воронина, 2002, с. 51). Учитывая интенцию Набокова на смысловую бесконечность, мы не удивляемся

наличию такой интерпретации. Сам же писатель, как нам видится, не склонен оперировать категорией спасения, что связано с такими принципами его эстетической программы, как антиутилитаризм и иррационализм. Однако исследователь вправе интерпретировать текст сообразно своему пониманию. И стоит ли постоянно следовать за автором произведения, ведь творческий процесс во многом интуитивный. Попытаемся схематично отразить относительность набоковского метасюжета «трансцендентное vs имманентное»:

1. Осознание пошлости – отчаяние и отчуждение – трансцендирование – трагедия.

2. Осознание пошлости – отчаяние и отчуждение – трансцендирование – спасение.

Ход исследования

В. В. Набоков неоднократно обращал читательское внимание на понятие пошлости. В лекции «Пошляки и пошлость» он дал развернутое описание этому феномену, руководствуясь собственной эстетической программой. По его мысли, пошляк — это обывательский тип, который удручает не столько своей повсеместностью, сколько вульгарностью некоторых представлений. В романе «Защита Лужина» автор изобразил такого обывателя, по-видимому, в лице Лужина-старшего: «Ему казалось, что все должны видеть недюжинность его сына; <...> Школа, которую он для сына выбрал, особенно славилась внимательностью к так называемой “внутренней” жизни ученика...» (Набоков, 2006, т. 2, с. 315). Но эти представления оказались слишком поверхностными, что выяснилось при беседе отца со школьным учителем, рассказывавшим о том, что Лужин мало бегает на переменах, что у него не получается ладить со сверстниками. Лужин-старший был в ожидании слов изумления и похвалы, но «услышал пасмурные, холодноватые слова, доказывавшие, что его сына воспитатель понимает еще меньше, чем он сам» (Набоков, 2006, т. 2, с. 316). В этом контексте *пошлость* сближается с понятием обыденности, а пошляк — с обывателем. Главный герой Лужин с раннего детства отчуждается от удручающей обыденной реальности: будь это семейные взаимоотношения или школьная жизнь.

Неслучайно Набоков в своих лекциях по литературе подчеркивал, что пошляк часто использует одни и те же шаблоны, оперирует выученным запасом идей. Как правило, речь обывателя преисполнена просторечной лексики, шаблонными оборотами. Его обращение с языком носит механический характер. Следовательно, образ мысли такого типа, по Набокову, не может претендовать на философскую или эстетическую ценность: «Истинный обыватель весь соткан из этих заурядных, убогих мыслей; кроме них, у него ничего нет» (Набоков, 2010, с. 426). За примером обратимся к роману «Камера обскура».

Путь главного героя к трагической развязке начался именно с подавляющего «ощущения повседневности, обыкновенности», катализатором которого выступала его жена. Кречмара удручала обыденность семейной жизни, его раздражали диалоги с женой, в которых проявлялась ее «привычка задавать вопросы зря», когда «сама знает ответ» (Набоков, 2006, т. 3, с. 255). Как и в случае с Лужиным, Кречмар отчуждается от семейной жизни.

В той же лекции Набоков отмечал: «Пошлость — это не только явная, неприкрытая бездарность, но главным образом мнимая значительность, мнимая красота, мнимый ум, мнимая привлекательность» (Набоков, 2010, с. 431). Подобные мысли были свойственны и главному герою романа «Подвиг» незадолго до того, как он исчез из чуждого для него мира. Он пришел провести знакомого литератора Бубнова, но впоследствии пожалел о своем решении, поскольку столкнулся с откровенной фальшью его ремесла: «...подмывало сказать Бубнову, что его рассказ о Зоорландии — неудачный, фальшивый, никуда негодный рассказ» (Набоков, 2006, т. 3, с. 241). Дело в том, что сказка о Зоорландии была придумана Мартыном, когда он проводил дни, лежа под соснами вместе с Соней. Придуманная сказка стала для Мартына символом зыбких и неопределенных отношений с возлюбленной, пока его фантазию не опошил посредственный беллетрист.

Еще одной характеристикой пошляка является то, что он «не увлекается и не интересуется искусством, в том числе и литературой, — вся его природа искусству враждебна» (Набоков, 2006, т. 3, с. 427). Приведенное описание справедливо по отношению к абсурдному спектаклю, который разыгрывается вокруг Цинцинната в романе «Приглашение на казнь», где сюжет раскрывает процесс обретения свободы: творческий аспект личности главного героя стремится к реализации авторского потенциала в условиях тюремного заключения: «Рядом — корявыми детскими буквами: “Писателей буду штрафовать” — и подпись: директор тюрьмы» (Набоков, 2006, т. 4, с. 57). Каждый персонаж, контактирующий с Цинциннатом, — это кукла-марионетка, выполняющая функцию препятствия на пути к обретению статуса независимого художника. Речевой план таких персонажей преисполнен комизмом бессмыслицы, поверхностными каламбурами, литературными штампами, напускной эмоциональностью, что характеризует их как проводников пошлости. Например, речь директора тюрьмы Родрига Ивановича чрезмерно эмоциональна, вычурно сентиментальна: «Чудесно, поразительно, — повторял Родриг Иванович, вытирая сиреневым платком глаза, увлажнившиеся от <...> счастливых смешков, ахов, переживаний» (Набоков, 2006, т. 4, с. 94). Данный образ конструируется автором на пародийной основе, когда форма не отвечает содержанию. Абсурдные реплики персонажа противоречат его торжественно-официальному внешнему виду: «Он был как всегда в сюртуке, держался отменно прямо, выпятив грудь, одну руку засунув за борт, а другую заложив за спину» (Набоков, 2006, т. 4, с. 49).

Вышесказанное справедливо и по отношению к м-сье Пьеру, чей образ выполняет функцию местного трикстера, сочетая в себе демонизм и фарс. Как отмечал Набоков, «в пошлости есть какой-то лоск, какая-то пухлость, и ее глянец...» (Набоков, 2010, с. 46). Перечисленные эпитеты относятся к образу м-сье Пьера. Это пухлый, аккуратно одетый, пользующийся литературными штампами гороховый шут с претензией на аристократизм: «Ну-с, поехали, — бодро сказал м-сье Пьер и надел свою гороховую с фазаньим перышком шляпу» (Набоков, 2006, т. 4, с. 180). Такая художественная деталь, как «гороховая с фазаньим перышком шляпа», говорит о том, что перед нами пародия на Мефистофеля, которая в романе отличается особой разновидностью пошлости — нарочитой театральностью. М-сье Пьер пародирует трикстера, сам являясь пародией на трикстера, что утверждает его в качестве короля мира декораций и пошлости, где все вещи и явления направлены на то, чтобы сбить главного героя с пути по обретению подлинного авторского голоса.

В лекции «Мертвые души» Набоков трактует феномен пошлости в духе экзистенциальной философии, акцентируя внимание на его связи с абсурдом. Анализируя образ Чичикова, русский писатель утверждал, что понятие пошлости не принадлежит области морали. «Преступление» Чичикова не относится к области этики и вызывает интерес исключительно по причине напускной таинственности вокруг глупой идеи покупать мертвых людей (в стране, где продают и покупают живых). По мысли Набокова-лектора, пошлость — это замаскированная глупость, которая противоположна всему красивому и подлинному, в связи с чем способна вызывать негативные эмоции чисто эстетического характера.

Спустя десятилетия О. Ханзен-Леве, руководствуясь эстетическим подходом, определил абсурд как специфичный знак, «морально-идеологической формой проявления которого оказывается “пошлость” <...> и ощущение полного отчуждения от самого себя», что согласуется с основой набоковского метасюжета — внутренним конфликтом личности (Ханзен-Леве, 2001, с. 198). Феномен отчуждения от самого себя запечатлен в повести «Соглядатай» задолго до возникновения научного дискурса по данному вопросу: «Пошлый, несчастный, дрожащий маленький человек в котелке стоял посреди комнаты, почему-то потирая руки. Таким я на мгновение увидел себя в зеркале» (Набоков, 2006, т. 3, с. 52). Стоит обратить внимание на лексическую доминанту «почему-то», которая в художественной системе автора выступает в роли маркера абсурда. Как правило, она возникает в речевом плане героев, когда они теряют адекватное понимание того, что происходит. В приведенном отрывке Смуров отчуждается от себя так, что перестает понимать собственные действия. В исследуемом материале эта лексема встречается довольно часто, представляя поэтику абсурда на лексико-стилистическом уровне.

Мотив отчуждения в художественной системе русского писателя тесно связан с категорией отчаяния. В рамках рассмотрения этого вопроса обратимся

к одному философскому претексту. В книге «Киргегард и экзистенциальная философия» русский мыслитель Л. И. Шестов транслирует фундаментальное положение о том, что источником философии следует считать не удивление (как учила древнегреческая философия), а состояние отчаяния, которое, нивелируя нормативную логику, заставляет человека выходить «за рамки разума», «...где разум показывает <...>, что человек стоит пред невозможным, что все кончено — и навсегда, что всякая дальнейшая борьба бессмысленна, т. е. там и тогда, когда человек испытывает свое полное бессилие» (Шестов, 1992, с. 76). По мысли философа, только отчаяние способно подвести человека к пределам сущего, за которыми — трансцендентное. Экзистенциализм, таким образом, подчеркивает, что основная задача философии — вырваться из власти рациональности, чтобы искать истину в той области, которую обыденное сознание трактует как абсурдное. При таком подходе подлинной философией становится философия абсурда, предлагающая процесс познания в пограничной ситуации — в моменте отчаяния.

Категория отчаяния была объектом исследования у раннего Набокова. Например, роман «Отчаяние» начинается с описания пограничного состояния главного героя: «У меня руки дрожат, мне хочется заорать...» (Набоков, 2006, т. 3, с. 398). В романе «Камера обскура» — сходная ситуация: «Его охватило такое отчаяние, что он решился на довольно опасный шаг» (Набоков, 2006, с. 285). В состоянии отчаяния пребывает и главный герой повести «Соглядатай»: «Мысль о смерти, так пугавшая меня некогда, была теперь близка и проста» (Набоков, 2006, т. 3, с. 53). Отчаяние заставляет набоковских героев совершить роковой поступок, на который они решаются, отбросив традиционную мораль и нормативную логику. В первом случае — это убийство, во втором — супружеская измена, в третьем — самоубийство.

Пограничное психическое состояние катализирует процесс отчуждения, влечет за собой экзистенциальный кризис. В ситуации экзистенциального кризиса обыденное сознание обращается в абсурдное: индивидуум, одолеваемый чувством страха и перманентной тревогой, оказывается в отчуждении, ввиду чего чувствует себя посторонним в равнодушном, пошлом мире кукол и декораций и, как следствие, решается на абсурдный (с точки зрения обыденного сознания) шаг. Таким образом, абсурдное сознание возникает в пограничных ситуациях, в особенности в ситуациях между жизнью и смертью. Приведем мысли главного героя из повести «Соглядатай» за секунды до самоубийства: «...бессмысленность мира, — стало мне очевидно. Я почувствовал вдруг невероятную свободу, — вот она-то и была знаком бессмысленности» (Набоков, 2006, т. 3, с. 52). Осознание бессмысленности мира в художественной реальности Набокова вытекает из обретения абсурдного сознания. Покончив с жизнью в материальном мире, главный герой обретает новую жизнь в идеальном (в мире идей и представлений). С точки зрения экзистенциальной философии он переместился из имманентного (обыденного) в область трансцендентного.

В. В. Набоков по-своему осмысливает трагедию. В его художественном мире она существует только по той причине, что человек стремится к ней. Это положение также было осмыслено Н. А. Бердяевым, усмотревшим корни трагедии в непреодолимом конфликте между имманентным (обыденным) и трансцендентным. Русский философ писал о том, что творчество есть трансцендирование, выход за пределы имманентного бытия. Художник, стремящийся к свободе творчества, пытается выйти за пределы обыденности, вырваться из реального мира в область чистой эстетики. Любовь к творчеству есть нелюбовь к жизни, поскольку, как верно отмечает О. Д. Буренина, творческий акт «проецируется на завершенность и одновременно проецируем завершенностью всего земного» (Буренина, 2014, с. 251). Следовательно, творческий процесс есть акт эскапизма. В такой момент душа человека стремится покинуть окружающий мир, по причине чего в ней может начать укореняться ощущение бессмысленности обыденной жизни.

Набоковский герой — адепт эскапизма. Он отказывается от окружающей реальности в пользу ирреального мира своих грез, в результате чего начинает терять привязанность к жизни. На это указывает полуироничное цитирование стихотворения «Пора, мой друг, пора!..» незадолго до того, как главный герой совершит убийство, представляющееся ему гениальным произведением искусства: «...а есть покой и воля, давно завидная мечтается мне доля. Давно, усталый раб...» (Набоков, 2006, т. 3, с. 433). Эта отсылка выполняет суггестивную функцию. Цитата прерывается репликой жены прямо перед словами «замыслил я побег», которые отражают суть феномена эскапизма. В сознании Германа окружающий мир утрачивает имманентность (обыденность), сливаясь с областью чистой эстетики. Между жизнью и искусством стираются границы, в результате чего Герман-художник и Герман-убийца сливаются в одном лице, стремящемся к идеалу артистичной личности (в набоковском понимании). Потеряв связь с реальностью, главный герой совершает убийство. Реализация артистического начала в рамках метасюжета «имманентное vs трансцендентное» приравнивается к реализации творческого потенциала, поскольку в контексте исследуемого материала данные понятия отождествляются. Отметим, что артистизм является ключевым принципом эстетической программы Набокова, на что указывает цикл его лекций как по русской, так и по зарубежной литературе.

Из материала исследования следует, что эскапизм обусловлен в первую очередь работой воображения. Например, Цинциннат посредством воображения бежит от угнетающего мира пошлых кукол и декораций: «...И кто этот спаситель? — Воображение, — отвечал Цинциннат. — А вам бежать хочется? <...> — удивился м-сье Пьер» (Набоков, 2006, т. 4, с. 114). В сущности, мотив эскапизма здесь выполняет обратную функцию, поскольку Цинциннат изначально пребывает в ирреальном мире абсурдного спектакля, из которого выбраться — значит нивелировать собственную сценическую предопределенность и перейти на другой уровень художественной реальности, где есть существа,

подобные ему, что не исключает концепт возвращения. Согласно выводам Дж. Конноли, главный герой в процессе словотворчества захотел соответствовать собственным эстетическим стандартам, благодаря чему сумел выйти за рамки художественного текста, тем самым обретя статус the unfettered artist («свободный художник») (Connolly, 1992, с. 184).

В рамках акта эскапизма сами герои оказываются способны деконструировать компоненты художественной реальности. Например, Мартын не просто хранит воспоминания о прошлом, а деконструирует их в процессе рекурсивной рефлексии. Он играет с воспоминаниями, переписывает их, что говорит о его артистичности (в набоковском смысле): «И уже Мартын ловил себя на том, что задним числом прихорашивает нелепое и довольно плоское ночное происшествие, столь же похожее на подлинную жизнь, которой он жил в мечтах, сколь похож бессвязный сон на цельную и полновесную действительность» (Набоков, 2006, с. 107–108). Здесь чувствуется чеховская традиция. Например, в пьесе «Три сестры» героини конструируют гиперреальность на основе грез о жизни в Москве. Воображение выступает в качестве средства для творческих симуляций. Странное бездействие в пьесе мотивировано тем, что симуляция реальности маскируется под реальное, заставляя персонажей самообманываться.

Мотив игры с памятью является характерным для экзистенциальной литературы, в особенности для творчества русских писателей — эмигрантов. Игра с воспоминаниями, ассоциативное мышление становятся объектами исследования. Думается, источником вдохновения был М. Пруст, который совершил переворот в литературе, разработав и популяризовав концепцию потока сознания. Например, Г. Газданов в романе «История одного путешествия» изображает главного героя Володю мечтателем-путешественником, который настолько глубоко погружается в мир своих фантазий, что однажды не заметил мчащийся на него автомобиль: «...у него образовалась привычка исправлять воспоминания и пытаться воссоздавать не то, что происходило, а то, что должно было произойти...» (Газданов, 1996, т. 1, с. 177). Аналогичный образ мышления присущ и Мартыну из романа «Подвиг». Этих героев, как и их авторов, объединяет оторванность от родной земли, в результате чего возникает ситуация одиночества в толпе, когда окружающий мир ощущается как чуждый. Обратимся к теории постструктуралиста Ж. Бодрийяра: «Когда реальное больше не является тем, чем оно было, ностальгия присваивает себе все его смысловое содержание» (Бодрийяр, 2015, с. 13). Возможно, образ России, хранимый в душе мечтателя-путешественника, и есть то реальное, которое таковым больше не является и уже не станет никогда. В этой связи стоит отметить образ главного героя романа «Вечер у Клэр»: «Я привыкал жить в прошедшей действительности, восстановленной моим воображением. <...> постоянная забава моей фантазии постепенно входила в привычку» (Газданов, 1996, т. 1, с. 52). В приведенном отрывке герой признается, что подлинную жизнь ведет в мире своих грез. В отказе от обыденной жизни чувствуется бердяевский трагизм имманентного и трансцендентного.

Набоков подобный трагизм воплотил в судьбе главного героя романа «Защита Лужина». Автор ставит в центр внимания шизотипичную личность, для которой игра в шахматы становится роковым препятствием на пути к жизни. Воображение Лужина стало платформой для творческих симуляций, непрерывного разыгрывания шахматных комбинаций. Лужин отчуждается с ранних лет, посредством шахмат он бежит в область трансцендентного, а в реальной жизни ведет блеклое существование. По мере того как герой продвигался по карьерной лестнице шахматиста, по мере достижения новых трофеев, его психика разрушалась, одолеваемая параноидальными мыслями. Сознание Лужина переносит категории шахматного мира на окружающую реальность, в связи с чем возникают разного рода галлюцинации, одна из которых заставляет его выискивать тех, кто планирует провернуть неизвестную сложную комбинацию против него в реальной жизни. Набоков раскрывает феномен абсурдного сознания: «Лужин <...> заплутал в одной из комбинаций, которые только что продумывал, сделал отчаянную попытку высвободиться, куда-нибудь вылезти, — хотя бы в небытие» (Набоков, 2006, т. 2, с. 390). Трансцендентное захватило разум Лужина, после чего он уже не смог нормально жить в обыденном мире. В результате он не сумел найти другого решения этой шахматной задачки, кроме как прыгнуть через окно в вечность, которая «угодно и неумолимо раскинулась перед ним» (Набоков, 2006, т. 2, с. 465). Роман заканчивается тезисом о том, что Александра Ивановича никогда не было. В последней строчке впервые звучит имя главного героя. Автор эксплицитно указывает на то, что Лужин был заложником своего ампула. В обыденной жизни его не существовало, поскольку он был погружен в гиперреальность шахматных абстракций, сводящих его с ума. Это привело к трагической развязке.

Характерен финал романа «Подвиг», когда Мартын уходит из чуждого ему мира в мир ностальгии и воспоминаний, оставляя всех в недоумении: «...как молодой человек, довольно далекий от русских вопросов, скорее, знаете, иностранной складки, мог оказаться способен на... на подвиг, если хотите» (Набоков, 2006, т. 3, с. 248). Подвиг в данном контексте — это абсурдный поступок, противоречащий здравому смыслу. Друзья героя не смогли понять, зачем он, рискуя жизнью, отправился в Россию, которая для человека иностранной складки того времени представлялась страной ужасов. В своем стремлении преодолеть имманентное (т. е. притяжение земной обыденной жизни) Мартын решается на роковой поступок: уходит в гиперреальный мир, составленный из обрывков его памяти и романтических мечтаний.

Главный герой «Соглядатая» построил удивительный симулятивный мир, в котором его сущность распалась на множество ликов, на множество версий несуществующего себя, из чего выходит, что личность Смурова — это симулякр. Свою экзистенцию герой определяет как тысячу отражений: есть только представления о Смурове, за которыми наблюдает несуществующий оригинал. В конце романа герой заключает, что подлинное счастье состоит в безучастном

наблюдении. Созерцая фантомы своего сознания, он обрел желаемые покой и волю: «Я понял, что единственное счастье в этом мире — это наблюдать, соглядатайствовать, во все глаза смотреть на себя, на других, — не делать никаких выводов, — просто глазеть. Клянусь, что это счастье» (Набоков, 2006, т. 3, с. 93).

В романе «Приглашение на казнь» главный герой, как это было в повести «Соглядатай», обретает не материальное бытие, а эстетическую вечность. Цинциннат в процессе высвобождения творческого аспекта личности переходит в разряд творцов, после чего ему открывается дорога «в ту сторону, где, судя по голосам, стояли существа, подобные ему» (Набоков, 2006, т. 4, с. 187). Цинциннат осознал фиктивность окружающего мира, в результате чего понял и фиктивность смерти в нем. Он освободился от угнетающего страха, после чего сумел покинуть абсурдный спектакль. Художественная реальность данного произведения являет собой симуляцию театрального действия, где смерть, как и каждая реплика, выступает элементом абсурдистской игры. Представляется, что автор изобразил трансцендирование в произведениях «Соглядатай» и «Приглашение на казнь» в качестве источника спасения. В этих произведениях главные герои не погибают, а перемещаются из чуждого для них мира в желаемую гиперреальность.

Заключение

Анализ ранней прозы В. В. Набокова позволил нам проследить реализацию метасюжета «имманентное vs трансцендентное», основой которого выступает как претекст русского экзистенциализма, так и специфический тип героя — мечтателя-путешественника. Он совершает странствия не только в физическом мире, но и за гранью окружающей реальности. Такой герой не чувствует сопричастности историческому процессу, социально отчуждается, чему способствует низкий уровень эмоционального интеллекта, детские травмы, возможное наличие психических отклонений. Набоков, как и писатели-экзистенциалисты, исследовал проблему неразрешимых противоречий между личностью и окружающей средой, приводящих к утрате смысла существования.

Как правило, набоковский герой нацелен на то, чтобы следовать идеалу артистического образа в гиперреальном мире, созданном его воображением. Такая судьба трансформируется в метасюжет о выходе индивидуума за границы окружающей реальности, из имманентного — в трансцендентное. При этом уместно говорить о наличии двух сценариев. Если в рамках первого сценария воображение выступает в качестве источника для спасения из чуждого мира, то во втором случае оно оказывается губительным средством эскапизма. То, какой перед нами финал (спасение или трагедия), определяется отношением героя к области трансцендентного, а также отношением реципиента к образу героя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бахтин, М. М. (1986). *Эстетика словесного творчества*. Искусство.
2. Бодрийяр, Ж. (2015). *Симулякры и симуляции*. Постум.
3. Буренина, О. Д. (2014). *Символистский абсурд и его традиции в русской литературе и культуре первой половины XX века*. Алетейя.
4. Воронина, О. Ю. (2002). *Категория «художественная реальность» в поэтике романов В. В. Набокова* [Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Санкт-Петербург].
5. Газданов, Г. (2009). *Собрание сочинений русского периода: в 5 т. Т. 5*. Эллис Лак.
6. Давыдов, С. (2004). «Тексты-матрешки» Владимира Набокова. Кирцидели.
7. Заманская, В. В. (2002). *Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий*. Флинта: Наука.
8. Набоков, В. В. (2002). *Лекции о «Дон Кихоте»*. Независимая газета.
9. Набоков, В. В. (2010). *Лекции по зарубежной литературе*. Азбука-классика.
10. Набоков, В. В. (2010). *Лекции по русской литературе*. Азбука-классика.
11. Набоков, В. В. (2006). *Собрание сочинений русского периода: в 5 т. Симпозиум*.
12. Стрельникова, Л. Ю. (2019). *Литературная игра в ранней прозе В. В. Набокова: модернистские и постмодернистские аспекты* [Дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. Краснодар].
13. Ханзен-Леве, Оге А. (2001). *Русский формализм: Методологическая реконструкция развития на основе принципа отстранения*. Языки русской культуры.
14. Шестов, Л. И. (1992). *Киргегард и экзистенциальная философия*. Прогресс.
15. Appel, A. (1967). Jr. Nabokov's Puppet Show. *New Republic*, Vol. 156, 27–30.
16. Connolly, J. (1992). *Nabokov's early fiction: patterns of self and other*. Cambridge University Press.

References

1. Bakhtin, M. M. (1986). *Aesthetics of verbal creativity*. Iskusstvo. (In Russ.).
2. Bodriiyar, Zh. (2015). *Simulacra and simulations*. Postum. (In Russ.).
3. Burenina, O. D. (2014). *The symbolist absurdity and its traditions in Russian literature and culture of the first half of the 20th century*. Aletejya. (In Russ.).
4. Voronina, O. Yu. (2002). *The category of «artistic reality» in the poetics of V. V. Nabokov's novels* [Dissertation for the PhD (Philology): 10.01.01. Saint-Petersburg]. (In Russ.).
5. Gazdanov, G. (2009). *Collected works of the Russian period: in 5 vols. Vol. 5*. Ellis Lak. (In Russ.).
6. Davydov, S. (2004). «*Matryoshka Texts*» by Vladimir Nabokov. Kirtsideli. (In Russ.).
7. Zamanskaya, V. V. (2002). *The existential tradition in Russian literature of the twentieth century. Dialogues at the turn of the century*. Flinta: Nauka. (In Russ.).
8. Nabokov, V. V. (2002). *Lectures on «Don Quixote»*. Nezavisimaya gazeta. (In Russ.).
9. Nabokov, V. V. (2010). *Lectures on foreign literature*. Azbuka-klassika. (In Russ.).
10. Nabokov, V. V. (2010). *Lectures on Russian literature*. Azbuka-klassika. (In Russ.).
11. Nabokov, V. V. (2006). *Collected works of the Russian period: in 5 vols. Simpozium*. (In Russ.).
12. Strel'nikova, L. Yu. (2019). *Literary play in the early prose of V. V. Nabokov: modernist and postmodern aspects* [Dissertation ... Doctor of Philological Sciences: 10.01.01. Krasnodar]. (In Russ.).

13. Hanzen-Leve, Oge A. (2001). *Russian formalism: Methodological reconstruction of development based on the principle of exclusion*. Yazyki russkoj kul'tury. (In Russ.).
14. Shestov, L. I. (1992). *Kierkegaard and Existential philosophy*. Progress. (In Russ.).
15. Appel, A. (1967). Jr. Nabokov's Puppet Show. *New Republic*, Vol. 156, 27–30.
16. Connolly, J. (1992). *Nabokov's early fiction: patterns of self and other*. Cambridge University Press.

Информация об авторах / Information about the authors

Алексей Владимирович Громов — аспирант департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Alexey V. Gromov — Postgraduate Student of the Department of Philology, Institute of Humanities, MCU.

Альфия Исламовна Смирнова — доктор филологических наук, профессор, начальник департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Alfia I. Smirnova — D. Sc. (Philology), Professor, Head of the Department of Philology, Institute of Humanities, MCU.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Научная статья
УДК 821.111-053.2

ПРИЕМ ПИЩИ КАК ЦИКЛООБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Э. БЛАЙТОН «ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ПЯТЕРКА»

Абаева Евгения Сергеевна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,
abaevaes@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3098-9297>

Аннотация. В статье затрагивается проблематика произведений литературного цикла, в частности исследуется прием пищи как важный элемент детских детективов известной английской писательницы Энид Блайтон. Материалом выступили первые пять повестей цикла «The Famous Five» («Великолепная пятерка», 21 произведение). Основная цель работы, связанная с описанием приема пищи как циклообразующего элемента повествования, логичным образом затрагивает проблематику функций повторяющихся элементов в тексте, их связь с родо-жанровой спецификой текста произведения и ориентацией на конкретного реципиента. Избранная автором методология, которая базируется на применении качественных методов, таких как мотивный, композиционный и функциональный анализ, позволила прийти к интересным выводам и наблюдениям. Так, автор считает, что описание приема пищи в детском детективе создает общий фон произведения, регламентируя в первую очередь распорядок дня ребят, а также указывая на временной промежуток, когда происходит то или иное действие в рамках сюжетной линии. Функциональное распределение, по мнению автора, вполне укладывается в общую направленность детской литературы: назидание и развлечение. Так, с точки зрения назидания при описании приема пищи корректируются, например, манеры поведения за столом, а с точки зрения развлечения фиксируется функция «прием пищи как приятное времяпрепровождение». Представленные в статье выводы, наблюдения и иллюстративный материал могут быть полезны как в плане литературоведения, так и в плане практического внедрения результатов в процесс, например *creative writing* (англ. творческое письмо). Дальнейшие разработки рассматриваемой проблематики, вне всякого сомнения, должны быть связаны с анализом повторяемости таких элементов в рамках одного произведения и в рамках нескольких текстов цикла в сравнительном аспекте, а также с внедрением полученных результатов в разработку сюжетной модели детского детектива исследуемого автора.

Ключевые слова: циклообразующий элемент, детский детектив, прием пищи, Энид Блайтон, «Великолепная пятерка».

Для цитирования: Абаева, Е. С. (2024). Прием пищи как циклообразующий элемент в произведениях Э. Блайтон «Великолепная пятерка». *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(55), 33–47.

Original article

UDC 821.111-053.2

MEAL AS A CYCLE-FORMING ELEMENT IN THE NOVELS OF E. BLYTON'S «THE FAMOUS FIVE»

Evgeniya S. Abaeva

Moscow City University,
Moscow, Russia,

abaevaes@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3098-9297>

Abstract. The article deals with the issues of literary works within the literary cycle, in particular, it examines meals as an important element of narration in children's detective stories of the famous English writer Enid Blyton. The first five novels of the cycle «The Famous Five» (21 works) are analyzed as a material. The paper's main purpose, related to the description of meal as a cycle-forming element within the narration, logically concerns the problems of the functions of the repeated elements, their connection with the genre of the work and the prospective recipient. The author's methodology, based on the use of qualitative methods such as motive analysis, compositional analysis, functional analysis allowed to come to some interesting conclusions and observations. The author considers that the description of a meal in a children's detective story creates the general background, regulating children's daily routine, and indicating the time when this or that action takes place within the storyline. The functional distribution, according to the author, satisfies the general focus of children's literature: to instruct and to entertain. Thus, considering the instructional part, when describing a meal, such aspect as behavior at the table is regulated, and considering the entertainment, the meal can be regarded as a pleasant pastime. The conclusions, observations and illustrative material can be useful for both — the theory of literature and its practice, for example, for creative writing. The further analyses should be applied to the repetition of such elements within one novel and within several novels of a cycle in a comparative aspect, as well as to the development of a specific authorial plot model of a children's detective story.

Keywords: cycle-forming element, children's detective story, meal, Enid Blyton, «The Famous Five».

For citation: Abaeva, E. S. (2024). Meal as a cycle-forming element in the novels of E. Blyton's «The Famous Five». *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(55), 33–47.

Введение

Произведения английской писательницы Энид Мэри Блайтон (Enid Mary Blyton, 1897–1968) известны во многих странах. Ее читатели, а также исследователи творчества замечают, как великолепно, а главное — часто, она описывает еду: «*one of the most important elements*

*of the book (and indeed most of Blyton's books) — the food!»¹ (Fiona, 2023), «food is abundant in Blyton's work»² (Broomfield, 2022, iii). Описание еды и приемов пищи доставляет читателю удовольствие, выступает в виде некоторого соглашения между автором и читателем: автор вырисовывает картину с помощью узнаваемых цветов и текстур, при этом оставляя читателю место для собственной интерпретации (Adewunmi, 2018). И хотя исследователи говорят о разнообразии функций, которые выполняет описание еды в произведениях автора: «*food helps to form and cement friendships through the sharing of meals together; it may also reveal group structures, hierarchies or the social class of the characters. Food also helps to establish a specific genre through the use of tropes, conventions and food practices*» (Broomfield, 2022, iii), — но отмечается, что научных исследований на эту тему еще не достаточно (Там же, с. 1).*

В отечественной науке — в литературоведении и лингвистике — Энид Блайтон, несмотря на свою популярность, еще не становилась объектом пристального внимания. Существует лишь некоторые исследования ее творчества. Так, Л. В. Чалова свидетельствует о том, что Блайтон затрагивала тайны, которыми зачитывались школьники, и ей всегда было важно мнение детей, а не взрослых; в своем творчестве она опирается на законы добра и справедливости (Чалова, 2010, с. 47). Автор приводит мнение И. Г. Минераловой из работы «*Детская литература*» (2002) о том, что Блайтон выводит положительного героя детского детектива, который выбирает «*быть*», а не «*казаться*» (цит по: Чалова, 2010, с. 48). Среди последних зарубежных исследований, посвященных ее творчеству, выделяется книга Д. Радда «*Энид Блайтон и тайна детской литературы*» (2000), в которой автор анализирует основную проблему произведений для детей: разрыв между «*сконструированным*» и «*конструктивным*» ребенком (цит. по: Гетманская, 2019, с. 32). Так или иначе, проблематика повторяющегося в рамках циклических произведений такого элемента повествования, как прием пищи, еще не ставилась в научных работах, что позволяет говорить об актуальности и новизне проведенного исследования.

Однако нельзя забывать, что прием пищи и в целом лексико-семантическое поле «*еда*» уже становились предметом изысканий в рамках отечественного литературоведения. Так, анализируя лексику тематической группы «*еда, потребление пищи*» в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «*Господа Головлевы*», Т. М. Ляшенко приходит к наблюдению, что еда может выступать как предмет обстановки, характеристика персонажа, сюжетообразующий элемент и характеристика отношений между персонажами (Ляшенко, 2020). В работе Д. Л. Гаджибалаевой прием пищи — это базовый ритуал, сопровождающийся как вербальной, так и невербальной коммуникацией (Гаджибалаева, 2018). Но если в последнем научном труде материалом служили речевые клише,

¹ один из важнейших элементов этой книги (да и большинства книг Блайтон) — это еда (здесь и далее перевод наш. — Е. А.)

² в произведениях Блайтон еда представлена в изобилии

то в нашей работе прием пищи выступает, скорее в роли фона, который является неотъемлемой частью жизни обычного ребенка и одновременно спецификой детского детектива, в рамках которого описываются окружающие ребенка реальные предметы и события. При этом подчеркнем, что прием пищи нас интересует именно как значимый элемент повествования в рамках детского детектива, играющий циклообразующую роль, поскольку, с одной стороны, известно, что в подобных произведениях схема повествования часто бывает стандартной (Кузьмин, 2019), а с другой — данный элемент не совсем укладывается в стандартную схему, будучи авторской особенностью Э. Блайтон.

Произведения, которые составляют задуманный автором цикл, представляют определенный исследовательский интерес не в последнюю очередь в силу современной тенденции на такого рода произведения: «<...> нарастание циклового материала вокруг любимых героев объясняется стремлением приурочить новое повествование к известному уже лицу, чтобы вызвать этим больше внимания и больше сочувствия. <...> любимые герои их обретают как бы полуреальное существование, становятся старыми знакомцами, даже если данный отдельный эпизод воспринимается впервые» (Дынник, 1925, URL).

Конкретный цикл, который можно охарактеризовать как авторский, структурированный, со сквозными персонажами, дает возможность Блайтон более полно отразить свою концепцию. Организация произведений в рамках цикла подчиняется авторской концепции (в том числе с точки зрения взросления героев), а входящие в него произведения имеют целый ряд общих черт, т. е. в них присутствуют общие элементы цикла.

На наш взгляд, интерес должны вызывать рамки и основы тех входящих в циклы произведений, которые уже нашли отклик у читателей. А возможные вопросы, которые могут возникнуть у исследователя, очерчиваются, но не ограничиваются следующим рядом:

- какие элементы повествования повторяются в произведении, входящем в цикл;
- какую функцию выполняют эти системно повторяющиеся элементы;
- как связаны эти элементы с родо-жанровой спецификой текста произведения, с направленностью на аудиторию и т. д.;
- какова частотность таких элементов и их повторяемость в рамках одного произведения и в рамках нескольких произведений цикла в сравнительном аспекте.

Отметим, однако, что в данной статье мы не ставим себе целью ответить на все вышеперечисленные вопросы. Также мы не затрагиваем в нашей работе качественную характеристику той пищи, которую едят дети, хотя оговоримся, что это вызывает некоторые вопросы исследователей, например относительно того, насколько подобную еду можно считать здоровой (Adewunmi, 2018). Важно еще упомянуть, что акцент на культурно значимой пище, своеобразное подчеркивание национальной специфики можно расценивать как проявление «английскости» в манере писателя (Меркулова, 2010, с. 224).

Методология исследования

Материалом проведенного исследования выступили пять произведений Энид Мэри Блайтон, вошедших в ее самый известный литературный цикл (серию произведений) «The Famous Five» («Великолепная пятерка»), состоящий из 21 повести, написанной с 1942 по 1946 год:

- *Five on a Treasure Island* (1942) (Blyton, 2001) — «Тайна острова сокровищ» (Блайтон, 1993b, с. 3–104);
- *Five Go Adventuring Again* (1943) (Blyton, 2010a) — «Новые приключения великолепной пятерки» (Блайтон, 1993a);
- *Five Run Away Together* (1944) (Blyton, 2010b) — «Тайна старого подземелья» (Блайтон, 1994, с. 3–164);
- *Five Go to the Smugglers* (1945) (Blyton, 2001) — «Тайна “Вершины Контрабандиста”» (Блайтон, 1995, с. 3–152);
- *Five Go off in a Caravan* (1946) (Blyton, 2017) — «Тайна бродячего цирка» (Блайтон, 1993b, с. 105–223).

В качестве основных методов, которые позволили прийти к определенным наблюдениям и выводам, обозначим: частный метод мотивного анализа, функциональный и композиционный анализ. Материалом для изучения послужили аутентичные тексты. Официальные переводы приводятся в статье с целью облегчить понимание читателя. Работа осуществлялась в несколько этапов. В первую очередь были отобраны все отрывки, в которых содержалось упоминание о приеме пищи. Далее был проанализирован функционал каждого отрывка и составлена классификация выявленных системных функций; впоследствии мы постарались выявить связь таких элементов и их функционала как с особенностями детектива в целом, так и с детским детективом в частности.

Результаты исследования и дискуссия

В произведениях цикла, как следует из его названия, фигурируют пять основных персонажей: самый старший и поэтому, наверное, самый разумный из всей компании, Джулиан Киррин; младший брат, Дик Киррин, и их младшая и робкая сестренка по имени Энн; двоюродная сестра ребят, бесстрашная девочка Джорджина, которая хочет походить на мальчика и поэтому любит, когда ее называют Джордж; и, наконец, пес Джорджины по имени Тимми, не раз выручавший ребят в разнообразных переделках.

Среди основных характеристик детской литературы в целом можно выделить ряд черт, с которым согласны исследователи (Дж. Хиллман³, М. Макдауэлл⁴):

³ Hillman Ju. *Discovering Children's Literature*. 3rd edn. Boston, 1994.

⁴ McDowell M. *Fiction for Children and Adults: Some Essential Differences // Children's Literature in Education*. 1973. March. Vol. 4. Issue 1. Pp. 50–63.

преимущественная сюжетная опора на действие, общий оптимистический настрой и счастливый финал. Все это находит отражение в произведениях исследуемого автора. Сюжетно произведения построены по схожей схеме, которая вписывается в рамки детектива: дети собираются все вместе, например, на каникулы, затем они обнаруживают некоторую загадку и впоследствии ввязываются в приключения, пытаются найти ответы на свои вопросы, и в конце концов они разгадывают загадку (с появлением взрослых, в том числе полиции).

В произведениях достаточно циклообразующих элементов, которые связывают повести воедино: дети-герои, место, где часто происходят события (например, Киррин-коттедж), взрослые родственники, типичная сюжетная канва (здесь вспомним, что такими элементами могут выступать самые разнообразные особенности текста, даже, например, ритмические, лексико-фразеологические, звуковые (Егорова, 2004)). Но не последнюю роль в конкретном случае играет прием пищи.

Конечно, прием пищи (или сопровождающие прием пищи действия/объекты) в первую очередь выступает как **фон** для развития сюжета. Так, в «Новых приключениях великолепной пятерки» появляется описание рождественской еды (индейки и рождественских пирогов): «Joanna the cook was busy baking Christmas cakes. An enormous turkey had been sent over from Kirrin Farm and was hanging up in the larder» (Blyton, 2010a, 74) // Кухарка Джоанна была очень занята: пекла рождественские пироги. В кладовке висела громадная индейка, присланная с фермы Киррин (Блайтон, 1993а, с. 3). То есть весьма частотно простое описание приема пищи, не несущее дополнительной функциональной нагрузки: описывается, например, что ребята хорошо поужинали, они предварительно накрыли на стол, отыскивали приборы и тарелки, а хлеб у них остался еще с обеда («Тайна старого подземелья»).

При этом можно выделить и другие функции, которые повторяются во всех исследуемых текстах, что позволяет считать их наличие системным для повествования в рамках всего цикла. Также необходимо уточнить, что функции могут сосуществовать в рамках одного отрывка.

Поскольку речь в произведениях идет о детях, то прием пищи устанавливает и **фиксирует режим дня**. Ребята, проснувшись, идут завтракать, перед сном они ужинают, да и в течение дня не забывают поесть: «Are we picnicking soon?» asked Anne, feeling hungry all of a sudden. «Yes», said Mother. «But not yet. It's only eleven o'clock. We shan't have lunch till at least half-past twelve, Anne». «Oh, gracious!» said Anne. «I know I can't last out till then!» So her mother handed her some chocolate... (Blyton, 2001, p. 17) // — А есть мы будем скоро? — спросила проголодавшаяся вдруг Энн. — Скоро, но сейчас ведь только одиннадцать. Второй завтрак будет не раньше половины первого, Энн. — Как жалко! — воскликнула Энн. — Я не дотяну до второго завтрака. Тогда мама дала им шоколад... (Блайтон, 1993b, с. 9). Или: «Well, let's have something to eat first», said Dick. «It's long past our dinner-time. It must be about half-past one. Yes, it is!» (Blyton,

2017, p. 156) // — Но сначала надо приготовить что-нибудь поесть, — напомнил Дик. — Мы и так уже припозднились с обедом, сейчас, должно быть, не меньше половины второго. Да, точно! (Блайтон, 1993b, с. 191).

В качестве регламентации режима автор использует и упоминание о действиях, которые сопровождают прием пищи: нужно добыть еду, помыть посуду, собраться к завтраку, вымыть руки, накрыть на стол и т. д. И хотя данный аспект исследуемой проблематики не входит в задачи конкретного исследования, но все же следует отметить, что весьма значимым для повествования является то, кто конкретно из героев обеспечивает нормальный прием пищи: кто добывает еду (*чаще мальчишки), кто накрывает на стол и кормит (*мама, Энни), кто моет после приема пищи посуду (*кухарка, Энни) и т. д.

Схожий функционал обнаруживается, когда прием пищи системно используется как показатель **череды действий в распорядке детей** (далее для демонстрации системности примеры приводятся из всех книг): So, after breakfast, four children got ready to go down to the beach (Blyton, 2001, p. 34). // Так что после завтрака четверо ребят приготовились к походу на пляж (Блайтон, 1993b, с. 14). Или: For goodness' sake eat up your sausages, Anne. We've all nearly finished. The bell will go in a minute, and you won't have had any breakfast' (Blyton 2010a, p. 10). // Бога ради, Энн, доедай свои сосиски. Мы все уже почти закончили. Через минуту прозвонит звонок, и ты останешься без завтрака (Блайтон, 1993a, с. 10). Или: «I'm going for a bathe before breakfast», said Julian, and snatched up his bathing trunks. «Coming, Dick?» (Blyton, 2010b, p. 15). // — Пойду-ка я искупаюсь перед завтраком, — сказал Джулиан и схватил свои купальные принадлежности. — Пошли, Дик? (Блайтон, 1994, с. 13). Или: He and Dick set out after breakfast and went down the hill to Mr. Barling's (Blyton, 2001, p. 157). // После завтрака они вдвоем с Диком спустились по склону холма к дому мистера Барлинга (Блайтон, 1995, с. 117). Или: «Let's run round a bit again, then have a piece of chocolate» (Blyton, 2017, p. 183). // — Давайте еще немного побегаем, а потом съедим по кусочку шоколадки (Блайтон, 1993b, 205).

Здесь интересно отметить, что часто в произведениях фигурирует связка **еда + сон**, что, на наш взгляд, также свидетельствует о системности распорядка в жизни ребенка: The children had been up half the night, and now they were full of good things, and were very sleepy (Blyton, 2010b, p. 100). // Полночи дети не спали и теперь, вкусно и сытно позавтракав, почувствовали, что их сильно клонит ко сну (Блайтон, 1994, с. 78). Или там же: Soon the four children, now no longer hungry, were sleeping peacefully (Blyton, 2010b, p. 50) // Вскоре четверо ребят, утолив голод, мирно спали (Блайтон, 1994, с. 42).

Упоминание о приеме пищи может указывать на **временной диапазон**. Например, в произведении «Тайна “Вершины Контрабандиста”» водитель, который должен доставить детей по адресу в гости, указывает на необходимость поторопиться, поскольку нужно успеть к чаю. В данном случае это можно расценивать как указание на время, поскольку в Великобритании пьют чай в 17.00:

«Time to get on», said the driver, looking at the clock. «You've got to be there **before tea**, your uncle said» (Blyton, 2001, p. 76). // — Пора ехать дальше, — сообщил водитель, поглядев на часы. — Ваш папа сказал, что нужно поспеть туда к чаю (Блайтон, 1995, с. 23). В примере ниже мы видим, что начало активных действий происходит во второй половине дня, после обеда: After dinner the four children went upstairs to the boys' bedroom and spread out the bit of linen on a table there (Blyton, 2010a, p. 51). // После обеда четверо ребятшек поднялись наверх, в спальню мальчиков, и расстелили лоскут на стоявшем там столе (Блайтон, 1993а, с. 80). А, например, в книге «Тайна бродячего цирка» Джулиан предлагает Дикю пообедать в городе и не возвращаться домой до вечера.

Помимо временного указания, прием пищи используется системно и в качестве структурного элемента, организуя **начало или конец главы**. Так, первая книга серии начинается со следующих слов: «Mother, have you heard about our summer holidays yet?» said Julian, at the breakfast-table. «Can we go to Polseath as usual?» (Blyton, 2001, p. 14). // — Мама, ты уже решила что-нибудь насчет наших каникул? — спросил Джулиан за завтраком. — Поедем, как всегда, в Полсит? (Блайтон, 1993b, с. 3). Впоследствии в этой же книге, когда ребята подружились с кузиной, глава заканчивается совместным поеданием мороженого. А уже одна из последующих глав этой же книги — «Тайна острова сокровищ» — начинается описанием выезда на пикник, который организует для друзей их тетя, где ребят ждут приключения. Во второй книге в самом начале первой главы мы снова видим указание на прием пищи: Энни получает письмо, когда садится с утра позавтракать. Одна из глав в четвертой книге начинается с того, что в поездке дети проголодались, а водитель знал хорошее место, где можно было перекусить. А в «Новых приключениях» одна из глав заканчивается словами мистера Роланда, что нужно пойти домой, чтобы успеть к чаю.

Причем интересно то, что, несмотря на всю сложность тех приключений, в которые попадают ребята, несмотря на ужас происходящего, прием пищи служит некоторым устоявшимся событием, которое нельзя сдвинуть. Неважно, сидят ребята в подземелье, в засаде в кустах или заперты в погребе, они не забывают о еде. Так, перед тем как залезть на крышу фургончика в повести «Тайна бродячего цирка» и начать следить за злодеями, Джулиан готовит себе еду, поскольку понимает: ожидание может затянуться.

Прием пищи может расцениваться как **передышка** перед походом, очередной авантюрой. Например, в «Тайне старого подземелья» дети сбегают на остров Киррин от вредной миссис Стиг и сразу же принимаются за еду, даже не достигнув острова, еще на лодке. Они чувствуют запах свежего хлеба, которым пополнили свои запасы провизии, и решают отломить по кусочку, насладиться золотистой, хрустящей корочкой («Тайна старого подземелья»). При этом необходимо отметить, что как только ребята добрались до острова, они тут же решили снова подкрепиться и позавтракать.

Системно в рамках исследуемых произведений автор показывает, что во время приема пищи **можно отдохнуть, подумать, что-то обсудить и принять решение**. Так, в «Новых приключениях» после тяжелого дня и решения детективной задачи все садятся обедать и обсуждать, как поступить с преступником, т. е. даже не сразу вызывают полицию. В повести «Тайна “Вершины Контрабандиста”» ребята, собравшись за завтраком, обсуждают, какую же контрабанду может перевозить мистер Барлинг, а в «Тайне бродячего цирка» Энн предлагает приготовить ужин и обсудить за едой, почему дядя Нобби поменял свое мнение и теперь хочет, чтобы племянник с ними дружил.

Во всей серии в целом сквозит мысль, что главное — не забыть поесть, и **если есть что покушать, то можно считать, что жизнь удалась**: «Isn't it gorgeous—here we are for ages, all by ourselves, with tons of nice things to eat, able to do just what we like!» said Anne, contentedly (Blyton, 2010b, p. 102). // — Ух, и замечательная у нас жизнь! — сказала Энн с довольным видом. — Будем жить здесь долго-долго, совсем самостоятельно, в запасе у нас куча всяких вкусностей, можем делать все, что нам вздумается! (Блайтон, 1994, с. 78).

Поскольку прием пищи в книгах Блайтон регламентирует нормальную жизнь и является чем-то незывлемым, даже злобные контрабандисты обычно **не мучают детей голодом**. В первой книге, высадившись на острове, злодеи думают о том, что нужно оставить детям еду; в пятой книге — «Тайна бродячего цирка» — хотя один из злодеев и хочет заморить детей голодом, но второй не дает ему этого сделать, и они решают скинуть в подземелье немного еды, чтобы запертые на какое-то время дети не умерли с голода. В «Новых приключениях» полиция привозит достаточно еды преступникам, которых пока не может забрать по причине большого снегопада. На таком общем фоне поведение миссис Стик, которая не кормит детей и запирает кухню, воспринимается читателями как откровенное насилие над детьми. Наказание в виде отсутствия еды в «Тайне “Вершины Контрабандиста”», когда мистер Ленуар грозит посадить ребят (а впоследствии так и поступает с Джордж) на хлеб и воду, также воспринимается очень серьезно.

Характеристика героя проявляется во всех исследуемых произведениях в качестве системной функции приема пищи. Так, в «Тайне старого подземелья» вредная миссис Стик плохо кормит детей, не разрешает брать продукты и заходить на кухню, т. е. плохо проявляется в контексте приема пищи (накормить детей). Они даже не хотят ее просить им готовить, а когда миссис Стик все же готовила ребятам, то еда была весьма скудной. При этом для себя она готовит отлично, что позволяет сделать вывод: она специально не старается для детей, поскольку плохо к ним относится.

В том же произведении великолепно проявляется Джулиан. Вступая в некоторую конфронтацию с противной миссис Стик, он неоднократно достает еду, чтобы накормить братьев и сестер: «If you are not going to get us any tea, I'll get it myself,» said the boy. «Where is the bread, and where are the cakes?» (Blyton,

2010b, p. 35). // — Если вы не намерены приготовить нам чай, я сам сделаю это, — сказал он. — Где тут у вас хлеб, где лепешки? (Блайтон, 1994, с. 29).

Среди характеристик детского детектива О. В. Тихонова, помимо уже известного элемента игры, борьбы добра и зла, наравне с некоторыми поучительными моментами, выделяет то, что герои в подростковом детективе могут развиваться (Тихонова, 2019). Это мы и наблюдаем в исследуемых произведениях в контексте приема пищи, например у Энни (с возрастом она начинает играть роль матери) и Джордж (она становится серьезнее, больше следует правилам).

В связи с этим важным, на наш взгляд, является системное использование элемента повествования «прием пищи» в качестве конкретной характеристики: **проявление заботы**. Так, в «Тайне старого подземелья» Джордж, беспокоясь о своей маме, хочет пойти и проверить, не голодна ли она. А, например, в «Тайне “Вершины Контрабандиста”» ребята переживают, что Джордж останется голодной, и думают, как бы прихватить для нее со стола немного торта.

Эмоциональное состояние проявляется через описание, что **герой не может есть как обычно**. Такое мы встречаем в «Новых приключениях», когда Джордж переживает, что ей не разрешают видеть Тимми, и ковыряется в тарелке, поскольку не хочет есть. В «Тайне старого подземелья» Джордж не может есть, поскольку также волнуется о здоровье матери. Там же она не может завтракать, когда ждет важного телефонного звонка. Впоследствии, когда Джордж узнает, что мама чувствует себя неплохо, у нее улучшается настроение, и она уже может получать от еды удовольствие. В «Тайне “Вершины Контрабандиста”» Джордж не в состоянии проглотить ни кусочка, поскольку волнуется за Тимми и думает, как бы до него добраться. В той же повести Мэрибелл не может завтракать, переживая за похищенного брата.

При этом сам прием пищи, тем более если еда вкусная, способствует улучшению **настроения**. Например, в «Тайне старого подземелья» чаепитие способно приободрить детей, а вкусный ужин может их даже развеселить.

Исторически закрепленная в английской детской литературе функция наставления/нравоучения (Чалова, 2010) находит свое отражение в циклообразующем элементе «прием пищи» в произведениях Э. Блайтон. Во всем цикле очень важны **правила приличия**. Так, в следующем примере фиксация их нарушения влечет за собой предварительную характеристику персонажа: «I wonder where Georgina is,» said Anne, when she said good-night to the boys, and went to her own room. «Isn't she queer — not waiting to welcome us — and not coming in to supper — and not even in yet!» (Blyton, 2001, 29). // — Интересно, где же Джорджина, — сказала Энн, пожелав спокойной ночи мальчикам. — Правда, она странная? Не встретила нас, не пришла к ужину, и сейчас ее еще нет (Блайтон, 1993b, с. 12). Мы видим, например, указания взрослых, что важно сесть к столу в приличном виде: в «Новых приключениях» мама отправляет детей привести себя в порядок перед тем, как пить чай. При этом взрослые демонстрируют желаемые нормы своим примером. Так, в «Новых приключениях» учитель предлагает отцу

Джордж помочь разрезать индейку за столом, поскольку у него это хорошо получается, а тетя Фанни, только зайдя в дом, уже спешит проверить, напоила ли кухарка чаем мужчин.

Те же самые нормы проявляются и когда приличия обязывают **пригласить друзей или гостей к столу // угостить**. В первой книге дети угощают мороженым свою сестру; в «Новых приключениях» дети приходят в гости к старикам Сандерсам, и те угощают их вкусными коржиками и наливают какао; в книге «Тайна бродячего цирка» Нобби извиняется, что в присутствии своего дяди не может пригласить друзей на чай; в этой же книге Энни угощает циркача Нобби и его обезьяну Понго конфетами, впоследствии ребята приглашают Нобби на чай, а потом, в следующей главе — и на ужин и т. д. Здесь, наверное, уместно вспомнить, что ранняя социализация — в принципе одна из основных функций детской литературы (Гетманская, 2019).

Прием пищи часто используется как **способ приятно провести время**: в произведениях описываются разнообразные походы за мороженым или в кафе: «I will take you into the nearest town and you shall shop to your heart's content», said Aunt Fanny to the children. «Then we will have tea in a teashop and catch the six o'clock bus home» (Blyton, 2010a, p. 66). // — Я вас отвезу в ближайший городок, и там вы сможете походить по магазинам сколько душе угодно, — сказала детям тетя Фанни. — Потом мы попьем чаю в кондитерской и шестичасовым автобусом вернемся домой (Блайтон, 1993а, с. 99). Ребята не прочь после прогулки забежать за сладким, как в «Тайне “Вершины Контрабандиста”»: They enjoyed their walk. They went into a quaint old coffee shop and had steaming cups of delicious creamy coffee and jammy buns (Blyton, 2001, p. 101). // Ребята просто наслаждались прогулкой. Они зашли в очаровательную старинную кофейню и выпили по чашке чудесного горячего кофе, закусывая восхитительными булочками с вареньем (Блайтон, 1995, с. 54). И очень часто ходят на пикник: It was quite a pleasant day. The children bought sausage rolls again, and fruit, and picnicked on the beach. Timmy had a large and juicy bone from the butcher's (Blyton, 2010b, p. 76). // День стоял великолепный. Ребята снова накупили булочек с сосисками и фруктов и устроили на пляже пикник. Тимми получил чудесную мозговую кость, купленную у мясника (Блайтон, 1994, с. 58).

В качестве функции, которая появляется не так системно, укажем, что прием пищи может **создавать проблемы**. Так, в «Тайне старого подземелья» Джулиан в попытке найти еду в кладовке спотыкается в темноте, и на спящего мужчину, который из-за этого просыпается, падает ватрушка. А в «Тайне бродячего цирка» этот же герой переживает, что выкинутые косточки могут привлечь внимание злодеев, которые его обнаружат. Но такая функция — редкость, обычно прием пищи и еда не становятся причиной невзгод.

В целом мы видим, что прием пищи в качестве циклообразующего элемента прекрасно вписывается в выделенные разными авторами характеристики детской литературы: упор на действие, наличие морали, а также оптимистичный взгляд

на жизнь и простота повествования. Но в системе произведений анализируемого цикла этот элемент явно используется с системно повторяющимися функциями, которые позволяют автору создать необходимую картину детского мира.

Заключение

Мы проследили, что прием пищи — неотъемлемая часть жизни ребенка — как элемент повествования повторяется довольно часто в первых пяти произведениях детективной серии «The Famous Five» («Великолепная пятерка»). Создавая общий фон для сюжетной линии детского произведения, такие включения одновременно выполняют ряд других функций и являются чрезвычайно важными, поскольку делают повествование узнаваемым для юного читателя, привычным, помогают связать произведения цикла в одну канву. Их повтор позволяет выстроить временную линию сюжета, обозначить необходимость приема пищи детьми строго по графику, дает осознать культурологические особенности приема пищи, объясняет нормы и правила, связанные с этим важным элементом действительности, и многое другое.

В целом можно констатировать, что, вписываясь в нормы английской детской литературы и детского детектива, или, скорее, создавая их, Энид Блайтон с помощью яркого описания приема пищи, с одной стороны, создает необходимый для регламентированной жизни ребенка фон, с другой — сохраняет назидательную/обучающую и развлекательную функции детской литературы. А вариативность исследуемого повторяющегося элемента повествования свидетельствует о мастерстве писательницы. Здесь вспомним, что, как отмечают исследователи, «вопрос актуальности жанра часто упирается в мастерство варьирования известного, однотипного» (Тихонова, 2019, с. 79).

Дальнейший исследовательский интерес может быть сопряжен с последней выделенной нами задачей: с анализом повторяемости таких элементов в рамках одного произведения и в рамках нескольких произведений цикла в сравнительном аспекте. Интерес также вызывает повтор элементов, связанных с приемом пищи, которые проявляются не в каждой повести, но их системное использование очевидно в рамках всей серии книг. Например, отравление как мотив, который также может выступать циклообразующим элементом (Лукьянчикова, Киселева, 2022). Выстраивание сюжетной модели конкретного автора с включением компонентов, значимых для создания произведений цикла, также может стать объектом изучения.

Список источников

1. Блайтон, Э. (1994). *Тайна старого подземелья*. Тайна старого подземелья. Тайна разрушенного замка. Совершенно секретно.
2. Блайтон, Э. (1993a). Новые приключения великолепной пятерки. *Five Go Adventuring Again*. Прогресс, Универс.
3. Блайтон, Э. (1993b). Тайна острова сокровищ. *Тайна бродячего цирка*. Совершенно секретно.

4. Блайтон, Э. (1995). Тайна «Вершины Контрабандиста». *Тайна серебристого лимузина. Тайна «Вершины Контрабандиста»*. Совершенно секретно.
5. Гаджибалаева, Д. Л. (2018). Поведение персонажей в ритуале приема пищи в произведениях А. П. Чехова как отражение национальной картины мира. *Научная мысль Кавказа*, 2, 78–83.
6. Гетманская, Е. В. (2019). Образовательная функция детской литературы в фокусе западных исследований. *Педагогика и психология образования*, 1, 27–41.
7. Дынник, В. (1925). Цикл. *Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов*. (2024, 14 июля). <https://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt2/lt2-a832.htm>
8. Егорова, О. Г. (2004). *Проблема циклизации в русской прозе первой половины XX века* [Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. Астрахань].
9. Кузьмин, В. Л., & Роготень, Н. Н. (2019). Детские художественные и научно-популярные произведения: опыт популяризации географических знаний. *Комплексные исследования детства*, 1(3), 246–254.
10. Лукьянчикова, Н. В., & Киселева, Н. В. (2022). Циклообразующие мотивы в произведении Н. Л. Ключаревой «Деревянное солнце». *Мир русскоговорящих стран*, 2(12), 89–102.
11. Ляшенко, Т. М. (2020). Лексика тематической группы «еда, потребление пищи» в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». *Litera*, 11, 84–96.
12. Меркулова, М. Г., & Сатюкова, Е. Г. (2010). «Английскость» в отечественном литературоведении: теоретическое осмысление и изучение понятия. *Гуманитарные исследования*, 4(36), 221–226.
13. Тихонова, О. В. (2019). О границах и возможностях жанра детектива в детской литературе. *Вопросы литературы*, 4, 77–87.
14. Чалова, Л. В. (2010). Предпосылки возникновения и развития детской литературы в Великобритании. *Филология и человек*, 4, 36–52.
15. Adewunmi, B. (2018). I loved the way Enid Blyton wrote about food. In *The Guardian*. (2024, 14 июля). <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2018/may/05/loved-way-enid-blyton-wrote-food/>
16. Blyton, E. (2001). *Five Go to the Smugglers*. Hodder Children's Books.
17. Blyton, E. (2001). *Five On A Treasure Island*. Hodder Children's Books.
18. Blyton, E. (2010). *Five Go Adventuring Again*. Hodder Children's Books.
19. Blyton, E. (2010). *Five Run Away Together*. Hodder Children's Books.
20. Blyton, E. (2017). *Five Go off in a Caravan*. Hodder Children's Books.
21. Broomfield, R. (2022). *More Than Midnight Feasts? A Gastrocritical Reading of Enid Blyton's Malory Towers, St. Clare's and The Naughtiest Girl in the School Series*. Technological University.
22. Fauziah, N., & Harits, I. (2022). Historical and social perspectives of Blyton's The Famous Five. *Paraphrase*, 1, 18–24.
23. Fiona. (2023). The Secret Island part 4: Feeding the runaways. *Letters to Enid, part 40*, 3(2). <https://worldofblyton.com/2023/09/29/the-secret-island-part-4/>
24. Rudd, D. (2010). The Development of Children's Literature. *The Routledge Companion to Children's Literature*, 3–13.
25. Saia, S.M.R. (2011). *Enid Blyton Loves to Eat: A New Appreciation of My Favorite Childhood Books*. <https://www.grit.com/community/enid-blyton-childhood-books/>

References

1. Blyton, E. (1994). *Five Run Away Together*. *Five Run Away Together*. *Five have a Wonderful Time*. Sovershenno sekretno. (In Russ.).
2. Blyton, E. (1993a). *The New Adventures of The Famous Five* (transl.). *Five Go Adventuring Again*. Progress, Universe. (In Russ.).
3. Blyton, E. (1993b). *Five On A Treasure Island*. *Five Go off in a Caravan*. Sovershenno sekretno. (In Russ.).
4. Blyton, E. (1995). *Five Go to the Smugglers*. *Five have Plenty of Fun* Тайна. *Five Go to the Smugglers*. Sovershenno sekretno. (In Russ.).
5. Gadzhibalaeva, D. L. (2018). The characters' behavior in the ritual of eating in the works of A. P. Chekhov as a reflection of the national picture of the world. *Scientific thought of the Caucasus*, 2, 78–83. (In Russ.).
6. Getmanskaya, E. V. (2019). The educational function of children's literature in focus of Western studies. *Pedagogy and Psychology of Education*, 1, 27–41. (In Russ.).
7. Дунник, В. (1925). Cycle. *Literary Encyclopedia: Dictionary of Literary Terms*. (2024, 14 июля). <https://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt2/lt2-a832.htm> (In Russ.).
8. Egorova, O. G. (2004). *The problem of cyclization in Russian prose of the first half of the 20th century* [Abstract of the dissertation ... Doctor of Philological Sciences: 10.01.01. Astrakhan']. (In Russ.).
9. Kuzmin, V. L., & Rogoten, N. N. (2019). Fiction and non-fiction for children: The experience of popularising geographical knowledge. *Comprehensive Child Studies*, 1(3), 246–254. (In Russ.).
10. Lukyanchikova, N. V., & Kiseleva, N. V. (2022). Cycle-forming motifs in N. Klyuchareva's work *The Wooden Sun*. *World of Russian-Speaking Countries*, 2(12), 89–102. (In Russ.).
11. Liashenko, T. (2020). Lexis of the thematic group «food and food consumption» in the novel by Mikhail Saltykov-Shchedrin «The Golovlyov Family». *Litera*, 11, 84–96. (In Russ.).
12. Merkulova, M. G., & Satyukova, E. G. (2010). «Englishness» in Russian literary studies: theoretical understanding and concept study. *Gumanitarnye issledovaniya*, 4(36), 221–226. (In Russ.).
13. Tikhonova, O. V. (2019). On the boundaries and possibilities of the detective genre in children's literature. *Voprosy literatury*, 4, 77–87. (In Russ.).
14. Chalova, L. V. (2010). The origin and development of children's literature in Great Britain. *Philology & Human*, 4, 36–52. (In Russ.).
15. Adewunmi, B. (2018). I loved the way Enid Blyton wrote about food. In *The Guardian*. (2024, 14 июля). <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2018/may/05/loved-way-enid-blyton-wrote-food/>
16. Blyton, E. (2001). *Five Go to the Smugglers*. Hodder Children's Books.
17. Blyton, E. (2001). *Five On A Treasure Island*. Hodder Children's Books.
18. Blyton, E. (2010a). *Five Go Adventuring Again*. Hodder Children's Books.
19. Blyton, E. (2010b). *Five Run Away Together*. Hodder Children's Books.
20. Blyton, E. (2017). *Five Go off in a Caravan*. Hodder Children's Books.
21. Broomfield, R. (2022). *More Than Midnight Feasts? A Gastrocritical Reading of Enid Blyton's Malory Towers, St. Clare's and The Naughtiest Girl in the School Series*. Technological University.

22. Fauziah, N., & Harits, I. (2022). Historical and social perspectives of Blyton`s The Famous Five. *Paraphrase, 1*, 18–24.
23. Fiona. (2023). The Secret Island part 4: Feeding the runaways. *Letters to Enid, part 40, 3(2)*. (2024, 14 июля). <https://worldofblyton.com/2023/09/29/the-secret-island-part-4/>
24. Rudd, D. (2010). The Development of Children`s Literature. *The Routledge Companion to Children`s Literature*, 3–13.
25. Saia, S.M.R. (2011). *Enid Blyton Loves to Eat: A New Appreciation of My Favorite Childhood Books*. (2024, 14 июля). <https://www.grit.com/community/enid-blyton-childhood-books/>

Информация об авторе / Information about the author

Евгения Сергеевна Абаева — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры англистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков МПГУ.

Evgeniya S. Abaeva — D. Sc. (Philology), Docent, Professor of English Studies and Cross-Cultural Communication Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 821.161.1-31.09«18»

ПОЭТИКА ОБРАЗА ВАСИЛИЯ ОРДЫНОВА (Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ. «ХОЗЯЙКА») АГИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Карпачева Татьяна Сергеевна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

karpachevats@mgpu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-6227-4874>

Аннотация. Статья посвящена ранней повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка» в агиографической традиции. Актуальность работы обусловлена возрастающим в современной науке интересом к всестороннему анализу наследия Ф. М. Достоевского. Раннее творчество писателя все еще остается малоизученным, а повесть «Хозяйка» в соотношении с жанром жития учеными еще не рассматривалась. Метод интертекстуального анализа, предполагающий изучение художественного произведения в широком литературном контексте, позволил выявить черты агиографического канона в повести и выделить в ней сюжет искушения праведника. «Хозяйка» впервые характеризуется как произведение, раскрывающее суть научной работы, путь ученого.

Главному герою Ордынову предстоит стать первооткрывателем новой отрасли научного знания. Столкнувшись с миром криминального сектантства, он должен описать этот феномен в научном труде. Выбранная им тема связана с риском и потому требует чистоты души и трезвого разума, чем и обусловлены присутствующие в повести агиографические черты облика героя и возвращение его в конце произведения на путь аскезы и молитвы. Страсть ученого должна перегореть, превратиться в научное знание и лечь в основу его труда.

Ключевые слова: Достоевский, раннее творчество, повесть «Хозяйка», Ордынов, агиографический канон, секты.

Для цитирования: Карпачева, Т. С. (2024). Поэтика образа Василия Ордынова (Ф. М. Достоевский. «Хозяйка»). Агиографическая традиция. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(55), 48–61.

Original article

UDC 821.161.1-31.09«18»

VASILY ORDYNOV'S IMAGE POETICS («THE MISTRESS» BY FYODOR M. DOSTOEVSKY). HAGIOGRAPHIC TRADITION

Tatiana S. Karpacheva

Moscow City University,

Moscow, Russia,

karpachevats@mgpu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-6227-4874>

Abstract. The article studies Dostoevsky's early story «The Mistress» through the prism of the hagiographic tradition. The relevance of the work is due to the growing interest in modern science to the comprehensive study of F. M. Dostoevsky's heritage. The writer's early work is still understudied, and the story «The Mistress» in relation to the genre of hagiography has not yet been considered by scholars. The method of intertextual analysis, which implies studying a fictional work in a broad literary context, adds to identifying the features of the hagiographic canon in the story and to considering the plot depicting a righteous man tempted. The story «The Hostess» becomes the object for consideration for the first time as a story about scientist's professional responsibilities, about scientist's path.

As a protagonist Ordynov will pioneer a new branch of scientific knowledge. Facing the world of criminal sectarianism, he must describe this phenomenon in a scientific paper. The topic he has chosen is venturesome and therefore requires a pure soul and a sober mind. The latter correlates with the hagiographic features in the character's image. It also explains his return to asceticism and prayer at the end of the story. The scientist's passion must turn into scientific knowledge and form the basis for his work.

Keywords: Dostoevsky, early work, the story «The Mistress», Ordynov, hagiographic canon, sects.

For citation: Karpacheva, T. S. (2024). Vasily Ordynov's image poetics («The Mistress» by Fyodor M. Dostoevsky). Hagiographic tradition. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(55), 48–61.

Введение

К изучению поэтики и проблематики повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка» обращались М. М. Бахтин, А. Л. Бем, С. В. Березкина, В. Е. Ветловская, О. Г. Дилакторская, В. Н. Захаров, А. Б. Криницын, П. Ф. Маркин, К. В. Мочульский и др. Еще Л. П. Гроссман выделил черту, характерную для раннего творчества Достоевского: сочетание значимости философского замысла и занимательности внешней интриги: «...Достоевский разворачивал вокруг занимающего его абстракта целый вихрь событий, не брезгуя всеми средствами бульварной занимательности» (Гроссман, 1925, с. 18).

М. М. Бахтин, отмечая роль авантюрного сюжета у Достоевского, пришел к выводу о том, что цель писателя не исчерпывается авантюрой самой по себе. «Занимательность», равно как и «романтический принцип сплетения возвышенного с гротеском, исключительного с повседневным», не были «самоцелью Достоевского» (Бахтин, 2017, с. 153). «Авантюрный сюжет у Достоевского <...> ставит человека в исключительные положения <...> в целях *испытания идеи* и человека идеи, то есть “человека в человеке”. А это позволяет сочетать с авантурой такие, казалось бы, чуждые ей жанры, как исповедь, *житие* и др.» (Бахтин, 2017, с. 156) (курсив наш. — Т. К.).

Результаты исследования

В науке о Достоевском уживается множество различных и даже взаимоисключающих точек зрения на образ главного героя повести «Хозяйка» Василия Ордынова. Некоторые исследователи предпочитают не принимать во внимание его научных занятий или, по крайней мере, относятся к ним несерьезно. Эта точка зрения, на наш взгляд, берет начало в отзыве Белинского, раскритиковавшего «Хозяйку» и совершенно, по его же признанию, не понявшего ее сюжета. По мнению критика, Ордынов, а не Мурин, занимается чернокнижием, чароумием (Белинский, 1959, с. 712). При этом в тексте неоднократно говорится о том, что чернокнижием и даже буквально колдовством занимается старик Мурин, тогда как Ордынов «получи<л> <...> ученую степень» (Достоевский, 1972–1990, I, с. 264).

Ученая степень Ордынова и сфера его научных интересов и после Белинского не всегда вызвали доверие исследователей. Так, В. Я. Кирпотин называет Ордынова «бездейственн<ым> мечтател<ем>, дичающ<им> в одиночестве, в безвольных фантазмагориях» (Кирпотин, 1960, с. 305). Пренебрежительное отношение к занятиям Ордынова и насмешка над складом его характера влекут за собой интерпретацию повести, не соответствующую ни ценностным ориентирам русской классики, ни общечеловеческим понятиям о добре и зле. Укоряя Ордынова за то, что тот «в бесплодной мечтательности <...> утратил всякую способность к борьбе» (Кирпотин, 1960, с. 301), исследователь *сожалеет* о том, что герой не совершил преступления — отказался от убийства старика: «Ордынов ни на что не способен, ни на что не годен. <...> Ордынову представилась возможность убить Мурина...» (Кирпотин, 1960, с. 302).

Не столь категоричная, но та же мысль о «слабом сердце» Ордынова и сожаление о том, что мечтатель «не в силах поразить злого колдуна», присутствует и у К. В. Мочульского (Мочульский, 1995, с. 256). П. Ф. Маркин, также наделяя Ордынова «слабым сердцем» и критикуя за «беспочвенность и несостоятельность его романтических мечтаний» (Маркин, 1983, с. 59), как и Кирпотин, сожалеет о том, что тот лишь занес нож над Муриным и не довел дело

до конца (Маркин, 1983, с. 63). С такой интерпретацией повести и пониманием героя как несостоятельного на основании того, что тот не совершил убийства, согласиться невозможно.

Иная линия в понимании главного героя берет начало в статье А. Л. Бема «Драматизация бреда». К научным занятиям Ордынова Бем, впрочем как и Белинский, тоже не проявляет уважения, называя их всего лишь «научными фантазиями», куда он уходит от «мира страстей и волнений действительной жизни» (Бем, 2007, с. 100). Несколько раз Бем называет Ордынова больным или использует сходные лексические категории, притом вначале как больное характеризуется лишь *воображение* Ордынова, которому все представляется в искаженном свете, а затем и он сам: «бред больного Ордынова», «развитие бредовой фантазии Ордынова» (Бем, 2007, с. 107). Следует предположить, что если бы ученый относился к герою повести несколько иначе и принимал во внимание его научные занятия, то вряд ли бы вообще реализовалась идея — объяснять события повести «оживлением фантазий», «драматизацией бреда» и «галлюцинациями» Ордынова (Бем, 2007, с. 102–103). Если Ордынов болен, то, соответственно, ничего стоящего он создать не может, в то время как присниться больному человеку может все что угодно.

Мысль об иллюзорности событий «Хозяйки» поддерживается О. А. Богдановой (Богданова, 2012) и отчасти А. Б. Криницыным, считающим Катерину и Мурина «представленными в образах» переживаниями Ордынова (Криницын, 2022, с. 35). Криницын, впрочем, допускает условность «перехода от сна к яви» (Криницын, 2017, с. 162) и предполагает, что сон и явь в повести неразделимы «до полного слияния» (Криницын, 2017, с. 162).

В. Н. Захаров, не соглашаясь с А. Л. Бемом, настаивает на реалистическом восприятии повести, доказывая, что сон и явь в произведениях Достоевского всегда четко различаются (Захаров, 1985, с. 74). В «Хозяйке», по мысли исследователя, «граница между сном и явью налицо» и нет «бредовых видений» (Захаров, 1974, с. 114). Избавляя от бредовых видений Ордынова и как бы оздоравливая его, Захаров тем самым возвращает читателю ценность его научного труда по истории церкви, потому что научный труд написать в бреду невозможно. Если же считать Ордынова больным, а события повести — его галлюцинациями, то значимость труда, которым он на протяжении трех лет занимается, ничтожна. Реабилитация Ордынова была продолжена С. В. Березкиной, напомнившей о том, что его ученая степень — это, скорее всего, степень кандидата, которой удостоивались немногие выпускники университетов за научные работы (Березкина, 2010, с. 285).

В настоящее время линия критики Ордынова как несостоятельного мечтателя-романтика, неспособного к борьбе, становится все менее актуальной, и на смену ей приходит положительное восприятие образа: как героя, рыцаря, спасителя. Так, В. Е. Ветловская не считает героя больным, сумасшедшим, напротив, называет ученым книжником, поэтом, отшельником, мечтателем,

наделенным «богатым опытом прочитанного и передуманного» (Ветловская, 1996, с. 573). В поцелуе Ордынова исследовательница видит «рыцарскую присягу», означающую «обет и готовность поэта служить своей прекрасной “хозяйке”» (Ветловская, 1996, с. 583). Одна из немногих исследователей, Ветловская предлагает смыслообразующую идею, обосновывающую понимание героя (в отличие от более ранних интерпретаций повести, когда ученые не шли далее критики мечтателя). В этом образе, как считает Ветловская, заключены мысли Достоевского о «назначении в этом мире поэта-творца. Способность к сочувствию живой и страдающей душе — вот главное свойство художника» (Ветловская, 1996, с. 588). Нельзя не согласиться с таким утверждением, но в этом случае неясно, почему Достоевский не наделил героя изначально творческой профессией, а сделал его ученым, притом указал область научных интересов — история церкви, хотя и неоднократно называл художником (Достоевский, 1972–1990, I, с. 266, 318).

О. Г. Дилакторская видит в Ордынове сказочного «героя-искателя, героя-спасителя» (Дилакторская, 1996, с. 99). Однако самого по себе наложения сказочного сюжета на события повести, на наш взгляд, для понимания ее идейного содержания недостаточно. Выявляя сказочный сюжет и сказочные приемы в «Хозяйке», исследовательница приходит лишь к выводу о том, что в повести «устанавливается соотношение реального и фантастического», когда «действительность, иногда напоминающая страшную сказку, трагичнее и безысходнее ее» (Дилакторская, 1996, с. 101). Для чего нужна фантастическая атмосфера в повести, вызванная законами сказки, не объясняется¹.

Е. С. Зорина, продолжая осмысление сказочной линии в повести, увидела в ней фольклорно-мифологическую модель «змея – царевна – герой» (Зорина, 2020), условные наименования которой были предложены еще В. Я. Проппом и которую применила к русской художественной литературе XIX века М. Ч. Ларионова («Миф, сказка, обряд в русской литературе XIX века», 2011). Зорина замечает, что Ордынов силен не физической силой, а потому не может победить Мурина, зато наделен силой умственной (Зорина, 2020, с. 69).

Действительно, умственной силой Ордынова при анализе его образа, на наш взгляд, пренебрегать не стоит: с первых страниц Достоевский акцентирует внимание на его научном труде. У Ордынова не только свой «миллион терзаний», но и свой научный интерес, который образует кольцевую композицию произведения: оно начинается с рассказа о научных занятиях Ордынова и заканчивается тем, что его исследование зашло в тупик. Встреча с Катериной и Муриным многое изменила, но его жизнь не замкнулась на них, в отличие от Мечтателя в «Белых ночах», который жил лишь одно мгновение — четыре ночи, проведенные в беседах с Настенькой. Мечтатель Ордынов интересен не только во взаимодействии с Катериной и Муриным, но и сам по себе. Сюжетная

¹ В другой статье Дилакторской повесть проанализирована с учетом исторических реалий, на которые содержится намек в тексте, и делается обоснованный вывод о принадлежности героев к секте, который многое объясняет в загадочном сюжете (Дилакторская, 1995, с. 59–84).

линия Ордынова не заканчивается крахом любовной истории: герой вернулся к науке, которая составляет смысл его жизни. Образ Ордынова дан в динамике: у него есть своя история *до* встречи с Катериной, она продолжается и *после* нее, соответственно, в силу молодости героя, можно говорить лишь о векторе развития его образа, намеченном в повести.

Достоевский, сделав героем ученого, не мог наделить его психическим заболеванием, которому сопутствуют галлюцинации. Потрясение от встречи с Катериной и Муриным выбило его из колеи, но не могло лишить разума. Сложно представить, чтобы образ Ордынова был создан писателем лишь в целях осуждения его за бесплодные мечты и фантазии, в особенности учитывая то, что прототипом героя мог послужить друг Достоевского И. Н. Шидловский (Алексеев, 1921, с. 26). Достоевский относился к своему герою с явной симпатией, о чем свидетельствуют его слова из письма к брату во время написания повести: «...работа для Святого Искусства, работа святая, чистая, в простоте сердца...» (Достоевский, 1972–1990, XXVIII.1, с. 134) (орфография писателя. — *Т. К.*). Работой «для Святого Искусства» не могло быть разоблачение мечтателя и тем более осуждение его за отказ от убийства.

Если в начале повести Достоевский представлял Ордынова художником («первая горячка художника»; «предчувствовал инстинктом художника» (Достоевский, 1972–1990, I, с. 266)), показывая тем самым склад его личности, то в конце автор высказывает предположение о том, что его герою «может быть, <...> суждено было быть художником в науке» (Достоевский, 1972–1990, I, с. 318). Зреющую идею Ордынова автор видит оригинальной и самобытной (Достоевский, 1972–1990, I, с. 318), скорее всего, здесь речь идет о научном открытии. Называя героя художником (т. е. творцом) в науке, долженствующим создать нечто, не бывшее ранее, Достоевский, возможно, намекает на его гениальность, но не считает нужным утверждать это прямо, так как герой пока лишь в начале своего пути. Таким образом, «Хозяйка» — это повесть о пути ученого.

Сравнение ученого с монахом-отшельником в начале повести («ходил по улицам, как отчужденный, как отшельник, внезапно вышедший из своей немой пустыни» (Достоевский, 1972–1990, I, с. 266)) напоминает образ ученого-монаха, не желающего видеть искушений большого города, подобно Василию Великому и Григорию Богослову, которые, живя в Афинах, знали лишь две дороги: «в христианскую церковь и в школу» (Попов, 1902). На «неотмирность» главного героя неоднократно обращали внимание и исследователи (Чирков, 1967, с. 6; Ветловская, 1996, с. 573), однако не связывали ее с проблематикой и идейным содержанием повести. Более скрупулезно к пониманию образа Ордынова и соотношению его инаковости с основной сюжетной линией подходит О. Г. Дилакторская. Исследовательница определяет сферу научных интересов героя: «ученый религиовед» (Дилакторская, 1995, с. 77) и сопоставляет его с «образами средневековых подвижников, прославившихся своей ученостью и святостью жизни», и проповедниками первых веков христианства, находившими «способ сопряжения общественной деятельности и монашеского

уединения» (Дилакторская, 2000, с. 177–178). Она находит параллели с тезкой главного героя, прославленным в лике святых, — митрополитом московским Филаретом (в миру В. М. Дроздовым, 1782–1867) (Дилакторская, 1995, с. 83). По мысли ученого, в герое «переплетаются черты поведения простого мирянина и монаха, религиозного подвижника и светского ученого, человека не от мира сего и фланера, постигающего смысл прозаичной реальности» (Дилакторская, 2000, с. 177). Но здесь нет серьезного отличия: феномен монаха-ученого известен начиная с первых веков христианства, и Ордынов представляет собой именно такой тип. О религиозном смысле творчества (в широком понимании этого слова) говорил Н. А. Бердяев: «Идея призвания по существу своему идея религиозная, а не “мирская”, и исполнение призвания есть религиозный долг» (Бердяев, 1989, с. 393). Философ называл «творчество гения» не «“мирским”, а духовным деланием» (Бердяев, 1989, с. 392).

В образе героя прослеживаются житийные черты, на что уже отчасти указывала О. Г. Дилакторская, соотносившая сюжет повести с «характерной схемой» житийной литературы: «черт – грешник – праведник» (Дилакторская, 1999, с. 75). Выделим факты биографии Ордынова, предшествующие изображаемым событиям и соответствующие «житийному канону»:

- герой в детском возрасте отличался от других детей (Достоевский, 1972–1990, I, с. 267);
- в юности вел замкнутый, почти монашеский образ жизни: «как будто заперся в монастырь, как будто отрешился от света» (Достоевский, 1972–1990, I, с. 265);
- был аскетичен в быту, довольствовался малым и был готов голодать, чтобы не отвлекаться от научных трудов: «рассчитал <...>, что может прожить своими средствами года два-три, даже, с голодом пополам, и четыре» (Достоевский, 1972–1990, I, с. 265).

Склонность к уединению и отчуждению — обязательная черта агиографического канона. «...Едва ли не каждый герой агиографической литературы <...> уже в раннем детстве проявляет признаки особого христианского благочестия, избегает обычных детских игр...» (Алфеев, 2009, I, с. 711). Е. Н. Никулина выделяет ту же особенность: «Святой часто чуждается детских игр. <...> В повествовании о святом, как правило, описаны его искушения, решительный поворот на путь спасения, подвиги, кончина, посмертные чудеса» (Никулина, 2009, с. 26). При этом исследовательница обращает внимание на то, что «в житии могут описываться *искушения святого, его немощи, сомнение в своих силах, уныние, даже падения и после его обращения*» (Никулина, 2009, с. 26) (курсив наш. — Т. К.), поэтому ждать, что герой, чья биография соотносится с житийным жанром, должен быть изначально идеальным, ошибочно.

Говоря о присутствии агиографического канона в художественном тексте, возможно лишь указать на точки соприкосновения с биографией героя, для того чтобы увидеть «вектор направленности» его личности. Как справедливо

отмечает И. Л. Волгин применительно к другим героям Достоевского, хоть «святость <...> недостижима (труднодостижима), но без постоянной оглядки на нее недостижима и простая порядочность» (Волгин, 2004, с. 264). С такой оглядкой на святость создан, на наш взгляд, и образ Ордынова.

О времени, проведенном Ордыновым в одиночестве, говорится в начале повести неслучайно: герой должен сформироваться «как художник в науке» годами отшельничества, уединения. Испытание, искушение святого — необязательный, но довольно часто присутствующий в житийном жанре эпизод. Фактически вся история любви Ордынова к Катерине и попытки борьбы за нее с Муриным — это и есть искушение праведника, которое дало ему новый материал для дальнейшего научного исследования. Неслучайно эпизод встречи Ордынова в церкви с Катериной и Муриным открывается аллюзией на известные евангельские слова: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1:5). Ордынов заходит в церковь вечером, когда только окончилась вечерняя служба: «Лучи заходящего солнца <...> лились сверху <...> и освещали морем блеска один из приделов; <...> и чем чернее становилась мгла, густевшая под сводами храма, тем ярче блистали местами раззолоченные иконы, озаренные трепетным заревом лампад и свечей» (Достоевский, 1972–1990, I, с. 267). Ордынов, занимающийся историей церкви, будто бы призван спасти Катерину, чья жизнь погружена во мглу, вывести ее из этой мглы. Учитывая утвердившееся в исследовательской литературе мнение о принадлежности героев «Хозяйки», Мурина и, вероятно, Катерины, к секте, скорее всего хлыстов (Истомин, 1924, с. 3–48; Волгин, 1991, с. 262–265; Дилакторская, 1995, с. 59–84; Карпачева, 2016, с. 30–39), эта тьма (или мгла) позволяет говорить о библейской символике тьмы как беззакония, заблуждения, незнания Бога (напр.: «беззаконные во тьме исчезают» (1 Цар. 2:4) или: «Если мы говорим, что имеем общение с Ним, а ходим во тьме, то мы лжем и не поступаем по истине» (1 Ин. 1:6)).

Лучи вечернего, заходящего солнца в творчестве Достоевского являются устойчивым символом Божьего Промысла или Божьего благословения. Этот образ уже становился предметом рассмотрения ученых. Так, по мысли А. Ф. Лосева, косые лучи заходящего солнца сопровождают героев Достоевского «в самые ответственные <...> моменты развития действия, свидетельствуя <...> о переломном значении этих моментов» (Лосев, 1995, с. 179).

Искушение Ордынова начинается тогда, когда он называет Катерину «Владычицей» (слово, в православных молитвах относящееся к Богородице): «...разум тускнеет мой, сердце ноет в груди, владычица моя!» (Достоевский, 1972–1990, I, с. 292). И если впервые он так обращается к ней будто в забвении, то во второй раз, во время словесного поединка со стариком, он называет Катерину владычицей вполне сознательно. Такое преклонение героя перед хозяйкой исследователи в основном трактуют в положительном ключе, как рыцарское служение даме (Ветловская: 1996, с. 583; Дилакторская, 2000, с. 205). Однако, скорее, в обращении «владычица» видится некий акт богоотступничества. Заканчивается искушение

Ордынова тем, что сразу же после второго обращения к Катерине «владычица» он выражает готовность убить Мурина:

Словно демон его шепнул ему на ухо, что он ее понял... И все сердце его засмеялось на неподвижную мысль Катерины...

— Куплю ж я тебя, красота моя, у купца твоего, коль тебе души моей надобно!.. (Достоевский, 1972–1990, I, с. 310).

Ордынов, праведник, отшельник и ученый, не спасает Катерину, а, напротив, попав под ее чары, чуть не совершает убийство. Но «Бог сторожил» его так же, как позже Митю Карамазова, и оградил от преступления. Закономерна и вполне объяснима набожность Ордынова в конце повести: «Работница немца <...> рассказывала, как молится ее смиренный жилец и <...> по целым часам лежит он, словно бездыханный, на церковном помосте...» (Достоевский, 1972–1990, I, с. 318). Ордынов, очевидно, молится не только о Катерине, «сестрице <...> одинокой» (Достоевский, 1972–1990, I, с. 319), но и о прощении своего греха — покушения на убийство и богоотступничества.

Образ Ордынова дан в динамике, встреча с хозяйкой, хоть и произвела на него неизгладимое впечатление, но не разрушила его жизнь. Предположение о соотношении героя «Хозяйки» с митрополитом Филаретом (Дилакторская, 2000, с. 171, 177–178), тоже ученым монахом, интересно еще и потому, что перу митрополита Филарета принадлежит труд «Беседы к глаголемому старообрядцу» (1834), способствовавший обращению к православию нескольких старообрядческих епископов. Однако хлысты не старообрядцы, а Ордынов, увлекшийся Катериной и едва не совершивший убийство, не митрополит Филарет. Влюбленный рыцарь, даже с ученой степенью, оказывается бессилем перед преступной группой, которой, как выяснилось, руководил Мурин. Именно поэтому после произошедших событий сочинение Ордынова по истории церкви зашло в тупик: оно не могло состояться без изучения феномена сект, а встреча с хлыстами столкнула его лицом к лицу с предметом исследования. Страсть Ордынова должна перегореть и превратиться в научное знание.

Открытый финал повести — незаконченное сочинение Ордынова, научные интересы которого читатель узнает лишь в конце произведения, позволяет сделать предположение о том, что его научный путь только начинается. Как отмечал Ю. М. Лотман, «текст, подобно зерну, содержащему в себе программу будущего развития, не является застывшей <...> данностью. Внутренняя не-до-конца-определенность его структуры создает под влиянием контактов с новыми контекстами резерв для его динамики» (Лотман, 1999, с. 22). Такая программа будущего развития, на наш взгляд, заложена в образе Василия Ордынова и определяется внутренней логикой текста: а) образ героя дан в динамике; б) в начале повести заданы агиографические черты, определяющие вектор направленности личности героя; в) сочинение Ордынова связано с историей церкви; г) искушение Ордынова едва не погубило его, но при этом и обогатило новым знанием.

Таким образом, возможно, именно Ордынову предстоит открыть плеяду ученых, занимающихся изучением культовой зависимости и сектантского криминала. Неспроста в конце повести состоялась еще одна его встреча с Ярославом Ильичом: Ордынов должен был узнать, что злодейский притон, который приснился ему в начале произведения, оказался реальностью. Именно этим новым знанием (о том, что секта — это не только ересь, а жесткая, подавляющая личность структура) и должен был обогатиться его научный труд. Ордынов чувствовал бессилие: «сердце <...> трепетало бессильным негодованием...» (Достоевский, 1972–1990, I, с. 319). Герой не до конца понял, с чем столкнулся, но стал догадываться, какой властью Мурин удерживает Катерину. На интуитивном уровне он уловил главное в «сектантском феномене», до него еще не изученном: «безвыходную тиранию» (Достоевский, 1972–1990, I, с. 319), манипулирование при помощи вовлечения в преступление: «перед испуганными очами вдруг прозревшей души (Катерины. — Т. К.) коварно выставляли ее же падение, коварно мучили бедное *слабое сердце*, <...> с умыслом поддерживали слепоту...» (Достоевский, 1972–1990, I, с. 319). По сути, Ордынов перечисляет здесь признаки формирования зависимости в тоталитарных сектах, которые будут выделены лишь в середине XX века².

Реакция Ордынова («бессильное негодование») не могла быть иной: в 1840-е годы феномен сект еще не был описан. Религиоведческие, психологические, социологические и правовые исследования этого феномена, выявляющие особенности культовой аддикции (зависимости), появятся более чем через столетие. В повести «Хозяйка» Достоевский, опережая свое время, заставляет героя столкнуться с проблемой криминального сектантства, утраченного и понять, что выбранная им тема исследования включает в себя весь этот ужас, а потому требует чистоты души и трезвого разума.

Итак, Ордынов, безусловно, положительный герой, о чем свидетельствует логика построения текста. Агиографические черты в его образе в дальнейшем их развитии должны повести его по пути святости. При этом его предназначение стать художником в науке, возможно, показывает начало пути гения. И если следовать идее гениальности Ордынова, то здесь в очередной раз оказывается верна формула, выведенная А. С. Пушкиным: «Гений и злодейство — две вещи несовместные»³.

В начале произведения святость, аскеза стремятся к гениальности; в конце повествования гениальность стремится к святости, о чем свидетельствуют молитвенные подвиги Ордынова. Задолго до Бердяева, соотносшего святость

² Американский исследователь культов С. Хассен признаком, формирующим зависимость членов секты от лидера, называет контроль над сознанием, который включает в себя четыре компонента: контроль поведения, мышления, эмоций и информации (Хассен, 2006, с. 85–118). Эти же признаки можно увидеть и в зависимости Катерины от Мурина.

³ Пушкин А. С. Моцарт и Сальери // Полн. собр. соч.: в 10 т. 3-е изд. М.: Наука, 1964. Т. 5. С. 366.

и гениальность как два равновеликих пути человека к Богу (Бердяев, 1989, с. 391–399), Достоевский показал, что эти «параллельные прямые» стремятся к пересечению еще здесь, на земле.

Заключение

Присутствие в повести «Хозяйка» жанровых признаков жития помогает раскрыть новые грани в понимании образа ее главного героя Василия Ордынова. Особенности поэтики повести, в которой совмещается авантюрный сюжет и традиция житийного жанра, позволяют заглянуть в затекстовую реальность и увидеть образ Ордынова в динамике. Художнику в науке, молодому ученому, возможно, предстоит открыть новую область знания, связанную с изучением сект, культовой зависимости и сектантского криминала. Встретив, как он полагал, свою любовь, Ордынов на самом деле столкнулся лицом к лицу с предметом своего исследования.

Список источников

1. Алексеев, М. П. (1921). *Ранний друг Ф. М. Достоевского*. Всеукраинское государственное издательство.
2. Алфеев, Иларион, митр. (Алфеев, Г. В.). (2009). *Православие*: в 2 т. 2-е изд., испр. Издательство Сретенского монастыря.
3. Бахгин, М. М. (2017). *Проблемы поэтики Достоевского*. Азбука.
4. Белинский, В. Г. (1959). Взгляд на русскую литературу 1847 года. Статья вторая и последняя. В В. Г. Белинский. *Эстетика и литературная критика*: в 2 т. Т. 2 (с. 678–722). ГИХЛ.
5. Бем, А. Л. (2007). Драматизация бреда («Хозяйка» Достоевского). В А. Л. Бем (Ред.). *О Достоевском* (с. 99–131). Сборник статей. (1929/1933/1936). Репринтное издание. Русский путь.
6. Бердяев, Н. А. (1989). *Философия свободы*. Смысл творчества. Правда.
7. Березкина, С. В. (2010). О повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка». *Достоевский. Материалы и исследования*, Т. 19 (с. 282–294). Наука.
8. Богданова, О. А. (2012). Синергичная антропология как продуктивный метод литературоведческого анализа (на примере повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка»). *Новый филологический вестник*, 1(20), 109–117.
9. Ветловская, В. Е. (1996). Фольклорно-христианские мотивы раннего творчества Ф. М. Достоевского. *Средневековая и новая Россия* (с. 571–592). Сборник научных статей. К 60-летию профессора И. Я. Фроянова. Издательство Санкт-Петербургского университета.
10. Волгин, И. Л. (2004). *Возвращение билета. Парадоксы национального самосознания*. Грантъ.
11. Волгин, И. Л. (1991). *Родиться в России. Достоевский и современники: жизнь в документах*. Книга.
12. Гроссман, Л. П. (1925). *Поэтика Достоевского*. Издательство Государственной академии художественных наук.

13. Дилакторская, О. Г. (2000). *Петербургская повесть в русской литературе XIX века: Пушкин, Гоголь, Достоевский* [Дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. Москва].
14. Дилакторская, О. Г. (1999). *Петербургская повесть Достоевского*. Дмитрий Буланин.
15. Дилакторская, О. Г. (1995). Скопцы и скопчество в изображении Достоевского (К истолкованию повести «Хозяйка»). *Philologica: Двужычный журнал по русской и теоретической филологии*, Т. 2, 3/4, 59–84.
16. Дилакторская, О. Г. (1996). Формула сказки в «Хозяйке» Ф. М. Достоевского. *Русская речь*, 5, 96–101.
17. Достоевский, Ф. М. (1972–1990). *Полное собрание сочинений*: в 30 т. Наука. Ленинградское отделение.
18. Захаров, В. Н. (1974). Концепция фантастического в эстетике Ф. М. Достоевского. *Художественный образ и историческое сознание* (с. 98–125). Межвузовский сборник. Издательство Петрозаводского государственного университета.
19. Захаров, В. Н. (1985). *Система жанров Достоевского. Типология и поэтика*. Издательство Ленинградского университета.
20. Зорина, Е. С. (2020). Фольклорно-мифологическая повествовательная модель «змея – царевна – герой» в повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка». *Художественный текст глазами молодых* (с. 62–70). Материалы IV Международной научной конференции 26.10.2019. Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского.
21. Истомина, К. К. (1924). Из жизни и творчества Достоевского в молодости. В Н. Л. Бродского (Ред.). *Творческий путь Достоевского* (с. 3–48). Сборник статей. Сеятель.
22. Карпачева, Т. С. (2016). «Хлыстовский след» в повести Достоевского «Хозяйка». *Достоевский и мировая культура. Альманах № 34*, 30–39. Серебряный век.
23. Кирпотин, В. Я. (1960). Ф. М. Достоевский. Творческий путь (1821–1859). ГИХЛ.
24. Криницын, А. Б. (2017). *Сюжетология романов Ф. М. Достоевского*. МАКС Пресс.
25. Криницын, А. Б. (2022). *О счастье и радости в мире Достоевского*. Дом ЯСК.
26. Лотман, Ю. М. (1999). *Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история*. Языки русской культуры.
27. Лосев, А. Ф. (1995). *Проблема символа и реалистическое искусство*. 2-е изд., испр. Искусство.
28. Маркин, П. Ф. (1983). Повесть Ф. М. Достоевского «Хозяйка». *Жанр и композиция литературного произведения* (с. 53–69). Межвузовский сборник. Издательство Петрозаводского государственного университета.
29. Мочульский, К. В. (1995). *Гоголь. Соловьев. Достоевский*. Республика.
30. Никулина, Е. Н. (2009). *Агиология*. Издательство ПСТГУ.
31. Попов, И. В. (1902). Василий Великий. Архиепископ Кесарийский, вселенский отец и учитель церкви. *Православная богословская энциклопедия*. Т. 3, стлб. 179. Приложение к духовному журналу «Странник» за 1902 г. Петроград.
32. Хассен, С. (2006). *Противостояние сектам и контролю над сознанием*. АСТ.
33. Чирков, Н. М. (1967). *О стиле Достоевского. Проблематика. Идеи. Образы*. Наука.

References

1. Alekseev, M. P. (1921). *An early friend of F. M. Dostoevsky*. Vseukrainskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo. (In Russ.).
2. Alfeev, Hilarion, mitr. (Alfeev G. V.) (2009). *Orthodoxy*. In 2 vols. 2 ed., ispr. Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrya. (In Russ.).
3. Bakhtin, M. M. (2017). *Problems of Dostoevsky's poetics*. Azbuka. (In Russ.).
4. Belinsky, V. G. (1959). A look at Russian literature in 1847. Article two and the last. In V. G. Belinsky. *Aesthetics and literary criticism*. In 2 vols. V. 2 (pp. 678–722). GIKHL. (In Russ.).
5. Boehm, A. L. (2007). Dramatization of delirium (Dostoevsky's «Mistress»). In A. L. Boehm (Ed.). *About Dostoevsky* (pp. 99–131). Collection of articles. (1929/1933/1936). Reprint edition. Russkij put'. (In Russ.).
6. Berdyaev, N. A. (1989). *Philosophy of freedom. The meaning of creativity*. Pravda. (In Russ.).
7. Berezkina, S. V. (2010). About the story of F. M. Dostoevsky «Mistress». *Dostoevsky. Materials and research*. Vol. 19 (pp. 282–294). Nauka. (In Russ.).
8. Bogdanova, O. A. (2012). Synergetic anthropology as a productive method of literary analysis (on the example of F. M. Dostoevsky's novel «Mistress»). *New Philological Bulletin*, 1(20), 109–117. (In Russ.).
9. Vetlovskaya, V. E. (1996). Folklore-Christian motifs of F. M. Dostoevsky's early work. *Medieval and new Russia* (pp. 571–592). Collection of scientific articles. To the 60-th anniversary of Professor Igor Yakovlevich Froyanov. Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (In Russ.).
10. Volgin, I. L. (2004). *Ticket return. Paradoxes of national identity*. Grant. (In Russ.).
11. Volgin, I. L. (1991). *To be born in Russia. Dostoevsky and his Contemporaries: life in documents*. Kniga. (In Russ.).
12. Grossman, L. P. (1925). *Dostoevsky's poetics*. Izdatel'stvo Gosudarstvennoj akademii hudozhestvennyh nauk. (In Russ.).
13. Dilaktorskaya, O. G. (2000). *The Petersburg story in Russian literature of the XIX century: Pushkin, Gogol, Dostoevsky* [Dissertation ... Doctor of Philological Sciences: 10.01.01. Moscow]. (In Russ.).
14. Dilaktorskaya, O. G. (1999). *The Petersburg story of Dostoevsky*. Dmitry Bulanin. (In Russ.).
15. Dilaktorskaya, O. G. (1995). Skoptsy and skopchestvo in the image of Dostoevsky (To the interpretation of the story «Mistress»). *Philologica: Bilingual journal of Russian and Theoretical Philology*. Vol. 2, 3/4, 59–84. (In Russ.).
16. Dilaktorskaya, O. G. (1996). The formula of a fairy tale in F. M. Dostoevsky's «Mistress». *Russkaya rech'*, 5, 96–101. (In Russ.).
17. Dostoevsky, F. M. (1972–1990). *Complete works*. In 30 vols. Nauka. Leningradskoe otdelenie. (In Russ.).
18. Zakharov, V. N. (1974). The concept of the fantastic in the aesthetics of F. M. Dostoevsky. *Artistic image and historical consciousness* (pp. 98–125). Interuniversity collection. Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.).
19. Zakharov, V. N. (1985). *Dostoevsky's system of genres. Typology and poetics*. Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. (In Russ.).

20. Zorina, E. S. (2020). Folklore and mythological narrative model «the serpent — the princess — the hero» in F. M. Dostoevsky's novella «Mistress». *Artistic text through the eyes of the young* (pp. 62–70). Materials IV International Scientific Conference on 26.10.2019. Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky. (In Russ.).
21. Istomin, K. K. (1924). From the life and work of Dostoevsky in his youth. In N. L. Brodsky (Ed.). *Dostoevsky's creative path* (pp. 3–48). Collection of articles. Seyatel'. (In Russ.).
22. Karpacheva, T. S. (2016). «Khlystovsky trace» in Dostoevsky's novella «Mistress». *Dostoevsky and World Culture. Almanac 34*, 30–39. Serebryanyj vek. (In Russ.).
23. Kirpotin, V. Ya. (1960). *F. M. Dostoevsky. Creative path (1821–1859)*. GIHL. (In Russ.).
24. Krinitsyn, A. B. (2017). *The plotology of F. M. Dostoevsky's novels*. MAKS Press. (In Russ.).
25. Krinitsyn, A. B. (2022). *On happiness and joy in Dostoevsky's world*. Dom YaSK. (In Russ.).
26. Lotman, Y. M. (1999). *Inside thinking worlds. Man – text – semiosphere – history*. Yazyki russoj kul'tury. (In Russ.).
27. Losev, A. F. (1995). *The problem of symbolism and realistic art. 2nd ed.* Iskusstvo. (In Russ.).
28. Markin, P. F. (1983). Dostoevsky's novella «Mistress». *Genre and composition of a literary work* (pp. 53–69). Interuniversity collection. Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.).
29. Mochulsky, K. V. (1995). *Gogol. Solovyov. Dostoevsky*. Respublika. (In Russ.).
30. Nikulina, E. N. (2009). *Hagiology*. Izdatel'stvo PSTGU. (In Russ.).
31. Popov, I. V. (1902). Vasily the Great. Archbishop of Caesarea, Ecumenical father and teacher of the Church. *Orthodox Theological Encyclopedia*. Vol. 3, stlb. 179. Petrograd. Appendix to the spiritual journal «The Wanderer» for 1902. (In Russ.).
32. Hassen, S. (2006). *Opposition to sects and mind control*. AST. (In Russ.).
33. Chirkov, N. M. (1967). *About Dostoevsky's style. Problems. Ideas. Images*. Nauka. (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the author

Татьяна Сергеевна Карпачева — кандидат филологических наук, доцент департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Tatiana S. Karpacheva — PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Philology, Institute of Humanities, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья
УДК 811.11'373.46'04

ОТ СКАЗИТЕЛЯ ДО АКТЕРА: ЗРЕЛИЩНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Чупрына Ольга Геннадьевна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

chuprinaog@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5410-3764>

Аннотация. Формирование терминологий в английском языке Средневековья не получило достаточного внимания исследователей, несмотря на их значимость в развитии его словарного состава. Древнее терминообразование, в том числе в сфере зрелищ и представлений, являло собой не подверженный искусственному регулированию естественный процесс, и благодаря этой особенности он соединял в себе основополагающие языковые отношения и закономерности. Английская зрелищная культура раннего Средневековья была обращена к неограниченной аудитории слушателей и зрителей. Изначально ее создавали непрофессиональные участники, а зрелищно-театральная терминология складывалась в общей, непрофессиональной лексике английского языка, сохраняла неразрывную с нею связь и соответствующие термины не утрачивали прозрачности внутренней формы. Изменение культурной парадигмы после Нормандского завоевания, угасание устной поэтической традиции, знакомство с иной культурной традицией и ее принятие английским средневековым обществом повлияли на обособление зрелищно-театральной лексики от общеупотребительной. Наибольший интерес представляют наименования деятелей и самих действий, зрелищ и постановок, поскольку они нагляднее всего отражают профессионализацию общей лексики применительно к зрелищно-театральной культуре и взаимодействие собственных и заимствованных языковых ресурсов. Изучение их семантики и контекстов употребления раскрывает роль церкви в становлении театральной культуры и театральной терминологии английского языка. Цель статьи — определить явления и соотносившиеся

с ними понятия, которые связывали воедино зрелищную культуру средневековой Англии, и особенности их репрезентации в английском языке. Материалом исследования послужили древнеанглийские и среднеанглийские наименования театральных деятелей и театрализованных представлений, в качестве источников которых были использованы древне- и среднеанглийские словари, а также письменные памятники древнего и среднего периодов. В работе мы применили этимологический, словообразовательный, семантический и историко-культурный методы. Библиографический список содержит 26 наименований публикаций, к которым мы обращались в ходе исследования.

Ключевые слова: древнеанглийский, среднеанглийский, сказитель, Нормандское завоевание, нормано-французская культурная традиция, зрелищные представления, *nomina agentis*, *nomina actionis*.

Для цитирования: Чупрына, О. Г. (2024). От сказителя до актера: зрелищно-театральная терминология в английском языке Средневековья. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(55), 62–77.

Original article

UDC 811.11'373.46'04

FROM SCOP TO ACTOR: TERMINOLOGY OF THEATRICALS IN MEDIEVAL ENGLISH

Olga G. Chupryna

Moscow City University,
Moscow, Russia,

chuprynaog@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5410-3764>

Abstract. Terminology formation in medieval English has not been the focus of linguistic research so far despite its contribution to the development of the English vocabulary. Old terms formation, including those in the area of ancient shows and performances, was a natural process not subjected to artificial regulation, and due to this characteristic, it absorbed the meaningful references and patterns. English medieval culture of theatricals addressed the unlimited audience of listeners and viewers. Initially non-professional participants were creating that culture, and the relevant terminology appeared in the midst of general non-professional lexis. The developing terms retained the integral link with it, and some of them did not lose the motivation transparency. The change of cultural paradigm after the Norman Conquest, the fading away of ancient oral poetic tradition, the acquaintance with a new Norman-French tradition and its acceptance by the Anglo-Saxon society made the theatricals vocabulary isolate from the stock of general English words. *Nomina agentis* and *Nomina actionis* are of interest to linguists because they reflect the professionalization of words of general usage and their change into theatrical terms. The study of their semantics and contexts shows the role of Church in the formation of theatrical culture and English theatrical terminology. The aim of the paper is to reveal the phenomena and relevant notions, that bound English medieval theatricals into a single culture and to demonstrate how they were represented in medieval English. Research material comprises Old English and Middle

English *nomina agentis* and *nomina actionis* borrowed from Old English and Middle English dictionaries and texts. The author employed etymological, word-formation, semantic and cultural historical research methods. The list of references includes 26 items.

Keywords: Old English, Middle English, *scop*, Norman Conquest, Norman-French cultural tradition, *theatricals*, *nomina agentis*, *nomina actionis*.

For citation: Chupryna, O. G. (2024). From *scop* to actor: terminology of *theatricals* in medieval English. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(55), 62–77.

Введение

Интерес к процессам формирования терминологий, уходящих корнями в отдаленные эпохи, возникает не только благодаря вниманию к истории становления того или иного вида деятельности. В этом случае, по замечанию О. Н. Трубачева, «необходимо сделать акцент на терминообразовании как на основном ресурсе пополнения и развития общей лексики языка» (цит. по: Сквайрс, 2015, с. 5). В исследованиях древних производственных и иных терминологий «употребление слов “термин” и “терминология” <...> стало традиционным и не требует обоснования» (Сквайрс, 2015, с. 8). Театральная терминология являет собой многообещающий предмет для лингвистического и культурологического исследования, поскольку ее изучение может не только пролить свет на задействованные в образовании театральных терминов языковые приемы и модели, но и раскрыть эволюцию представлений о зрелище как о развлечении и форме влияния на умоностроение и веру зрителей. Лингвистические исследования, выполненные по обозначенной проблематике, сосредоточены на установлении основных словообразовательных способов в создании театральных терминов XVII–XX веков и их статистической стратификации (Нифанова, 2017, 2014; Чурилова, 2013). В опубликованных работах по театральной терминологии XVII век избирается в качестве начальной точки в изучении данной терминологии, что вычеркивает из исследовательского поля длительную историю становления и развития зрелищной культуры Англии, предтечи профессионального английского театра, и не позволяет понять, как сосуществовали разные по своему происхождению языковые единицы — знаки той человеческой деятельности, которая более всего вовлекает разум, сердце и веру, и почему происходила их смена в то время, когда театральные действия еще только начали отделяться от любительского народного занятия.

Постановка проблемы

Развитие зрелищно-театральной терминологии английского языка в эпоху, предшествовавшую концу XVI – началу XVII века, еще не стало предметом всестороннего лингвистического и культурологического изучения. Верхняя планка

предпринятого исследования установлена на середине XVI века, основное внимание сосредоточено на периоде начиная со времени Беды Досточтимого, упомянувшего в своих трудах первого англосаксонского поэта-певца Кэдмона (VII век), и заканчивая временем восшествия на английский престол Елизаветы I. Может вызвать сомнение поиск истоков зрелищной культуры в VII–X веках. В этом случае на помощь приходит контекст, извлекаемый из древних письменных памятников этого периода. Он воссоздает событие — прообраз представления, в котором есть художественный материал (рассказ о былом), исполнитель-песносказитель и аудитория зрителей/слушателей. Тацит упоминает песнопения в своем труде о древних германцах как о единственном известном этим племенам виде повествования о былом (Тацит, 2011). Песнопения происходили на пиру — главном событии в жизни древних германцев, чьи традиции были унаследованы англосаксами. Как писал Тацит, на пиру германцы толковали «о примирении враждующих между собою, о заключении браков, о выдвигании вождей, наконец, о мире и о войне, полагая, что ни в какое другое время душа не бывает столь же расположена к откровенности и никогда так не воспламеняется для помыслов о великом» (Тацит, 2011, с. 6). Песнопения являли собой сказания о минувшем, об одержанных победах и героях, о поражениях и утратах. Песнопение по своей сути были рассказом под аккомпанемент арфы, единственного музыкального инструмента, упоминаемого в древнеанглийских письменных памятниках. Как отмечает Р. Боениг, действие, совершавшееся на пиру, обозначалось глаголами говорения — *sægde* «сказал, рассказал», *reccan* «говорить», *swæð* «сказал», но не глаголами пения, однако само действие называлось *sång* «песня» (Boenig, 1996, p. 292). Сюда следует добавить глагол *giddan* «декламировать, читать нараспев» и деривационно связанное с ним существительное *gid* «пение, речетатив». Три фигуры занимали исключительное положение на пиру у англосаксов: вождь или конунг, его жена и певец былых преданий (Pollington, 2012, p. 48). Уместно подчеркнуть важную роль женщины, хотя ее и не называют королевой, а только женой: на пиру она одаривает воинов «кольцами — витыми браслетами или нашейными кольцами гривнами» (Чупрына, 2022, p. 89). Песносказитель был одной из центральных фигур на пиру. Исследователь древнеанглийских текстов Дж. Найлз приводит любопытное сопоставление, касающееся роли англосаксонских сказителей: он утверждает, что сохраняющийся современный интерес к ним подтверждает значимость песносказителей в отдаленную англосаксонскую эпоху (Niles, 2003, p. 12).

Исследовательская проблема заключается в том, чтобы установить лексические единицы, отражавшие зрелищную культуру средневековой Англии, степень их терминологичности и связанности с обиходной лексикой, особенности словообразования и этимологию. Решение этой проблемы вряд ли возможно без обращения к сведениям о реально имевших место зрелищах и развлечениях. Развитие зрелищно-театральной терминологии в рассматриваемый период не подчинялось регулированию и систематизации, поэтому ее изучение, подобно изучению терминологий древних ремесел, «предваряется <...> рассмотрением устройства

и эволюции соответствующих реалий» [Сквейрс 2015: 10]. Не менее важно определить влияние внешних факторов на появление театральной лексики в английском языке, поскольку эволюция зрелищ в Англии предопределялась, с одной стороны, запросами властных и богатых представителей общества, требованиями церкви, а с другой — вкусами толпы простых уличных зрителей.

Обсуждение результатов

Английская зрелищная культура уходит своими корнями в раннее Средневековье. Она опиралась на древнегерманскую устную поэтическую традицию и начиналась с песнопений. Народность и древность этой традиции подтверждает Беда Досточтимый в рассказе о Кэдмоне — он пишет, что крестьяне собираются вместе, поют и передают арфу из рук в руки. Арфа — главный музыкальный инструмент в народной культуре развлечения англосаксов. В корпусе *Concordance to the Anglo-Saxon Poetic Records* древнеанглийское существительное *hearpe* «арфа» упоминается в разных формах семнадцать раз, пять из которых приходится на поэму Беовульф (*Concordance*). По модели с суффиксом *-ere* от него было образовано производное *nomen agentis hearpere* «арфист; (поющий) музыкант, играющий на арфе», которое встречается в глоссах и альфредовском переводе текста Боэция и соответствует латинскому *citaroedus* «певец, аккомпанирующий себе на кифаре».

В *Беовульфе* есть слова, непосредственно связанные с культурой песнопения, точнее, представляющие деятеля: *scop* и *glēðman*. Тот факт, что обозначенные единицы соположены и взаимозаменяются, идет вразрез с различиями в культурных и социальных коннотациях при денотативном совпадении в английском языке раннего Средневековья. Об этом свидетельствует анализ употреблений пары единиц в тексте поэмы (строки 75, 86–90, 867, 868–9, 871, 874, 876, 878, 882, 902, 914–5, 1065–6). В частности, слово *scop* подчеркивало общественный статус фигуры песносказителя, который считался хранителем древних легенд (строки 89–98, 860–870). Прошлое в мифологизированном сознании древних англосаксов было вместилищем «событий, имевших основополагающее значение для настоящего, и предметов, доставшихся настоящему в наследие от прошлого и вызывающих почтение» (Чупрына, 2000, с. 24). Прошлое воскрешалось в настоящем, что обуславливало его ценностные смыслы. Слово *скопа* обладало бесспорной огромной силой (строки 70–80), его песнопение будило гнев и озлобленность в душе заклятого врага (строки 86–90). Существительное *scop* деривационно было связано с глаголом *sceppan* «создавать, делать, творить». Подобная корреляция свидетельствует, что песносказитель не просто заучивал и впоследствии воспроизводил стихи, механически нанизывая одну стихотворную формулу на другую, но стремился следовать поэтической традиции, старался добавить и обновить их. Следовательно, скопа справедливо считать творцом, создателем песенных виршей. Скоп не только

пел историю под звуки арфы, но и доставлял удовольствие своим голосом (Беовульф, строки 86–90) и развлекал (строки 497–499, 1065–1069) вождя и его дружинников. В контекстах пира в *Беовульфе* благодаря архаичному значению слово *scop* порождает два основных смысла: создание радостного события, радости и сотворение рассказов-песен:

dreām gehȳrde

hlūdne in healle; þær wæs hearpan swēg,

swutol sang scopes (Беовульф 89–90)

веселье слышал, «застольные клики в чертогах, там арфа пела и голос ясный песносказителя»¹.

Сопоставление данных из поэмы *Беовульф* с данными относительно употребления слова *scop* в поэме «Видсид» (*Widsith*) позволяет констатировать, что оно обозначало песносказителя как профессионального деятеля, наделенного общественной значимостью. Латинско-англосаксонские глоссы подтверждают это мнение, поскольку в них латинским соответствием древнеанглийского слова *scop* является слово *poeta* (Wright, 1968, p. 185).

Ведущим смыслом слова *glēōman* было развлечение, о чем свидетельствуют словари (*Anglo-Saxon Dictionary*, *Middle English Dictionary*) и его первый элемент *glēō* «веселье, радость, развлечение». В *Беовульфе* вождь данов Хродгар берет арфу в руки:

and we tō symble geseten hæfdon.

Þær wæs gidd and glēō; gomela Scilding

fela fricgende feorran rehte;

hwīlum hilde-deōr hearpan wynne,

gomen-wudu grētte; hwīlum gyd āwraec

sōð and sārlic (Беовульф 2107–2111)

«воссели мы за веселый пир, были там песнопения и веселье. Старый Скильдинг поведал о былых временах и словам его вторила арфа, сладкозвучное древо. Пел он песни безрадостные, то предания сказывал чудо-истинные».

Не будет преувеличением сказать, что первыми английскими терминами зрелищной культуры были наименования деятеля — *hearpere*, *scop* и *glēōman*, которые были образованы по продуктивным словообразовательным моделям древнеанглийского языка и сохраняли прозрачную внутреннюю форму. Однозначно решить вопрос об их терминологичности не представляется возможным из-за недостаточности текстового материала. Если опереться на признак однозначности как одной из характеристик термина, то существительные *hearpere* и *scop* удовлетворяют этому требованию, поскольку иных значений, кроме как «певец, песносказитель», у них не зарегистрировано. Однако *hearpere* сложно

¹ Здесь и далее перевод В. Тихомирова по: Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Т. 9. М.: Художественная литература, 1975.

назвать термином, поскольку это слово не было знаком «интеллектуально зрелого и ясно очерченного понятия в сфере специальной коммуникации» (Сорокина, 2007, с. 6). То обстоятельство, что это слово встречается у Беда Досточтимого, в *Беовульфe* и псалмах и обозначает любого играющего на арфе, также можно рассматривать в пользу его нетерминологичности. *Glēðman*, по свидетельству словаря (An Anglo-Saxon Dictionary), многозначен, хотя все приводимые значения объединяет один смысл — лицедей, развлекающий публику. *Scop* — однозначное слово и обозначает не любого, искусно складывавшего стихи и излагавшего их под струны арфы, но профессионального сказителя, для которого песнопение было не только почетным занятием, но и хорошо оплачиваемым трудом (Niles, 2003, p. 12).

Древнеанглийское *nomen actionis* в зрелищно-театральной сфере представлено одним словом — *wafung*, производное от глагола *wafian*, значение которого лучше всего можно было бы передать древнерусским словом «позирать», т. е. смотреть с удивлением и интересом. Значение существительного *wafung* можно сопоставить со славянским по происхождению словом *позорище* в древнерусском языке — «то, на что взирают с интересом». Поскольку профессиональная театральная деятельность еще не сформировалась, то не было и определенного, профессионально установленного места для зрелищных представлений, что подтверждает сложное слово *wafungstede* «место представления-позорища», соответствующее в средневековых глоссах латинскому *theatrum* (Wright, 1968, p. 197).

Развитие европейского театра и театра в Англии после утраты древнегерманской поэтической традиции, развивавшейся преимущественно в дохристианской парадигме бытия, было неотрывно от церкви, благодаря которой формирование театра как такового растянулось на столетия. Влияние церкви отразилось на появлении терминологических наименований первых жанров театрального действия: *Miracle*, *Morality*, *Mystery*. Церковные службы повсеместно в средневековой Англии читались на латыни. Для подавляющего большинства прихожан, если не для всех прихожан, латынь была незнакомым языком. Задача церковнослужителей состояла в том, чтобы их паства узнала библейские легенды, прониклась их смыслом. Опираясь на латынь, выполнить такую задачу было крайне сложно. На помощь пришли *Miracle Plays* «живые картины». Картины из жизни святых или на библейские темы способны были эффективнее донести религиозное знание до верующих, нежели проповеди, читаемые на непонятном для большинства прихожан языке. Существительное *miracle* пришло в английский язык в XI веке из старофранцузского и получило значение *a wondrous work of God* «чудо, сотворенное Богом». Поскольку целью живых картин было обращение простых людей в христиан, то вначале сцены из жизни Иисуса Христа разыгрывали сами священники. Живые картины в художественной форме также представляли жизнь, страдания и мученическую кончину того или иного святого (Шпилова, 2020). Картины разыгрывались в самой церкви, они были просты,

доступны для понимания людьми, пришедшими в церковь, захватывали их внимание. В то время церковь была центром всей жизни и именно она определяла приемлемое и неприемлемое для общества. И, соответственно, транслировала эти идеи обществу. Таким образом, английский средневековый театр рождался в стенах церкви и, помимо развлечения, решал задачу приобщения зрителей к христианской вере, передачи в художественной форме постулатов церкви (Solberg, 2016).

Постепенно *Miracles*, или живые картины, усложнялись, им становилось тесно в стенах церкви, и они переместились в церковный двор. В церковных дворах стали разыгрывать несложные постановки, которые получили название *Morality*, или *Morality plays* «моралите». *Morality plays* сохраняют связь с литургическими представлениями, поскольку в них очевидны религиозные поучения, но они уже обозначили переход от собственно литургического действия к нецерковному, народному театральному действию. В моралите в аллегорической форме представлены добродетели и пороки: себялюбие, скупость, глупость, милость, благообразие, терпение, дружба. Моралите — один из ранних жанров средневековой драмы, в котором аллегорические фигуры передают религиозные и моральные идеи. Аллегии символизировали соблазны и грехи, с которыми каждый человек сталкивается в своей жизни. Но, помимо этого, он встречается и с добром, красотой, благими деяниями, которые и побеждают грех и соблазн. Поскольку речь в моралите всегда шла о простом человеке, то главного героя этих постановок называли *everyman* или даже *mankind* «человечество» (Brantley, 2013).

Третьей составляющей театрализованных представлений раннего Средневековья, связанных с церковью, стали постановки под названием *Mystery* «мистерия». После того как представления из здания церкви переместились на улицу, стало затруднительно, а то и вовсе невозможно устраивать их на Рождество и Пасху из-за погоды, которая далеко не всегда была благоприятной. Тогда пьесы начали ставить на праздник *Тела и Крови Христовых* (*Corpus Christi*), который англичане отмечают либо в мае, либо в июне. Терминологическое значение слова *mystery* «постановка, пьеса мистерия» отпочковалось от его общеупотребительного значения «тайнство». И сами пьесы мистерии были о Божественных тайнствах, повествовавших в Новом Завете. Слово *mystery* пришло в английский язык в XIV веке из французского, в который оно в свое время попало из латыни, где оно обозначало секретный обряд, секретный ритуал и секретный предмет. Во французском языке слово приобретает значение «тайнство, скрытый смысл» и уже в английском языке становится принадлежностью религиозного словаря в значениях «религиозная истина, открываемая через Божественное откровение, тайнство» (Etymonline). Тогда же, в Средние века, оно включается в формирующуюся театральную терминологию как обозначение нового драматического жанра. В мистериях события библейской истории, или циклы, представляли в хронологическом порядке — от падения ангелов до Судного дня. Так, в театральную терминологию

вошел еще один термин — *Cycle plays*. Подобные постановки разыгрывались главным образом на севере Англии — в Йорке, Честере, Ковентри. Мистерии постепенно удаляются от строгости и непрерываемой торжественности постановок внутри церкви. В них к серьезному содержанию добавляется развлекательность, смешные диалоги и управление телом для создания юмористического эффекта, то, что в театральной терминологии называется *physical comedy* «физическая комедия» (Symes, 2009). В мистериях со смешными сценами смешных рожиц, падений, толчков зарождается клоунада и пантомима. Другой важной особенностью мистерий становится место их представления и актеры, их разыгрывающие. В постановках начинают участвовать члены гильдий ремесленников, которых в Англии позднего Средневековья было немало. Пекари, пивовары, мастера кожевенных дел и другие становятся актерами в представлениях, идущих на передвижной платформе или сцене — *pageant*, установленной на повозке. Гильдия предоставляла повозку, двигалась за ней в процессии в той последовательности, по которой они затем принимали участие в постановке. Актеры вместе с передвижной сценой — *pageant wagon* — путешествовали из одного места в другое и давали представления — библейские истории, приправленные юмором и смехом. Каждой гильдии приписывалась определенная сцена в процессии. Ремесленники следовали духу библейской легенды, но при этом не забывали продемонстрировать свою идентичность и социальную и экономическую роль в городе. Так, в сцене падения Люцифера необходимо было, чтобы зрители почувствовали отвратительный запах — и сцену передали дубильщикам кожи. Гильдия плотников участвовала в постановке сцены воскрешения Христа, а сцена распятия была отдана мясникам. Гильдия пекарей ставила Тайную Вечерю и, конечно, изображала не только хлеб насущный, но и духовный (Davidson, 2006, Ogilvy, 1963).

Новые жанры зрелищных постановок обусловили появление терминологических наименований места их разыгрывания — *pageant* «передвижная сцена» и *pageant wagon* «повозка с передвижной сценой». Слово *pageant* было заимствовано в английский язык позднего Средневековья из латыни, латинское слово значило «страница в книге», вторым его значением было «плита». Вероятно, в английском слове произошло соединение смыслов: «плита» (как платформа) и «страница» как страница Библии, — и сформировалось значение «представление библейской легенды/страницы из библии на платформе». Вторым элементом в *pageant wagon* «повозка с передвижной сценой» выступает также заимствованная единица — *wagon* < голл. *wagen, waghen* «повозка для перевозки тяжелых грузов» (Etymonline).

Живые картины, моралите и мистерии были важной частью средневековых зрелищ, официально разрешенных и поддерживаемых церковью. Помимо них, развивалась уличная зрелищная культура, о чем может свидетельствовать зафиксированное еще в древнеанглийском языке существительное *tumbere* «акробат, танцор, игрец», образованное от глагола *tumbian* «кувыркаться, танцевать» (Anglo-Saxon Dictionary).

В среднеанглийском языке, возможно, под влиянием средне-верхненемецкого *tummelen* «переворачивать(ся), танцевать» и голландского *tuimelen* «кувыркаться» форма этого слова изменилась и стала *tumbler* (Etymonline).

В позднее Средневековье в английской зрелищной культуре возникло много действующих лиц. Их появление в первую очередь было связано с влиянием французской культуры, определившей стиль жизни средневековой Англии после Нормандского завоевания. На улицах английских городов давали представления шуты и жонглеры, канатоходцы и фокусники. Своеобразным аналогом в русской уличной зрелищной культуре были скоморохи. В. И. Даль дает такое определение слову *скоморох*: музыкант, дудочник, сопельщик, гудочник, волынщик, гусяр; промышленяющий этим и пляскою, песнями, штуками, фокусами; потешник, ломака, гаер, шут (Даль, 2007).

Словарный состав английского языка обогатился такими заимствованными единицами, как *minstrel, jongleur, juggler, mummer, histroine, mimi, ioculatores, tregetour*. Общим в их семантике были два признака: «бродячий» и «развлекающий». Дифференциация этих слов основывалась на признаках конкретных выполняемых действий. Так, *jester* обозначало бродячего актера, играющего на каком-либо музыкальном инструменте и распевającego любовные песни, и одновременно шута и клоуна. Как известно, уличная зрелищная культура не может существовать без шутов и клоунов. Средневековые шуты имели разный социальный статус — были просто бродячие шуты и придворные шуты. Придворные шуты получали хорошее жалованье, и у них было постоянное жилье. Основная задача придворного шута состояла в том, чтобы веселить короля, создавать ему хорошее настроение и ощущение счастья. Если шутка не удавалась, шуту это могло стоить лишения части жалованья. У Генриха VII было три шута, один из которых по прозвищу мистер Джон перешел к Генриху VIII, а шут Генриха VIII Уил Сомерс оставался шутом при королеве Елизавете. После его смерти в 1560 году Елизавета завела целый штат шутов и шутих, имена которых остались в дворцовых расходных книгах. Простой шут обычно жил в бедности, бродил от одной деревни к другой, от одного города к другому и ночевал где придется (Carlson, 2013).

Гистрионы — *histrion*, или *histrion* — пели и танцевали. Они двигались под музыку и танцем рассказывали о героических деяниях. Гистрионы нередко выбирали двусмысленные истории для своих танцевальных представлений и благодаря этому привлекали публику. Дж. Огилви обнаружил, что в сохранившихся средневековых исторических документах, в которых были зафиксированы выплаты актерам, менестрелей иногда называют гистрионами (Ogilvy, 1963). Возможно, что авторы этих документов не делали различий между актерами. Музыканты, собиравшиеся в подобие трупп, отправлялись в города Северной и Восточной Англии на церковные праздники, этим музыкантам давалось общее название — гистрионы. Церковь была враждебно настроена по отношению к гистрионам, поскольку, по мнению священников, танцы

гистрионов были развратными и непристойными. В XVII веке пресвитерианский полемист и богослов Уильям Принн обрушился с обвинениями в своей книге против театров *Histriomastix* «Бич актеров» (Pynne). В названии книги он использовал слово *histrion*, которое к тому времени уже приобрело пренебрежительный характер — фигляр, актеришка. Он также поместил в название книги греческое слово *mastix*, означавшее «бич». Получилось *histriomastix*, и, хотя на русский язык это название обычно переводят как «бич актеров», но смысл, который У. Принн вложил в это придуманное им слово, — бич фиглярам, кривлякам, актеришкам. Принн был убежден в губительном действии театра на тела и души, в том, что театр навлекает Божественное возмездие на тех, кто хоть как-то участвует в представлении, — на авторов, актеров, зрителей и даже на тех, кто всего лишь одобряет публичные постановки или терпимо к ним относится.

Слово *timmer* «ряженный», заимствованное в английский язык из французского в начале XV века, стоит особняком в группе приведенных выше *nomina agentis*. За ним можно увидеть очень скромные, слегка заметные ростки будущей профессиональной театральной деятельности, намеки на профессиональную труппу актеров. Ряженные не выступали в одиночку, но собирались в группы и в своих представлениях обходились без слов. Эти представления были началом пантомимы. Представления ряженных обычно происходили на религиозные праздники и были особенно популярны на Рождество. Ряженные исполняли свои постановки как перед простыми людьми, так и перед королями и придворными. В группе обязательно были музыканты, акробаты, жонглеры. Главным их представлением была битва между Святым Георгием и Драконом. Они символизировали добро и зло, и всякий раз, когда кто-то погибал в сражении, врач-шарлатан возвращал его к жизни. Ряженные надевали маски, которые должны были смешить людей: актеры наряжались в животных и птиц — свиней и павлинов, молодые люди наряжались в женщин и ангелов. В XVI–XVII веках постановки ряженных становились утонченнее и превратились в театр масок, в котором уже присутствовали изящные костюмы и сложные декорации (Symes, 2009).

Слова *minstrel*, *jongleur*, *juggler*, *mummer*, *histroine*, *mimi*, *ioculatores*, *tregetour*, как уже отмечалось, были заимствованы в английский язык из французского. В этот синонимический ряд включилось свое английское слово *pleiere/plaer* с обобщенным значением «исполнитель; тот, кто развлекает; играет на музыкальных инструментах; жонглирует; игрец». Это значение стало результатом развития семантики древнеанглийского слова *plegere* «игрок, атлет, борец», деривационно связанного с глаголом *plegan* «играть, спортивно двигаться, резвиться» (Anglo-Saxon Dictionary). Из сферы обозначений древних спортсменов *plegere* сместилось в область наименований непрофессиональных актеров.

Приведенные ранее французские заимствования были взаимозаменяемыми словами, а наличие нескольких форм их написания в словарных статьях

среднеанглийского языка (Middle English Dictionary) говорит о том, что эти лексические единицы еще не ассимилировались в английском языке. Новые слова повлияли на судьбу существительного *gleeman* < *glēōman*, согласно данным словаря среднеанглийского языка, оно стало доминирующим в синонимическом ряду *nomina agentis*, благодаря обобщенному характеру своего значения: ‘one who entertains professionally with singing, playing instrumental music, story-telling’ (Там же). В среднеанглийском языке существительное *scop* было вытеснено из сферы зрелищной культуры и закрепилось как наименование поэта и чтеца поэзии. Примечательно, что из приводимых в словаре случаев употребления *scop* четыре встречаются в поэме *Брут Лайамона*. В этом стихотворном изложении истории короля Артура упоминаются служившие при его дворе поэты-скопы. Уже в XIII веке это существительное становится обозначением устаревшей реалии и переходит в разряд архаизмов.

Выходит из употребления исконное обозначение зрелищного действия — *wafung*, его заменяет пришедшее из французского языка слово *spectacle* «публичное увеселительное мероприятие; зрелище» (Middle English Dictionary). Из строк Псалтири конца XIV века можно заключить, что так называли представления многочисленных бродячих актеров: *The vile lustis of this world, as hoppunge & daunceynge of tumblers and herlotis, and other spektakils ... makis men to lose ther wit fra god* «низкие желания в этом мире, такие как прыжки и танцы акробатов и шутов и другие представления ... заставляют людей терять свой разум от бога» (Middle English Dictionary).

Слово *actor* приходит в английский язык из латыни в XIII веке, но включается в театральную терминологию только в период становления профессионального театра, в эпоху Елизаветы Первой и Шекспира. До этого оно относилось к юридической терминологии, где обозначало судебного пристава, или управляющего имуществом. Ведущим значением у юридического термина было «исполнитель», и именно этот смысл сделал возможным включение слова в театральную терминологию.

Заключение

Генерация смыслов в сфере духовной и развлекательной культуры средневековой Англии происходила под влиянием двух основных тенденций. Первая заключалась в наследовании устной поэтической традиции древних германцев, которая отразилась в слове *scop*, вместившем в своем содержании социальную и творческую значимость и песносказателя, и древних песнопений. Вторая тенденция состояла в уходе творцов песносказания от этики и стилистики эпического песносказания в сферу музыкального, песенного и иного развлечения публики. Эта тенденция зародилась внутри англосаксонской культуры

развлечения, была поддержана и усилена влиянием французской культуры и французского языка в XII–XIV веках.

Ранняя терминология зрелищной культуры складывается как из исконных, так и из заимствованных элементов. К первым относятся такие *nomina agentis*, как *scop, gleeman, tumbler, plaer*; *nomina actionis* — *wafung*. Заимствованные слова образуют значительный синонимический ряд *nomina agentis* — *minstrel, jongleur, juggler, mummer, histroine, mimi, ioculatores, tregetour*. В их семантике отразился синкретизм зрелищных представлений — одновременное соединение музыки, пения, чтения стихов, жонглирования, шутки и пр. Терминологизация имела место в обозначении конкретных жанров — *Miracle, Morality, Mystery*, активно поддерживавшихся церковью. Ведущие термины в современной театральной терминологии — *actor* и *spectacle* — приходят в английский язык довольно поздно и начинают широко использоваться в XVII веке.

Список источников

Источники

1. *Widsith*. (2024, 14 июля). <chrome-extension://efaidnbmninnibpcapjpcglclefindmkaj/https://ia600402.us.archive.org/5/items/widsithstudyinol00chamuoft/widsithstudyinol00chamuoft.pdf>
2. *Beowulf*. (2024, 14 июля). <http://ebeowulf.uky.edu/ebeo4.0/CD/main.html>
3. Prynne, W. *Histrion-mastix*. (2024, 14 июля). <https://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo;idno=A10187.0001.001>

Литература

4. Нифанова, Т. С. (2017). Лексико-семантическое словопроизводство как способ формирования театральной терминологии английского языка. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 5-1(71), 126–130.
5. Нифанова, Т. С. (2014). Языковые и внеязыковые факторы развития английской театральной терминологии во второй половине XVII века – 80-х годах XX века. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 11-2(41), 136–140.
6. Сквайрс, Е. Р. (2015). *Ремесленная терминология в древнегерманских языках*. Макс Пресс.
7. Сорокина, Э. А. (2007). *Когнитивные аспекты лексического проектирования (к основам когнитивного терминоведения)*. Московский государственный областной университет.
8. Тацит, Корнелий. (2011). *Германия. О происхождении, положении и нравах народов Германии*. Нобель Пресс.
9. Чупрына, О. Г., & Овсянникова, М. А. (2022). Женщина в жизни и поэзии древних англосаксов. К вопросу о межкультурной подготовке учителей иностранного языка. *Иностранные языки в школе*, 5, 87–93.
10. Чупрына, О. Г. (2000). Представления о времени в древнем языке и сознании. Прометей.
11. Чурилова, И. Н. (2013). Тематические группы английских театральных терминов-неологизмов. *Научный диалог*, 10(22), 154–163.

12. Шипилова, Н. В. (2020). Мистерии «Города Н.»: своеобразие организации и сценической постановки цикла. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 13(1), 116–121. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.24>
13. Voening, R. (1996). The Anglo-Saxon Harp. *Speculum*, 71(2), 290–320. <https://doi.org/10.2307/2865415>
14. Brantley, J. (2013). Middle English Drama Beyond the Cycle Plays. *Literature Compass*, 10(4), 331–42. <https://doi.org/10.1111/lic3.12056>
15. Carlson, M. (2013). Medieval Street Performers Speak. *TDR* (1988-), 57(4), 86–94. <http://www.jstor.org/stable/24584845>
16. Davidson, C. (2006). York Guilds and the Corpus Christi Plays: Unwilling Participants? *Early Theatre*, 9(2), 11–33. JSTOR. <http://www.jstor.org/stable/43500652>
17. Haymes, E. (2020). Is the ‘formula’ the key to oral composition? In *John Miles Foley’s World of Oralities: Text, Tradition, and Contemporary Oral Theory*. Ed. by Mark C. Amodio. Arc Humanities Press, 95–106. <https://doi.org/10.2307/j.ctv22d4zhq.15>
18. Niles, J. (2003). The Myth of the Anglo-Saxon Oral Poet. *Western Folklore*, 62(1/2), 7–61. <http://www.jstor.org/stable/1500445>
19. Ogilvy, J. (1963). Mimi, Scurrae, Histriones: Entertainers of the Early Middle Ages. *Speculum*, 38(4), 603–619. <https://doi.org/10.2307/2851658>
20. Pollington, S. (2012). The Mead-Hall: Fighting and Feasting in Anglo-Saxon Society. *Medieval Warfare*, 2(5), 47–52. JSTOR. <https://www.jstor.org/stable/48578043>
21. Solberg, E. (2016). A History of ‘The Mysteries’. *Early Theatre*, 19(1), 9–36. JSTOR. <https://www.jstor.org/stable/90018269>
22. Symes, C. (2009). The History of Medieval Theatre / Theatre of Medieval History: Dramatic Documents and the Performance of the Past. *History Compass*, 7/3, 1032–1048. <https://doi.org/10.1111/j.1478-0542.2009.00613.x>

Словари

23. Даль, В. И. (2007). *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 4. Олма-Пресс.
24. *An Anglo-Saxon Dictionary based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth*. T. Northcote Toller (Ed.). (2024, 14 июля). http://lexicon.ff.cuni.cz/html/oe_bosworthtoller/b1217.html
25. *Concordance to the Anglo-Saxon Poetic Records*. (2024, 14 июля). https://openlibrary.org/books/OL4539766M/A_concordance_to_the_Anglo-Saxon_poetic_records
26. *Etymonline*. (2024, 14 июля). <https://www.etymonline.com/search?q=mystery>
27. *Middle English Dictionary*. (2024, 14 июля). <https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary>
28. Wright, T. (1968). *Anglo-Saxon and Old English Vocabularies*. Darmstadt.

References

Istochniki

1. *Widsith*. (2024, July 14). <https://ia902607.us.archive.org/16/items/widsithstudyinol00chamuoft/widsithstudyinol00chamuoft.pdf>
2. *Beowulf*. (2024, July 14). <http://ebeowulf.uky.edu/ebeo4.0/CD/main.html>
3. Prynne, W. *Histrio-mastix*. (2024, July 14). <https://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo;idno=A10187.0001.001>

Literatura

4. Nifanova, T. S. (2017). Lexical-semantic derivation as a way of formation of theatrical terminology in the English language. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 5-1(71), 126–130. (In Russ.).
5. Nifanova, T. S. (2014). Linguistic and non-linguistic factors of developing English theatrical terminology in the second half of the XVII century – at the 80s of the XX century. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 11-2(41), 136–140. (In Russ.).
6. Skvajrs, E. R. (2015). *Craftsman terminology in Old Germanic languages*. Maks Press. (In Russ.).
7. Sorokina, E. A. (2007). *Cognitive aspects of lexical projecting (towards cognitive terminology studies)*. Moscow State Regional University. (In Russ.).
8. Tacit, Kornelij. (2011). *Germany. Origins, position and customs of Germans*. Nobel' Press. (In Russ.).
9. Chupryna, O. G., & Ovsyannikova, M. A. (2022). The Issue of Intercultural Training of Foreign Language Teachers: A Woman in the Life and Poetry of the Ancient Anglo-Saxons. *Inostrannye yazyki v shkole*, 5, 87–93. (In Russ.).
10. Chupryna, O. G. (2000). *Notions of time in ancient language and outlook*. Prometey. (In Russ.).
11. Churilova, I. N. (2013). Thematic groups of English theatre terms-neologisms. *Nauchnyi dialog*, 10(22), 154–163. (In Russ.).
12. Shipilova, N. V. (2020). Mysteries of the «City of N.»: the originality of the organization and stage production of the cycle. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 13(1), 116–121. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.24>
13. Boenig, R. (1996). The Anglo-Saxon Harp. *Speculum*, 71(2), 290–320. <https://doi.org/10.2307/2865415>
14. Brantley, J. (2013). Middle English Drama Beyond the Cycle Plays. *Literature Compass*, 10(4), 331–42. <https://doi.org/10.1111/lic3.12056>
15. Carlson, M. (2013). Medieval Street Performers Speak. *TDR* (1988-), 57(4), 86–94. <http://www.jstor.org/stable/24584845>
16. Davidson, C. (2006). York Guilds and the Corpus Christi Plays: Unwilling Participants? *Early Theatre*, 9(2), 11–33. JSTOR. <http://www.jstor.org/stable/43500652>
17. Haymes, E. (2020). Is the 'formula' the key to oral composition? In *John Miles Foley's World of Oralities: Text, Tradition, and Contemporary Oral Theory*. Ed. by Mark C. Amodio. Arc Humanities Press, 95–106. <https://doi.org/10.2307/j.ctv22d4zhq.15>
18. Niles, J. (2003). The Myth of the Anglo-Saxon Oral Poet. *Western Folklore*, 62(1/2), 7–61. <http://www.jstor.org/stable/1500445>
19. Ogilvy, J. (1963). Mimi, Scurrae, Histriones: Entertainers of the Early Middle Ages. *Speculum*, 38(4), 603–619. <https://doi.org/10.2307/2851658>
20. Pollington, S. (2012). The Mead-Hall: Fighting and Feasting in Anglo-Saxon Society. *Medieval Warfare*, 2(5), 47–52. JSTOR. <https://www.jstor.org/stable/48578043>
21. Solberg, E. (2016). A History of 'The Mysteries'. *Early Theatre*, 19 (1), 9–36. JSTOR. <https://www.jstor.org/stable/90018269>
22. Symes, C. (2009). The History of Medieval Theatre / Theatre of Medieval History: Dramatic Documents and the Performance of the Past. *History Compass*, 7/3, 1032–1048. <https://doi.org/10.1111/j.1478-0542.2009.00613.x>

Slovari

23. Dal', V. I. (2007). *Slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka*. Vol. 4. Olma-Press. (In Russ.).
24. *An Anglo-Saxon Dictionary based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth*. T. Northcote Toller (Ed.). (2024, July 14). http://lexicon.ff.cuni.cz/html/oe_bosworthtoller/b1217.html
25. *Concordance to the Anglo-Saxon Poetic Records*. (2024, July 14). https://openlibrary.org/books/OL4539766M/A_concordance_to_the_Anglo-Saxon_poetic_records
26. *Etymonline*. (2024, July 14). <https://www.etymonline.com/search?q=mystery>
27. *Middle English Dictionary*. (2024, July 14). <https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary>
28. Wright, T. (1968). *Anglo-Saxon and Old English Vocabularies*. Darmstadt.

Информация об авторе / Information about the author

Ольга Геннадьевна Чупрына — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Института иностранных языков МГПУ.

Olga G. Chupryna — D. Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of English Philology, Institute of Foreign Languages, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.111'42

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ТРАНСЛЯЦИИ ЭМОЦИЙ В ДИСКУРСЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ВЕБИНАРА

Хутыз Ирина Павловна

Кубанский государственный университет,

Краснодар, Россия,

ir_khoutyz@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4141-5395>

Аннотация. Статья посвящена выявлению лексико-грамматических средств, передающих эмоции адресанта в дискурсе англоязычного обучающего вебинара, характеризующегося как виртуальный педагогический дискурс. Так как вебинар играет значимую роль в современном образовательном пространстве, определение средств, способствующих эффективной передаче знаний посредством данного жанра обучающего медиадискурса, представляется актуальной задачей. Для достижения поставленной цели был сформирован исследовательский корпус, в который вошли три обучающих вебинара общей продолжительностью 180 минут на английском языке, транслируемых компанией EF в ходе осуществления повышения квалификации преподавателей английского языка. Транскрипты указанных вебинаров были изучены с помощью методов лингвопрагматического анализа, включающего в себя и метод контекстуального анализа, а также с помощью методов классификации и систематизации. В ходе анализа было обнаружено, что категория эмотивности, передающая эмоции спикера, является неотъемлемой характеристикой дискурса вебинара. На грамматическом уровне трансляция эмоций осуществляется с помощью восклицательных и иных эмфатических конструкций, лексико-синтаксического повтора, степени сравнения имен прилагательных, вопросительных конструкций. На лексическом уровне категория эмотивности конструируется благодаря эмоционально окрашенной лексике и словам-усилителям.

Сделан вывод о том, что категория эмотивности является неотъемлемой характеристикой дискурса вебинара, направленной на то, чтобы выражать оценку спикера, удерживать внимание аудитории на информации, выстраивать диалог между говорящим и слушающими и в целом способствовать эффективной передаче знания аудитории.

Ключевые слова: дискурс вебинара, медиадискурс, категория эмотивности, лексико-грамматический уровень, экспрессивный синтаксис, эмоционально окрашенная лексика.

Для цитирования: Хутыз, И. П. (2024). Лексико-грамматические средства трансляции эмоций в дискурсе англоязычного вебинара. Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 3(55), 78–94.

Original article

UDC 811.111'42

LEXICAL AND GRAMMAR MEANS OF EMOTIVITY EXPRESSION IN ENGLISH-LANGUAGE WEBINAR DISCOURSE

Irina P. Khoutyz

Kuban State University,

Krasnodar, Russia,

ir_khoutyz@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4141-5395>

Abstract. The article is devoted to the study of lexico-grammar means that express addresser's emotions in the discourse of educational webinar in English. A webinar, being virtual pedagogical discourse, plays an important role in educational environment. That is why the identification of the techniques that help to transmit knowledge efficiently by means of this educational media discourse genre seems to be an important task. To achieve the aim of the study, a research corpus was compiled. The corpus included three educational webinars in English with the total duration of 180 minutes. These webinars were presented by the EF company as part of their global teacher-training program. The linguopragmatic analysis together with the context analysis as well as the methods of classification and systematization were used to analyze the transcripts of the webinars. During the investigation it was revealed that emotivity that expressed the speakers' feelings is an integral feature of the webinar discourse. At the grammar level, the emotions are transmitted with the help of exclamations and other emphatic constructions, lexico-syntactic repetition, degrees of comparison of adjectives, and questions. Emotionally charged lexis and intensifier words are the means that help to construct emotivity at the lexical level.

The conclusion is made that the discursive category of emotivity is an essential feature of the webinar discourse. It is aimed at expressing the speaker's evaluation, keeping audience's focus on the information, establishing a dialogue between the speakers and their audiences, and, on the whole, it contributes to successful knowledge exchange with the audience.

Keywords: webinar discourse, media discourse, emotivity, lexico-grammar level, expressive syntax, emotionally charged lexis.

For citation: Khoutyz, I. P. (2024). Lexical and grammar means of emotivity expression in English-language webinar discourse. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(55), 78–94.

Введение: дискурс вебинара

Представителями различных научных направлений ведется активное изучение особенностей вебинара, понимаемого как эффективная форма передачи знаний в современных реалиях (Abdulsada, 2021). Значимая часть данных научных работ фокусируется именно на эффективности вебинара как формы обучения, отмечая его интерактивный и удобный

формат общения (Chetan Kumar, Rangappa, Suchitra, 2021). Лингвисты изучают вебинар как жанр медиадискурса, пытаясь определить, какие характеристики позволяют сделать его увлекательным и успешным. Понимая дискурс как динамичное пространство, охватывающее лингвистический, социальный, культурный, когнитивный контекст и связывающее индивидуальные особенности коммуникантов с внешней «жизнью определенного социума» (Манаенко, 2018, с. 20), под дискурсом вебинара мы подразумеваем: коммуникативный формат виртуально-образовательного дискурса, «представленный в виде вебинара» (Танчук, 2017, с. 82); деятельность, осуществляемую в системе жанра вебинара с целью реализации комплекса задач.

Так, А. С. Танчук определяет вебинар как «жанр виртуального педагогического дискурса, основной целью которого является трансляция и донесение знаний с помощью интерактивных медиа технологий интернет-среды» (Танчук, 2021, с. 56). Автор указывает на гибридный характер вебинара, обусловленный тем, что он совмещает в себе особенности образовательного и виртуального дискурса и реализует обучающую, воспитательную, мотивационную, а также регулирующую и контролирующую функции. Указанная многофункциональность дискурса вебинара объясняет множество возможностей его классификации, например как обучающий, педагогический мотивационный дискурс. Учитывая, что вебинар реализуется в медиaprостранстве, он одновременно является виртуальным (электронным) и медиадискурсом.

Было установлено, что лексическое наполнение вебинара разнородно, так как включает в себя профессиональную и общеупотребимую лексику, а также термины сферы ИТ. Для дискурсивной организации вебинара характерно использование маркеров смены темы, уверенности, подчеркивающих личное мнение спикера, а также противопоставлений, перифраза (Танчук, 2021).

К ведущим коммуникативным стратегиям дискурса вебинара М. Н. Крылова относит стратегии информирования, императивности, кооперации, а также стратегии аргументирования, положительной презентации, самопрезентации, завоевания авторитета и др. Вариативные элементы вебинара представлены разнообразием тактик, которые могут быть реализованы в структуре указанных коммуникативных стратегий. Так, М. Н. Крылова отмечает, что в системе стратегии завоевания авторитета может появиться тактика дискредитации чужого авторитета, а в структуре стратегии информирования формируется тактика изображения (Крылова, 2022).

Жанры обучающего медиадискурса, к которым относят вебинары, тренинги, видеоблоги и блоги и т. д., стремясь компенсировать отсутствие межличностного общения в привычной аудитории, демонстрируют использование спикерами богатого разнообразия средств, направленных на формирование чувства диалога и взаимопонимания с аудиторией. Вступая в виртуальный диалог, спикеры активно делятся собственным мнением со зрителями, выражают личную позицию относительно обсуждаемых вопросов. Подобная эмоционализация медиадискурса была отмечена рядом лингвистов (Zappettini et al., 2021),

которые пришли к выводу о том, что это ключевая особенность медиадискурса (или «медиатизация эмоций»), осуществляемая за счет «дискурсивного перехода от логоса к пафосу, когда рациональные аргументы уступают место тенденции воздействовать на чувства аудитории» (Zappettini et al., 2021, p. 604).

Поясним, что под эмоциональным дискурсом понимают дискурс, который насыщен многообразием средств, передающих чувства и эмоции. На значимость культа эмоций при конструировании современного дискурса указывают и другие исследователи. Например, О. В. Хорохордина, изучая роль эмотивной категории в нативной рекламе, отмечает, что в таком дискурсе основной становится не информирующая, а презентационная стратегия. Категория эмотивности в подобном дискурсе реализуется не за счет эмоционально окрашенной лексики, а за счет «ассоциирования, резонанса и контраста эмотивных фонов» (Хорохордина, 2021, с. 20).

Представленное исследование посвящено анализу роли эмоций в дискурсе вебинара. **Цель** статьи — выявить лексико-грамматические средства трансляции эмоций в дискурсе англоязычного вебинара. **Актуальность** исследования обусловлена значимой ролью вебинара в современном образовательном пространстве, позволяющего осуществлять эффективную передачу знаний дистанционно как в синхронном, так и в асинхронном формате. **Научная новизна** заключается в анализе категории эмотивности в дискурсе англоязычного вебинара, а также в выявлении и систематизации средств, позволяющих конструировать данную дискурсивную категорию и, как можно предположить, эффективно влияющих на передачу и усвоение информации обучающимися.

Методология исследования

В исследовательский корпус вошли три англоязычных вебинара компании EF, занимающейся обучением английскому языку по всему миру с 1965 года¹. Она имеет свои представительства в более чем 100 странах и регионах мира и является лидирующей на рынке образовательных услуг уже 59 лет. В конце 2023 года проводилось повышение квалификации для преподавателей английского языка, в ходе которого были представлены шесть обучающих вебинаров опытными преподавателями компании. Три вебинара общей продолжительностью 180 минут были взяты для анализа средств, реализующих категорию эмотивности. Это следующие вебинары (в порядке выхода в эфир): 1) Derek Hurst (Дерек Херст), Teaching younger learners; 2) Beata Schmid (Беата Шмид), Task-based teaching and learning; 3) Olesya Brazhnikova (Олеся Бражникова), Teaching English for academic purposes. Доступ к записи вебинаров имеют только те участники повышения квалификации, которые официально зарегистрировались на сайте компании EF и приняли участие в обучении.

¹ Who we are. URL: <https://www.ef.com/wwen/about-us/>

Для выявления средств, реализующих категорию эмотивности, мы подготовили транскрипты вебинаров. Информация была тщательно изучена с учетом контекстуальных особенностей трансляции смыслов, что стало возможным благодаря лингвопрагматическому анализу речевых действий ведущих вебинаров. За счет применения методов классификации и систематизации выделенные средства, передающие эмоции в дискурсе всех рассмотренных вебинаров, мы разделили на два уровня их реализации — грамматический и лексический.

Анализ категории эмотивности в дискурсе англоязычного вебинара

Эмоции и категория эмотивности

В фокусе нашего внимания — *категория эмотивности*, с помощью которой в дискурсе транслируются эмоции. Существует несколько способов конструирования эмоций в дискурсе — с помощью экспрессивных высказываний и эмоционально окрашенной лексики, а также с помощью описаний. Отмечается, что для эмоционального дискурса характерно наличие оценочных высказываний, экспрессивных выражений (Кутковая, 2014). Особенности репрезентации эмоций в языке уже давно привлекают внимание лингвистов, достаточно вспомнить классификацию эмоций А. Вежбицкой, выделившей прототипические ситуации с характерными для них эмоциями. Установление подобной взаимосвязи между контекстами и эмоциями способствовало лучшему пониманию категории эмотивности и, как следствие, особенностям выражения эмоций в языке (Вежбицкая, 1996). Ценный вклад в исследование категории эмотивности, безусловно, внес В. И. Шаховский, обративший внимание на наличие у человека базовых эмоций (Шаховский, 2008), которые объединяют людей и «делают нас более/менее похожими друг на друга» (Ларина, 2015, с. 144).

Изучение эмоций в языке тесно связывают с теорией речевых актов, являющихся важным аспектом лингвистической прагматики, рассматривающей интерпретацию знаков получателем информации (Weigand, 2010). В данном научном направлении также была предпринята попытка классификации средств, выражающих эмоции в дискурсе, на паттерны для более эффективного их изучения и понимания. Например, группа лингвистов изучила средства, которые используются коммуникантами в чатах после просмотра корейских фильмов на платформе Viki. Эти лингвисты классифицировали средства выражения эмоций, связанных с юмористической реакцией, а именно выделили маркеры эмоций в англоязычных комментариях к корейским фильмам. Определив подобные комментарии с юмористическим значением, авторы посредством контент-анализа разделили их на три категории, относящиеся: 1) к артефакту; 2) к сообществу коммуникантов; 3) к артефакту и сообществу коммуникантов. В результате

исследования были охарактеризованы маркерами, передающие эмоции, связанные с юмористическим эффектом, к которым отнесли: акронимы (lol), эмодзи (😊😊), эмотиконы (;-)) частицы имитации смеха (haha), англоязычные леммы юмора (laugh, funny). Авторы приходят к выводу, что эмоции могут быть типографически кодированы в комментариях дискурса чата (Messerli, Locher, 2021).

Очевидно, что средства, которые позволяют передавать эмоции в процессе коммуникации, конструируя категорию эмотивности, изучаются на материале различных типов дискурса, что указывает на актуальность исследования особенностей трансляции эмоций. Так, О. А. Евтушенко, рассматривая эмоциональный восторг как негативную эмоцию в административном дискурсе, устанавливает, что лингвистические средства выражения эмоции здесь проявляются на лексическом, синтаксическом, морфологическом и фонетическом уровнях, а сама эмоциональность присуща любому дискурсу (Евтушенко, 2015). Было также выявлено, что эмоциональная составляющая усиливает аргументацию в письменном научно-гуманитарном дискурсе (Савчук, 2022).

Наличие эмоциональной составляющей, способствующей реализации креативности, представляется особенно ценным в педагогическом дискурсе. Изучая взаимосвязь эмоций и процесса обучения, Д. Джейкобс отмечает, что для создания благоприятной атмосферы на занятии учитель должен быть полностью вовлечен в процесс преподавания. А чтобы обучающиеся испытывали нужный спектр эмоций, преподавателю необходимо испытывать и демонстрировать свои эмоции (Jacobs, 2002). Данное умозаключение объясняет, почему дискурс вебинара, посвященный сложным педагогическим проблемам, демонстрирует средства, способствующие трансляции категории эмотивности.

Еще одно исследование подчеркивает роль эмоций в коллаборативном обучении, когда обучающиеся тесно взаимодействуют друг с другом и совместно решают образовательные цели. Для того чтобы подобное взаимодействие было продуктивным, необходим положительный социально-эмоциональный климат. Этому способствует репрезентация эмоций в пространстве дискурса, а также выражение поддержки коллегам и использование инклюзивных местоимений. Естественно, речь идет о положительном выражении эмоций, связанных с прогрессом в деятельности обучающихся, а также их поддержкой (Рафикова, 2021). Одним словом, ранее была акцентирована ценность положительных эмоций в обучающих дискурсах.

Прежде чем мы перейдем к рассмотрению лингвистических средств, которые позволяют реализовать категорию эмотивности в нашем исследовательском корпусе, рассмотрим взаимоотношение некоторых терминов, значимых для нашего исследования.

Поясним, что под экспрессивностью мы понимаем степень выражения эмоций спикером в дискурсе. Таким образом, чем больше представлено в дискурсе эмоциональных средств, т. е. средств, передающих эмоции адресанта, тем выше экспрессивность дискурса. Эмоциональность как лингвистическая

категория направлена на передачу чувств коммуникантов. Экспрессивность шире понятия эмоциональности, так как она подразумевает воздействие на адресата с помощью экспрессивных средств языка. А. Д. Гаджиева указывает на то, что средства эмоциональности и экспрессивность выполняют в языке несколько отличные, хотя и взаимодополняющие функции. Так, «экспрессивность — это те средства речи, которые делают ее выразительной, динамичной и впечатляющей» (Гаджиева, 2019, с. 68). Эмоциональность транслируется с помощью экспрессивности. Она тесно связана с понятием эмотивности, лингвистической характеристикой текста, под которой подразумевается то, как языковые средства могут вызывать и передавать эмоции. Соответственно, под эмотивностью можно понимать комплекс языковых средств, направленных на трансляцию и вызов определенных эмоций (Гаджиева, 2019). Данные категории связаны с понятием оценки — суждением или отношением автора. Семантика слов, выражающих оценку автора, в дискурсивной деятельности транслирует оценочность (негативную или позитивную), определяющую эмоциональность и экспрессивность текста (Галиуллина, 2023).

Средства реализации категории эмотивности в англоязычном вебинаре

Как уже было сказано, средства конструирования категории эмотивности в рассмотренных вебинарах были разделены на две группы по языковому уровню их реализации: грамматический (включает в себя морфологию и синтаксис) и лексический уровни. Рассмотрим более подробно каждую из выделенных нами групп.

На грамматическом уровне категория эмотивности в рассмотренных вебинарах реализуется посредством: восклицательных и других эмфатических конструкций; лексико-синтаксического повтора; степени сравнения имен прилагательных, а также вопросительных конструкций.

Все спикеры используют восклицательные и другие эмфатические конструкции для выражения оценки организации работы вебинара, а также информации, которой лекторы делятся с аудиторией. Участие аудитории в работе вебинара, ответы присутствующих получают только положительную оценку лекторов: *That's absolutely wonderful!* (Hurst) — *Это просто замечательно!* (здесь и далее перевод наш. — И. Х.) *Yes, yes, yes, yes, yes! Thank you so much for saying that!* (Schmid) — *Да, да, да, да, да! Огромное спасибо за то, что вы так говорите! You're absolutely right!* (Brazhnikova) — *Вы абсолютно правы!*

Эмфатические конструкции образуются, как правило, изменением порядка слов или наличием некоторых фраз, придающих речи эмоциональность и усиливающих значимость отдельных элементов фразы. Например, подобные конструкции используются для фокуса внимания аудитории на важной информации. В следующем примере Дерек усиливает свое мнение о том, что необходимо сделать, чтобы обучение было успешным, применяя эмфатическую

структуру: *What you really need to do is you have to play it through your strength* (Hurst) — *Что вам действительно нужно делать, так это опираться на ваши сильные стороны.* Употребление вспомогательного глагола в утвердительном предложении также передает эмоции говорящего, акцентирует внимание аудитории на значимой информации: *Our whole method is based on task, so I do think that this is important for the students to see why they are doing this* (Schmid) — *Весь наш метод основан на выполнении задания, поэтому я действительно думаю, что это важно, чтобы студенты понимали, почему они это делают.*

Олеся также обращается к эмфатическим конструкциям для выделения наиболее значимой, на ее взгляд, информации. Так, следующий пример иллюстрирует использование конструкции, начинающейся со слова *what*, для акцента внимания аудитории на разъяснении: *What I mean by other skills, there will be little emphasis on study skills or cognitive skills, because these skills you will need for academic purposes* (Brazhnikova) — *Что я подразумеваю под другими навыками, будет некоторый акцент на навыках обучения или когнитивных навыках, потому что они вам понадобятся для академических целей.* А конструкция *not only, but also* усиливает эффект от сопоставления информации: *So it's not only what you say, but also how you move around, how you keep the audience's attention* (Brazhnikova) — *Так, это не только то, что вы говорите, но и как вы двигаетесь, как вы удерживаете внимание своей аудитории.* Как отмечают ресурсы по академическому письму, данная конструкция акцентирует внимание на важной информации, ясности, помогая выразить идею более емко и впечатляюще (согласно English Study Online²).

Лексико-синтаксический повтор формируется повторением конструкции с лексемой в структуре высказывания, т. е. образуется параллельная конструкция с ключевой лексемой. Синтаксис представляет собой значимый коммуникативный ресурс, способный структурно организовывать языковые средства, передающие эмоции говорящего. Прием повтора, создающего эмоциональный фокус, «традиционно относится к средствам художественной выразительности» (Воробьева, 2022, с. 2170). Так, с помощью повторяющейся конструкции *it was* Дерек передает, какие сложные чувства он испытывал на уроках математики в школе, усиливая эмоции превосходной степенью сравнения имени прилагательного (*the most disempowering*): *For me it was always maths, and it was the most disempowering feeling in the entire world* (Hurst) — *В моем случае это всегда была математика, у меня было самое сильное во всем мире чувство беспомощности.* Беата использует повторяющуюся конструкцию *it could be* для того, чтобы подчеркнуть многообразие возможностей в применении описываемой ею методики коммуникативных заданий (технология task-based): *This could be in writing or it could be a presentation or it could be a video or it could be a poster* (Schmid) — *Это могло быть в письменной форме, могло быть в форме презентации, могло*

² Not only but also: adding emphasis and clarity to your writing. *English Study Online*. <https://english-studyonline.org/not-only-but-also/>

быть в форме видео или постера. Олеся также активно использует лексико-синтаксический повтор: *And, of course, as you guys were right, a wide range of communicative situations: a lot of role plays, a lot of communication, a lot of speaking, a lot of listening* (Brazhnikova) — *И, конечно, ребята, вы, как всегда правы, широкий охват коммуникативных ситуаций: много различных ролевых игр, много коммуникации, много говорения, много аудирования*. Повторяя конструкцию *a lot of*, спикер подчеркивает охват обучающихся активностей, которые предполагает курс General English.

Лекторы, используя степени сравнения имени прилагательного, а также конструкции со значением сравнения, усиливают речетворческий характер дискурса (Чепурина, 2019), акцентируя внимание аудитории на своем отношении, мнении. Как отмечают лингвисты, исследующие специфику сравнения, данный процесс лежит в основе «многих мыслительных действий» (Алексеева, 2023, с. 60), позволяя выполнить целый ряд коммуникативных задач, например «уподобление, установление тождества, сопоставление сходных или различных качественных или количественных признаков либо действий» (Алексеева, 2023, с. 51).

Так, у Д. Херста 26 случаев употребления сравнительной и превосходной степеней. Например: *For me it can't be the most important thing. I think that it's much more important that when you're building to the end during the day, it almost doesn't matter what the end result is* (Hurst) — *Для меня это не может быть самой важной вещью. Я думаю, что гораздо важнее, когда вы нацеливаетесь и движетесь к какому-то конечному результату; какой результат в конечном счете почти не имеет значения*. Беата кажется менее эмоциональной, чем Дерек, так как она не прибегает к такому разнообразию оценочных прилагательных, как он. Однако в ее выступлении был обнаружен 31 случай включения сравнительной степени имени прилагательного. В следующем примере она использует степень сравнения несколько раз как для фокуса внимания аудитории на некоторых аспектах информации (*most effective; a little bit more task-based*), так и для того, чтобы выразить благодарность участникам вебинара за их активную работу (*more communicative*): *And in this case may be two ads that we can compare and say which one is most effective. That kind of thing. But the ideas that are in the chat are excellent actually! Thank you for that and thank you for playing along with me here making your textbook activities a little bit more communicative and a little bit more task-based* (Schmid) — *И в этом случае, может быть, две рекламы, которые можно сравнить и сказать, какая из них самая эффективная. Что-то подобное. Но те идеи, которые вы пишете в чате, просто замечательные! Спасибо за это и спасибо за то, что вы мне подыгрываете, делая задания из учебника немного более коммуникативными и немного более основанными на выполнении задачи*.

Олеся производит впечатление спокойного и нейтрального лектора, но это не мешает ей применять степени сравнения имени прилагательного для выделения обсуждаемых характеристик, а также для выражения положительной

оценки действий аудитории. В ее выступлении было обнаружено 55 случаев употребления сравнительной степени, выраженной преимущественно лексемами *more* и *most*: *Moving on to the third term. In my opinion, it's the most interesting one, to be honest* (Brazhnikova) — *Движемся к третьему модулю. По моему мнению, это самый интересный, честно говоря.*

Еще одно средство, способствующее передаче категории эмотивности, — вопросы. Причем функционально они не всегда требуют ответов. Да и ответы, которые участники вебинара пишут в чате, используются как средство эмоционального единения, усиления контакта. Например, в начале вебинара лекторы могут спросить о качестве изображения, звука. Тем самым они демонстрируют заботу об аудитории, помогают настроиться на совместную работу, наладить контакт. Подобные вопросы есть в одном из трех рассмотренных вебинаров: *I'm going to share my screen. And when I do that, let me just type in a chat «Teacher development certificate». Can anybody see it?* (Hurst) — *Сейчас я поделюсь экраном. И, когда я это буду делать, позвольте мне впечатать в наш чат «Сертификат повышения квалификации учителей». Кто-то может это видеть?* Двое других спикеров в начале вебинара задают вопросы не о качестве трансляции, а о теме вебинара. Так, Б. Шмид спрашивает у участников, какие виды деятельности мотивируют студентов: *And we're going to get straight into the warm up. I want to make sure that you're all engaged. Of these two activities what do you think is more motivating for students?* (Schmid) — *Мы сейчас сразу перейдем к разминке. Я хочу убедиться в том, что вы все вовлечены. Из этих двух видов деятельности какая, как вы думаете, сильнее мотивирует студентов?*

О. Бражникова задает вопросы о языковых требованиях высшего образования: *So, guys, please go ahead. Starting the chat — what do you think are the linguistic demands of higher education?* (Brazhnikova) — *Так, ребята, пожалуйста, начинайте. Я открою чат — как вы думаете, какие есть языковые запросы у высшего образования?*

Помимо стимулирующих реакцию аудитории в чате, в вебинарах представлены вопросы, обозначающие переход от одного аспекта темы к другому. В таком случае они становятся риторическими, представляя собой эмфатические утверждения (Воробьева, 2022), которые помогают транслировать оценочные оттенки значений, а иногда и эмоциональное состояние говорящего (Черникова, Копылова, 2022).

На лексическом уровне основными трансляторами категории эмотивности выступают слова-усилители и эмоционально окрашенная лексика. Слова-усилители — это лексемы, которые употребляются не для передачи своего значения, а для того чтобы создать эффект усиления. Как правило, такое слово часто употребляется и «приобретает функцию служебной части речи — частицы, от его смыслового наполнения остается лишь эффект усиления» (Новикова, 2019, с. 48). Преимущественно к подобным словам относят наречия, основная функция которых при таком употреблении — экспрессивная. В ходе

использования данные наречия могут лишаться своих экспрессивных качеств, и им на смену приходят другие слова. Более того, они утрачивают свое основное значение, как, например, *terribly* и *awfully*, приобретая грамматическое значение интенсификации (Zhiber, Korotina, 2019).

В нашем исследовательском корпусе к таким словам можно отнести:

в дискурсе вебинара 1: *absolute, absolutely, incredibly, really, just, very, so, actually, especially: It was a really wonderful time!* (Hurst) — *Это действительно было замечательное время!*;

в дискурсе вебинара 2: *very, really, a little bit, slightly, quite, sort of: We are going to narrow the definition of task a little bit just to make it easier for us to keep these definitions straight, otherwise we can get quite confused here* (Schmid) — *Мы сузим немного определение того, что такое задание, чтобы упростить понимание этих дефиниций, иначе мы можем очень здесь запутаться*;

в дискурсе вебинара 3: *very, super, absolutely, of course: They need to know how to write references, how to paraphrase, how not to plagiarize, how to write the bibliography, because all of this is super super important* (Brazhnikova) — *Им нужно знать, как оформлять ссылки, как перефразировать, как не заниматься плагиатом, как составлять библиографический список, потому что все это супер супер важно*.

Также лекторы включают в свою речь такие фразы, как *I think; you know; for me; my favorite*, с тем чтобы обратить внимание на собственное мнение / отношение к информации, а также усилить ощущения диалога с адресатом. Например, Беата Шмид часто использует выражение *a little bit*, смягчая тон дискурса для того, чтобы придать коммуникации доброжелательный характер: *Now task-based learning is a little bit different in that we have what some people call a flower pot* (Schmid) — *Обучение на основе задач немного отличается от того, что некоторые люди называют цветочный горшок*. А в следующем примере, благодаря словам *I do think*, с помощью которых спикер выражает свое отношение и усиливает его вспомогательным глаголом *do*, фраза становится эмоциональной: *Our whole method is based on task, so I do think that this is important for the students to see why they are doing this* (Schmid) — *Весь наш метод основан на выполнении задачи, поэтому я действительно думаю, что для студентов важно понимать, что они делают*. Если мы представим фразу без *I do think*, очевидно, что она становится нейтральной (Ср.: *Our whole method is based on task, so this is important for the students to see why they are doing this*). Олеся Бражникова подчеркивает свое мнение в использовании многообразия обучающих средств: *But my personal favorite is Ted Talks* (Brazhnikova) — *Но мой личный фаворит — Ted Talks*. Подобные слова-усилители более характерны для устной речи, чем для письменной, что и объясняет их активное присутствие в дискурсе изученных вебинаров.

Наибольшее разнообразие эмоционально окрашенной лексики наблюдается в вебинаре 1, где Дерек активно использует эту лексику для описания положительных и отрицательных эмоций. Так, вспоминая один из лучших

своих уроков, он приводит целый набор средств: прилагательное *amazing*, его значение усиливается фразой *out of the world*, а также два восклицательных предложения: *And I went in and the first 15 minutes were out of this world amazing! It was so good!* (Hurst) — *И я зашел в класс, и первые 15 минут были просто потрясающие! Это было так хорошо!* Кроме того, он описывает свой худший урок, для чего применяет слово-усилитель *absolute*, а также эмоционально заряженное существительное *disaster*, прилагательное *terrible*, восклицательную фразу, усиливающую воздействие: *And it was, in my opinion, absolute disaster. I went home and actually cried. ... I thought it was such a terrible lesson. Oh my God!* (Hurst) — *Это был, как мне кажется, полный провал. Я пошел домой и даже расплакался. ... Я думал, это был такой ужасный урок. О боже!*

У Беаты эмоционально окрашенная лексика менее разнообразна, что, вероятно, обусловлено ее индивидуальным коммуникативным стилем: она фокусируется на положительных характеристиках описываемого подхода к обучению. Соответственно, в вебинаре встречаются слова *interesting, amazing, inspiring, motivating, nice, very good, nicely: Is that a task? I'm getting all kinds of interesting answers. Yeses and noes* (Schmid) — *Это задача? Я вижу самые разные интересные ответы. Много «да» и «нет».*

Олеся, как и другие лекторы, обращается к эмоционально окрашенной лексике, например к оценочным прилагательным: *dynamic, interesting, happy, wonderful, smart, great, tough, amazing*. Интересна сочетаемость этих прилагательных с определяемыми ими существительными. Так, у Олеси есть *amazing questions, wonderful quote, tough crime* (последнее словосочетание используется для описания плагиата): *We talk about plagiarism, which is a very, very tough crime. In the United States you can get suspended, you can get expelled from the university if you get caught for plagiarism* (Brazhnikova) — *Мы говорим о плагиате, что является очень, очень большим преступлением. В Соединенных Штатах вас могут отстранить от занятий, вас могут отчислить из университета, если вы попадетесь на плагиате.* Также значение прилагательного усиливается повтором наречия *very very*.

Обратим внимание, что эмоционально окрашенная лексика типична для профессиональных институциональных видов дискурса, в которых сочетаются специализированные терминологические системы с подобными лексемами. Было установлено, что в дискурсе англоязычной деловой переписки эмоционально окрашенная лексика представлена многообразием средств — оценочными прилагательными, интенсифицирующими наречиями, причастиями, транслирующими эмоциональное состояние говорящего, прилагательными в превосходной степени. Наличие подобных лексических единиц в текстах англоязычной деловой корреспонденции так же типично, как и применение полных грамматических форм, страдательного залога и т. д. (Соловьева, 2023). Интересно, что разработчики контента для профессиональных веб-сайтов отмечают, что эмоционально заряженный тон делает информацию более запоминающейся. Когда реципиенту смешно или грустно, ему начинает казаться,

что он на одной волне с адресантом, который понимает свою аудиторию, говорит с ней напрямую. Информация, содержащая эмоции адресанта, выделяется на фоне безликой формальной информации и запоминается получателем (Arrow, Arrow, 2024).

Выводы

Исследование дискурса трех обучающих англоязычных вебинаров показало, что трансляция эмоций лектора является неотъемлемой характеристикой данного дискурса. Эмоции, передаваемые посредством категории эмотивности, позволяют спикеру выразить свое отношение и оценку обсуждаемых событий и явлений. Это, в свою очередь, усиливает чувство контакта лектора с аудиторией, выделяет важные аспекты информации для аудитории.

На грамматическом уровне рассмотренного дискурса средствами конструирования категории эмотивности выступают восклицательные и иные эмфатические конструкции, лексико-синтаксический повтор, степени сравнения имен прилагательных, вопросительные конструкции. На лексическом уровне эмфатические средства представлены словами-усилителями, преимущественно наречиями, и эмоционально окрашенной лексикой, для которой характерны существительные и прилагательные как с положительной, так и с негативной коннотацией. Грамматические и лексические средства часто взаимодействуют, обогащая дискурс вебинара эмоциональной составляющей. Благодаря категории эмотивности в дискурсе вебинара формируется эффект смыслового усиления, акцентирующего внимание аудитории и вызывающего у нее чувство эмпатии, демонстрирует заботу спикера об аудитории, выражает положительную оценку работе участников вебинара.

Можно предположить, что трансляция эмоций способствует формированию положительного социально-эмоционального климата, который становится основой интересного и плодотворного диалога между лектором и участниками вебинара.

Список источников

1. Abdulsada, M. N. (2021). Translanguaging knowledge remotely: the analysis of an academic webinar. *Professional Discourse & Communication*, 3(4), 33–50. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-4-33-50>
2. Chetan Kumar, G. K., Rangappa, K. B., & Suchitra, S. (2021). Effectiveness of seminar and webinar in learning experience: an empirical analysis. *Education India Journal: A Quarterly Refereed Journal of Dialogues on Education*, 10(2), 247–257.
3. Манаенко, Г. Н. (2018). Дискурс и лингвистические параметры его описания. В *Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия* (с. 17–30). Ленанд.
4. Танчук, С. А. (2017). Webinar в контексте англоязычного образовательного пространства. *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*, 23(4), 82–87. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2017-23-4-82-87>

5. Танчук, А. С. (2021). *Дискурсивные характеристики англоязычных вебинаров по обучению английскому языку* [Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Самара].
6. Крылова, М. Н. (2022). Базовая модель и вариативность речевого жанра вебинара образовательной направленности. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 3, 196–207.
7. Zappettini, F., Ponton, D. M., & Larina, T. V. (2021). Emotionalisation of contemporary media discourse: A research agenda. *Russian Journal of Linguistics*, 25(3), 586–610. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610>
8. Хорохордина, О. В. (2021). Эмотивность в новостном дискурсе с компонентом нативной рекламы. *Мир русского слова*, 3, 14–21. <https://doi.org/10.24412/1811-1629-2021-3-14-21>
9. Hurst, D. (2023). Teaching younger learners. *EF teacher-training webinar*. (26.10.2023).
10. Schmid, B. (2023). Task-based teaching and learning. *EF teacher-training webinar*. (02.11.2023).
11. Brazhnikova, O. (2023). Teaching English for academic purposes. *EF teacher-training webinar*. (30.11.2023).
12. Кутковая, Е. С. (2014). Дискурс-анализ эмоций и теория позиционирования в исследовании социального события. *Психологические исследования*, 7(34). (2024, 14 июля). <http://psystudy.ru>.
13. Вежибцкая, А. (1996). *Язык. Культура. Познание*. Пер. с англ. Русские словари.
14. Шаховский, В. И. (2008). *Лингвистическая теория эмоций*. Гнозис.
15. Ларина, Т. В. (2015). Прагматика эмоций в межкультурном контексте. *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*, 1, 144–163.
16. Weigand, E. (2010). *Dialogue: The Mixed Game*. John Benjamins.
17. Misserli, T. C., & Locher, M. A. (2021). Humour support and emotive stance in comments on Korean TV drama. *Journal of Pragmatics*, 178, 408–425. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.03.001>
18. Евтушенко, О. А. (2015). Административный восторг: эмоциональный аспект административного дискурса. *Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика*, 12(3), 5–9.
19. Савчук, Т. Н. (2022). Тактика эмоционального усиления аргументации в письменном научно-гуманитарном дискурсе. *Вестник Томского государственного университета*, 478, 30–43. <https://doi.org/0.17223/15617793/478/4>
20. Jacobs, D. (2001–2002). Being there: Revising the discourse of emotion and teaching. *Journal of the Assembly for Expanded Perspective on Learning*, 7, 42–52.
21. Рафикова, А. С. (2021). Роль социо-эмоционального дискурса в коллаборативном онлайн-обучении. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*, 10(5A), 136–141. <https://doi.org/10.34670/AR.2021.50.99.017>
22. Гаджиева, А. Д. (2019). Механизмы создания экспрессивности (на примере текстов выступлений англоязычных политических лидеров). *Политическая лингвистика*, 4(76), 66–72. <https://doi.org/10.26170/pl19-04-08>
23. Галиуллина, О. Р. (2023). Прагмалингвистические аспекты негативной оценочности в англоязычной сетевой кинорецензии. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*, 45(6), 51–57. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2023.940>

24. Воробьева, Е. Н. (2022). Экспрессивный синтаксис английского языка: систематический обзор. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 15(7), 2167–2173.
25. Чепурина, И. В. (2019). Креативный потенциал грамматической категории степеней сравнения (на материале устной спонтанной речи жителей Крыма). *Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки*, 5(71), 161–177.
26. Алексеева, Т. Е. (2023). Сравнение в английских пословицах как грамматическая категория и стилистический прием: структурно-семантический анализ. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(51), 50–64. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.05>
27. Черникова, Н. В., & Копылова, Е. С. (2022). Приемы экспрессивного синтаксиса. *Наука и образование*, 2(5). <http://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/4799>
28. Новикова, М. Р. (2019). Использование слов – «усилителей» в газетных публикациях (на примере статей в жанре отзыва о культуре). *Глобус: гуманитарные науки*, 1(27), 48–50.
29. Zhiber, E. V., & Korotina, L. V. (2019). Intensifying adverbs in the English language. *Training, Language and Culture*, 3(3), 70–88. <https://doi.org/10.29366/2019tlc.3.3.5>
30. Соловьева, Ю. А. (2023). Эмоционально окрашенная лексика в деловой корреспонденции. *Столыпинский вестник*, 7, 3927–3938.
31. Arrow, K., & Arrow, S. (2024). Creating emotionally-charged content for more shares, links & sales. *Online Visibility Academy*. (2024, 14 июля). <https://www.onlinevisibilityacademy.com/emotionally-charged-content/>

References

1. Abdulsada, M. N. (2021). Translanguaging knowledge remotely: the analysis of an academic webinar. *Professional Discourse & Communication*, 3(4), 33–50. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-4-33-50>
2. Chetan Kumar, G. K., Rangappa, K. B., & Suchitra, S. (2021). Effectiveness of seminar and webinar in learning experience: an empirical analysis. *Education India Journal: A Quarterly Refereed Journal of Dialogues on Education*, 10(2), 247–257.
3. Manaenko, G. N. (2018). Discourse and linguistic parameters of its description. In *Discourse as a universal matrix of verbal interaction* (p. 17–30). Lenand. (In Russ.).
4. Tanchuk, A. S. (2017). Webinar in the context of English-speaking educational area. *Vestnik of Samara university. History, pedagogics, philology*, 23(4), 82–87. (In Russ.).
5. Tanchuk, A. S. (2021). *Discursive features of English-language webinars devoted to the study of English* [Dissertation for the PhD (Philology): 10.02.04. Samara]. (In Russ.).
6. Krilova, M. N. (2022). The basic model and variability in of educational webinar as a speech genre. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 3, 196–207. (In Russ.).
7. Zappettini, F., Ponton, D. M., & Larina, T. V. (2021). Emotionalisation of contemporary media discourse: A research agenda. *Russian Journal of Linguistics*, 25(3), 586–610. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610>
8. Khorokhordina, O. V. (2021). Emotivity in news discourse with a component of native advertising. *World of the Russian Word*, 3, 14–21. (In Russ.).

9. Hurst, D. (2023). Teaching younger learners. *EF teacher-training webinar*. (26.10.2023).
10. Schmid, B. (2023). Task-based teaching and learning. *EF teacher-training webinar*. (02.11.2023).
11. Brazhnikova, O. (2023). Teaching English for academic purposes. *EF teacher-training webinar*. (30.11.2023).
12. Kutkovaya, E. S. (2014). Discourse analysis of emotions and positioning theory in studying social events. *Psychological Studies*, 7(34). (2024, July 14). <http://psystudy.ru> (In Russ.).
13. Vierzbicka, A. (1996). *Language. Culture. Communication*. Russkie slovari. (In Russ.).
14. Shakhovskiy, V. I. (2008). *Linguistic theory of emotions*. Gnozis. (In Russ.).
15. Larina, T. V. (2015). Pragmatics of emotion in intercultural context. *Vestnik RUDN. Series: Linguistics*, 1, 144–163. (In Russ.).
16. Weigand, E. (2010). *Dialogue: The Mixed Game*. John Benjamins.
17. Misserli, T. C., & Locher, M. A. (2021). Humour support and emotive stance in comments on Korean TV drama. *Journal of Pragmatics*, 178, 408–425. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.03.001>
18. Evtushenko, O. A. (2015). Administrative delight: emotional aspect of administrative discourse. *Vestnik JurGU. Series: Linguistics*, 12(3), 5–9. (In Russ.).
19. Savtchouk, T. N. (2022). The tactic of emotional amplification in the written discourse of the humanities. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 478, 30–43. (In Russ.).
20. Jacobs, D. (2001–2002). Being there: Revising the discourse of emotion and teaching. *Journal of the Assembly for Expanded Perspective on Learning*, 7, 42–52.
21. Rafikova, A. S. (2021). The role of socio-emotional discourse in collaborative online learning. *Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*, 10(5A), 136–141. (In Russ.).
22. Gadzhieva, A. D. (2019). Mechanisms of text expressivity creation (a case study of texts of speeches made by English-speaking political leaders). *Political Linguistics*, 4(76), 66–72. (In Russ.).
23. Galiullina, O. R. (2023). Pragmalinguistic aspects of negative evaluation in English-language online movie reviews. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 45(6), 51–57. (In Russ.).
24. Vorobyova, Y. N. (2022). Expressive syntax of the English language: a systematic review. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 15(7), 2167–2173. (In Russ.).
25. Chepurina, I. V. (2019). Creative potential of the grammar category of the degree of comparison (based on the spontaneous speech of the Crimea residents). *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*, 2, 5(71), 161–177. (In Russ.).
26. Alexeeva, T. E. (2023). Comparison in English proverbs as a grammatical category and a stylistic device: structural-semantic analysis. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(51), 50–64. (In Russ.).
27. Chernikova, N. V., & Kopylova, E. S. (2022). Expressive syntax techniques. *Nauka i obrzovanie*, 2(5). <http://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/4799> (In Russ.).

28. Novikova, M. P. (2019). The use of intensifying words in newspaper publications (based on the example of the renew articles about culture). *Globus: social sciences*, 1(27), 48–50. (In Russ.).
29. Zhiber, E. V., & Korotina, L. V. (2019). Intensifying adverbs in the English language. *Training, Language and Culture*, 3(3), 70–88. <https://doi.org/10.29366/2019tlc.3.3.5>
30. Solovyeva, Y. A. (2023). Emotional vocabulary in the English business correspondence. *Stolypinsky Bulletin*, 7, 3927–3938. (In Russ.).
31. Arrow, K., & Arrow, S. (2024). Creating emotionally-charged content for more shares, links & sales. *Online Visibility Academy*. (2024, 14 июля). <https://www.onlinevisibilityacademy.com/emotionally-charged-content/>

Информация об авторе / Information about the author

Ирина Павловна Хутыз — доктор филологических наук, профессор кафедры прикладной лингвистики и новых информационных технологий Кубанского государственного университета.

Irina P. Khoutyz — D. Sc. (Philology), Professor at the Department of Applied Linguistics and New Information Technology, Kuban State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 81'23

РЕЧЕВАЯ АУТОАГРЕССИЯ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ И ЕЕ ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Маркина Людмила Витальевна¹,

Буданова Мария Андреевна²

^{1,2} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

¹ markina.lv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0391-002>

² maria.budanova140499@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется распространенный в виртуальном пространстве феномен речевой аутоагрессии (самоагрессии). Актуальность исследования вызвана необходимостью изучения этого крайне злободневного для современной действительности явления, установления факторов, способствующих развитию аутоагрессии и аутоагрессивному речевому поведению личности, приводящим к проблемам в психическом здоровье человека, часто детерминирующим такие негативные последствия, как психологическая напряженность, дискомфорт, различного рода конфликты, что отражается на стабильности общества. Такая необходимость диктуется большой воздействующей силой виртуальной коммуникационной среды на ее пользователей.

Цели работы: рассмотреть примеры аутоагрессии в виртуальном пространстве с точки зрения ее гендерных особенностей; изучить содержание, описывающие факторы возникновения и языковые особенности текстов с аутоагрессией в аспекте гендерной специфики их реализации в интернет-коммуникации; определить характерные черты аксиосферы интернет-пользователя. В качестве источников эмпирического материала были выбраны сайты Women.ru, JUST LADY, а также интернет-платформы «Антибабский форум» и «Маскулист». Материалом для анализа послужили 366 высказываний с выявленной семантикой аутоагрессии. В работе использовались общенаучные методы анализа и синтеза материала, дискурсивный анализ, метод лингвистического комментирования языковых фактов.

Подтверждена большая, по сравнению с мужчинами, склонность женщин к речевой аутоагрессии в интернет-среде. Установлены и описаны в сопоставительном плане поводы, являющиеся триггерами для аутоагрессии у мужчин и женщин. Конкретизированы гендерные языковые особенности текстов с аутоагрессивной семантикой. Отмечена большая экспрессивность мужской аутоагрессии, по сравнению с женской.

Отмечаемое масштабное проявление речевой аутоагрессии в Интернете представляет опасность как свидетельство психологического дискомфорта, эмоциональной напряженности, тревожности больших групп населения, не способствует психологическому здоровью общества и чревато негативными последствиями. Обнаруженные гендерные особенности речевой аутоагрессии в интернет-коммуникации в большой степени обусловлены фактором влияния социума, аксиосферой современной отечественной реальности.

Ключевые слова: аутоагрессия, речевая агрессия, гендерные особенности, интернет-коммуникация, аутодеструктивное речевое поведение.

Для цитирования: Маркина, Л. В., Буданова, М. А. (2024). Речевая аутоагрессия в интернет-коммуникации и ее гендерные особенности. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(55), 95–109.

Original article

УДК 81'23

SPEECH AUTOAGGRESSION IN INTERNET COMMUNICATIONS AND ITS GENDER FEATURES

Lyudmila V. Markina¹,

Maria A. Budanova²

^{1,2} Moscow City University,
Moscow, Russia,

¹ markina.lv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0391-002>

² maria.budanova140499@yandex.ru

Abstract. The article examines the phenomenon of speech auto-aggression (self-aggression), which is very common in the virtual space. The relevance of the study is due to the need to study this extremely topical and relevant modern phenomenon, to identify factors contributing to the developing auto-aggression and individual's auto-aggressive speech behavior, leading to problems concerning person's mental health, often determining such negative consequences as psychological tension, discomfort, various kinds of conflicts. The outcome effects societal stability. This need is also due to the enormous impact of the virtual communication environment on its users. The purpose of the study is to consider the phenomenon of auto-aggression in virtual space from the point of view of its gender properties. The article aims at considering the content, describing the conditioning factors as well as linguistic features of texts with auto-aggression in terms of gender specificity of their implementation in the Internet, identifying the typical features of an Internet user's axiosphere. The Sources of empirical material are the sites Women.ru, Just lady, as well as the platforms: Anti-women forum «Antiwomen» and Forum of the Maskulist project. The material for analysis included 366 statements with the identified semantics of auto-aggression. The research methods are the following: general scientific methods of material analysis and synthesis, discourse analysis, method of linguistic commentary on linguistic facts. Results. The greater tendency of women to verbal self-aggression in the Internet environment in comparison to men was confirmed. The authors identified the reasons that were triggers for auto-aggression in men and women to be later described in a comparative manner. Gender linguistic features of texts with auto-aggressive semantics are specified. There was greater expressiveness of male auto-aggression compared to females.

The analysis of empirical material leads to the conclusion that verbal auto-aggression in its large-scale manifestation on the Internet, which is currently already a form of social reality, is dangerous being the evidence of psychological discomfort, emotional tension, anxiety in the large groups of the population, which does not contribute to the psychological health of the society and is fraught with negative consequences. The results obtained also lead to believe that the identified gender features of verbal auto-aggression in Internet communication are largely determined by the influence of society, the axiosphere of modern domestic reality.

Keywords: self-aggression, speech aggression, gender characteristics, Internet communication, self-destructive speech behavior.

For citation: Markina, L. V., Budanova, M. A. (2024). Speech autoaggression in Internet communications and its gender features. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(55), 95–109.

Введение

По наблюдениям исследователей, речевая агрессия — распространенное во всех областях общественной жизни явление. Она существует в различных формах и выражается языковыми средствами всех уровней языка, обусловлена различными причинами, вследствие чего представляет предмет устойчивого интереса лингвистов (Е. В. Кокорина, Т. И. Стексова, Е. Н. Басовская и др.). С появлением Интернета у речевой агрессии возникли новые формы, возможности и пути развития, поскольку онлайн-пространство предоставляет пользователям широкий набор инструментов и способов ведения коммуникации, новые интернет-жанры не только для работы, учебы и т. д., но и для личного общения (Стексова, 2013, с. 77). Высокий уровень агрессивности в цифровой среде требует особого внимания и разработки мер по ее снижению.

Широкое распространение речевой агрессии в онлайн-пространстве связывают с такой характеристикой интернет-коммуникации, как анонимность: вся информация о пользователе, представленная в онлайн-среде, никак не может быть подтверждена, поскольку личный контакт при интернет-коммуникации не обязателен. Это обстоятельство делает общение менее формальным, отсюда поведение коммуникантов часто бывает более агрессивным, а в некоторых случаях может быть даже неадекватным коммуникативной ситуации. В реальном общении такое происходит значительно реже (Кошель, 2015, с. 187). При интернет-общении индивид надевает маску, которая снимает психологические барьеры, и уровень агрессии повышается (Трофимова, 2013, с. 175). Благодаря анонимности в Интернете может быть высказано то, что при естественном общении было бы скрыто или сглажено (Стексова, 2013, с. 78).

Среди множества выделяемых форм, типов и видов речевой агрессии обращает на себя внимание весьма распространенная в виртуальном пространстве речевая аутоагрессия (самоагрессия).

Деструктивное речевое поведение как одно из проявлений личностной аутоагрессии порождает внутриличностные и межличностные конфликты, способствует разрушению личности, наносит вред его психическому здоровью. Стрессогенные факторы, большие психологические нагрузки, в частности у подрастающего поколения, способствуют усилению аутоагрессивных тенденций и тем самым влияют на стабильность общества. Существует настоятельная потребность в осмыслении этого феномена в условиях интернет-коммуникации. Все сказанное обуславливает актуальность проблемы речевой агрессии в интернет-среде. Поэтому целью исследования стало рассмотрение явления аутоагрессии в виртуальном пространстве с точки зрения его гендерных особенностей. На эмпирическом материале изучается феномен речевой аутоагрессии, факторы, способствующие ее возникновению, гендерные особенности ее реализации.

Источниками эмпирического материала послужили сайты Women.ru, JUST LADY, а также интернет-платформы «Антибабский форум» и «Маскулист». Материал для анализа составили 366 высказываний с обнаруженной семантикой аутоагрессии посещавших эти сайты и платформы пользователей в целях получения информации или обсуждения разного рода проблем.

В исследовании применялись общенаучные методы анализа и синтеза материала, дискурсивный анализ, метод лингвистического комментирования языковых фактов. Анализ материала носит междисциплинарный характер.

Основная часть

Феномен речевой агрессии чаще всего анализируют с лингвопсихологических позиций, как «целенаправленное коммуникативное действие, ориентированное на то, чтобы вызывать негативное эмоционально-психологическое состояние у объекта речевого воздействия» (Седов, 2005, с. 84).

Аутоагрессия — это один из видов речевой агрессии, среди которых выделяются такие ее формы, как оскорбление, угроза, грубое требование, грубый отказ, враждебное замечание, порицание, насмешка, жалоба, донос и клевета, сплетня и ссора с дифференциацией агрессии по степени интенсивности, осознанности, характеру и способу выраженности, отношению к субъекту и числу участников (Щербинина, 2008, с. 155). Акцентируется внимание на мотивационной агрессии и инструментальной агрессии как на двух основных типах агрессии в письменном тексте (Аносова, 2008, с. 10). Выявляется открытая вербальная, скрытая вербальная, пресуппозитивная (затекстовая), подтекстовая агрессия (Черкасова, 2011, с. 34). Исследователи говорят также об аутоагрессии, когда объектом агрессии выступает сам говорящий (Минигулова, 2010, с. 3). В целом вопрос о типах вербальной (речевой) агрессии относится к дискуссионным.

Аутоагрессия — вид деструктивного поведения, при котором агрессия по каким-либо причинам (преимущественно социальным, когда вызвавший агрессию объект значим) не может быть обращена на раздражающий объект и направляется человеком на самого себя. Аутоагрессия выражается в самоунижении, самообвинении, нанесении собственному телу телесных повреждений, саморазрушительном поведении (алкоголизм, наркомания, выбор опасных профессий, экстремальных видов спорта). Самым тяжелым ее проявлением выступает суицид (Долгополова, 2016, с. 665–667). Аутоагрессия может быть выражена в виде самобичевания, приращения своих собственных заслуг, повреждения собственного тела, алкоголизма, наркомании, поведения, провоцирующего социум и др. (Чернова, Ким, 2022).

Речевая аутоагрессия прежде всего выражается в самоунижении, самообвинении, неприятии себя и возбуждении по отношению к себе негативных эмоций, транслируемых в высказываниях (текстах), причинении в итоге вреда своему психологическому здоровью.

Изученность проблемы

Изначально аутоагрессия как объект исследования была затронута в работах по медицинской психологии (труды В. И. Полтавцева, Г. Селье, З. Фрейда), где представлены разные подходы к ее пониманию, а также разнообразие терминов для обозначения этого феномена. В работах отечественных исследователей можно встретить такие термины, как: аутоагрессия, самоповреждающее поведение (СПП), самоповреждение, селфхарм, аутоагрессивное поведение, членовредительство и др.

Существуют изыскания о предрасположенности индивидов к аутоагрессии. Так, в своей работе по психологии П. Е. Григорьев в результате проведенных им опросов пришел к заключению, что 62,5 % респондентов склонны к аутоагрессии, причем женщины в гораздо большей степени (73 %), чем мужчины (27 %) (Григорьев, 2020, с. 15–24). Специалистами по психологии и психолингвистике принято считать аутоагрессию маркером двух различающихся типов поведения: суицидального и аутодеструктивного (Руженков, 2008, с. 2). Предметом нашего изучения является речевая аутоагрессия, относящаяся к сфере аутодеструктивного поведения, т. е. не преследующая цели лишения себя жизни, но связанная с деструкцией личности.

В область научных интересов лингвистов проблема аутоагрессии вошла сравнительно недавно — с начала 2010-х гг. (Т. А. Литвинова, А. Н. Величко и др.), и, так как в данной теме остается немало белых пятен, она по-прежнему интересует многих исследователей (Т. А. Литвинова, О. А. Литвинова, Л. Р. Комалова, Е. С. Рыжкова, Е. Д. Бирюкова и др.).

Аутоагрессия может представлять в разных проявлениях: начиная от виктимного поведения и разного рода зависимостей и заканчивая крайней формой —

суицидом. Речевая аутоагрессия не всегда связана с проявлением таких крайних форм, хотя ряд исследователей среди авторов текстов с аутоагрессивным содержанием выделяет тех, кто в той или иной мере склонен к суициду (О. В. Загоровская, Т. А. Литвинова, О. А. Литвинова, П. В. Середин, М. Е. Сердюк).

Речевая аутоагрессия нередко связана с социальными нормами, общественными стереотипами, психологическими аспектами. Если индивид использует такую практику в постоянном режиме, она оказывает отрицательное влияние на его самооценку, настроение и психическое состояние, что позволяет говорить о деструктивном характере речевой аутоагрессии.

Результаты

Специалисты, исследующие проблему личностной аутоагрессии, отмечают большую склонность к ней женщин, по сравнению с мужчинами. Этот вывод справедлив и для речевой аутоагрессии, что подтверждает проанализированный нами эмпирический материал.

В текстах с аутоагрессивной семантикой женщины манифестируют самые разные негативные эмоции и оценки: злость на себя за какой-то поступок, досаду из-за ошибки и неправильного выбора, ощущение вины, стыд и др. Анализ материала показывает, что аутоагрессия у женщин может быть направлена на следующие объекты и качества (рис. 1):

- Особенности характера и личностные качества (*бесхребетная, деревянная, маньячка, истеричка, ревнивая, ведущая себя как ребенок, лентяйка, свинота*).
- Внешний вид (*жирная, толстая, слон, корова, свинья, разжирела, раскабанела, серая мышь, дворняга, грубо обтесанное полено, лохудра, кикимора, чушка, уродина, страшилище, клуша* и т. д.).
- Взаимоотношения с партнером, семьей, друзьями и коллегами (*мясо, третья лишняя, неправильная, никто, стерва, скотина неблагодарная* и т. д.).
- Сексуальные отношения (*бревно, полено, дерево, фригидная, синий чулок* и т. д.).

Рис. 1. Объекты, на которые направлена женская аутоагрессия

Fig. 1. Objects targeted by female autoaggression

Аутоагрессия у женщин часто связана со сферой взаимоотношений. Объектами, вызывающими негативные эмоции, являются личностные качества и свойства (лень, излишняя эмоциональность или скупость на проявление чувств):

«Честно — я вообще не понимаю, как можно искренне полюбить ребенка, который не свой. Я наверно деревянная, реально вообще бесчувственная, страдаю от этого» (<https://www.woman.ru/rerelations/family/thread/5650346>)¹.

«Ленивая, злопамятная, язвительная... Чего еще есть? Наглая могу быть. Это я сама о себе» (<http://forum.justlady.ru/index.php?showtopic=1391>).

«Ленивая — ужасно просто какая же я ленивая... аж бесит, но лень сильнее» (<http://forum.justlady.ru/index.php?showtopic=1391>).

«Я как будто из пластика сделана, ничего не чувствую...» (<http://forum.justlady.ru/index.php?showtopic=1391>).

При описании недостаточной эмоциональности в высказываниях с самоагрессией можно отметить номинации с семантикой обозначения природного материала, предмета. Женщины могут называть себя *деревянными*, иногда встречаются сравнения с пластиком. Номинации с семей *дерево* отмечены также и в другой группе (тема секса). Самоагрессия связана с общественными гендерными представлениями и стереотипами, какой должна быть женщина: хорошей хозяйкой (неленивой), чувственной (нескупой на эмоции), не слишком эмоциональной. Несоответствие таким стандартам вызывает негатив по отношению к себе.

Усвоенный социальный стереотип о нехарактерности умственных способностей и их второстепенности для женщин приводит представительниц прекрасного пола к сомнению относительно наличия этих качеств у себя, что и транслируется в высказываниях. Объектом самоуничижительных высказываний становится приписываемая себе глупость. Говоря о глупости, женщины используют номинации: *идиотка, тупая, глупая, лопух, дура*.

«А ведь могла бы чего-нибудь добиться. Просто я лопух...» (<https://www.woman.ru/psycho/medley6/thread/3885062>).

«Недавно пришло осознание, что я тупая. До этого я думала, что у меня средний интеллект, а оказалось, что нет» (<https://www.woman.ru/psycho/medley6/thread/5509431>).

«Я тупая!...» (<https://www.woman.ru/rerelations/medley4/thread/5378414>).

«Я такая глупая!!!...» (<http://forum.justlady.ru/index.php?showtopic=7798>).

Слово *дура* женщины часто используют как средство для самобичевания по поводу своего неразумного, деструктивного поведения в личных отношениях, а также каких-то поступков, которые привели к неудовлетворительному результату (чрезмерные эмоции, сиюминутные порывы).

¹ Здесь и далее в высказываниях посетителей интернет-платформ сохраняется авторская орфография, пунктуация и стиль.

«Я такая дураа!!! Ревную своего парня почти на ровном месте» (<http://forum.justlady.ru/index.php?showtopic=705>).

«Ааа, еще я полная дура если дело касается отношений. я ни фига не понимаю что и как» (<http://forum.justlady.ru/index.php?showtopic=1391>).

«Может я и бесхребетная, может я и дура, может я унижаюсь, я не отрицаю, но я просто не смогу без него» (<https://www.woman.ru/relations/medley4/thread/5223389>).

«Вроде не малолетка так страдать, но все равно боль жрет душу. Дура» (<https://www.woman.ru/relations/family/thread/5778064>).

«Знаю, что дура, понимаю, но сердце разрывается» (<https://www.woman.ru/relations/men/thread/5925413>).

Часто аутоагрессию у женщин вызывает их внешность. Для современного человека внешняя привлекательность имеет высокую значимость. «Критикуя себя, <...> говорящий тем самым обнаруживает свои ценностные ориентиры, их иерархию» (Маркина, Сипатова, 2015, с. 165). В консервативном обществе вершиной социального успеха женщины считается удачное замужество, отсюда стремление женщин быть привлекательными, так как, по их мнению, именно внешность должна помочь расположить к себе мужчин и добиться желанной цели. Отсюда же и неприятие своей телесности, чреватое психологическими травмами и выливающееся в аутоагрессию.

По данным нашего материала, чаще всего, говоря о себе, женщины отмечают свой непривлекательный внешний вид:

«...А с хвостом сразу и профиль несуразный, и нос выделяется, и со всех сторон некрасивая...» (<https://www.woman.ru/health/psychology/thread/5924620>).

«Я очень некрасивая женщина. Моя проблема в том, что я жутко некрасива на лицо ужасные черты лица. Сама я уже баба в годах и с ожирением» (<https://www.woman.ru/beauty/medley2/thread/5181981>).

«Я очень страшная... У меня ужасные комплексы из-за внешности. Лицо у меня маленькое, а нос просто огромный, да и еще с горбинкой и идет просто прямо. Губы вроде и не тонкие, но в профиле смотрятся очень некрасиво. При всем этом у меня растут усики и монобровь. Я стараюсь с этим бороться, но это очень сложно» (<https://www.woman.ru/beauty/medley2/thread/5098721>).

«Я очень страшная (((я очень толстая, кожа вся прыщавая, волосы уродливые (даже если помою все равно будто жирные). При том, что я толстая, у меня еще грудь 1 размера и попы вообще нет, плоская с животом. Короче кошмар. Кость очень широкая, бедер нет, ноги короткие толстые кривые. Нос горбатый, картошкой, глаза некрасивые, губы ниточкой. Вообще нет плюсов во внешности» (<https://www.woman.ru/beauty/medley2/thread/5304925>).

Женщины могут затрагивать разные особенности своего облика. Кого-то не устраивает излишняя яркость образа, других, наоборот, — неприметность, однако больше всего высказываний о невзрачности своей внешности:

«Я выгляжу неопрятно, растрепанно, некрасиво. Я ощущаю себя старой растрепанной вороной. А если я накрашусь, то я ощущаю себя как какое-то

грубо обтесанное полено, размалеванный клоун. А если не накрашусь, то выгляжу тоже, как мне кажется, отвратительно» (<https://www.woman.ru/beauty/medley2/thread/5179607>).

«Я серая мышь. Серее некуда» (<https://www.woman.ru/psycho/medley6/thread/4502634>).

«Внешность у меня ничем не примечательная, серая мышка, грубо говоря» (<https://www.woman.ru/psycho/personality/thread/3925200>).

Особенно сильно волнует женщин полнота. Они ругают либо свой лишний вес, либо себя за то, что допустили его:

«Я — жирная корова :(» (<https://www.woman.ru/health/diets/thread/5595189>).

«Я блин так раскабанела жуть» (<https://www.woman.ru/psycho/medley6/thread/4708436>).

«В итоге я влезла в это платье, но это ужас, как слон в нем выгляжу» (<https://www.woman.ru/health/diets/thread/5925170>).

«Сегодня как с цепи сорвалась, сначала две булки сожрала, кекс и целую шоколадку! Дура и корова» (<https://www.woman.ru/health/diets/thread/5410037>).

«Я постоянно наяривала что-нибудь жареное, вот и разжирила» (<https://www.woman.ru/health/diets/thread/4794455>).

Если говорить о наиболее частотных номинациях, которые используются при аутоагрессии, вызванной внешностью, то можно выделить тематическую группу зоолексем в функции метафорических номинаций женщин для характеристики степени привлекательности, обозначения особенностей телосложения, веса. Говоря о своей полноте, женщины часто употребляют слова *свинья, слон, кабан, корова* и их производные (*раскабанела, свинота, слоняра* и т. д.). При этом они чаще выбирают синоним с большей отрицательной оценочностью — *жирная*. При описании своего невзрачного внешнего вида чаще всего применяют номинацию *мышь*. Иногда встречаются названия птиц, например *ворона* для отображения неопрятного внешнего вида.

Такой акцент на внешности, ее приоритетности объясняется социальной обусловленностью женской неуверенности в себе. GfK (исследовательская компания, которая занимается опросами общественного мнения) выявила, что 60 % опрошенных женщин считают, что красивый внешний вид помогает им чувствовать себя увереннее. Подобная уверенность предполагает успешность в личной жизни, достижение социальных благ.

Аутоагрессия, связанная с темой секса, наименее частотна в интернет-коммуникации у женщин. Чаще всего как негативный фактор здесь отмечается отсутствие страстности, активности. Возможно, оказывают свое влияние современные западные веяния, тенденции сексуальной свободы, но, скорее всего, представления мужчин об идеальной женщине, которая должна быть страстной, активной в постели, хотеть секса.

Негатив в отношении себя в данном случае объясняется стремлением соответствовать принятым в мужском (прежде всего) обществе стандартам. «Женщины <...> склонны присваивать общественное мнение, которое нередко рассматривает их как “сексуальный объект”. <...> женщина воспринимает себя как бы с “внешней”, а не с “внутренней” стороны, в некотором смысле как “физическое тело”, не принимая во внимание свои собственно человеческие качества: черты характера, способности и другие особенности личности...» (Каширский, Мясникова, 2020, с. 63).

«...Я “бревно” в постели...» (<https://www.woman.ru/rerelations/sex/thread/3853408>).

«А я не страстный человек, в общепринятом понимании я просто бревно» (<https://www.woman.ru/rerelations/men/thread/5867941>).

«Я фригидная Кому нужна фригидная девушка? Возможно, дело в физиологии? подруга поражается, как я могу так долго без секса. А я могу. Запросто. Это пугает» (<https://www.woman.ru/psycho/medley6/thread/4028473>).

«Я просто дерево в постели, гляди скоро веточка вырастит и листочки пустит» (<https://www.woman.ru/rerelations/sex/thread/3853408>).

Таким образом, наибольшее количество номинаций связано с семантикой дерева (*дерево, бревно, полено* и т. д.).

Анализ показал, что самоагрессию у женщин вызывают такие черты их характера, как лень, излишняя эмоциональность, инфантильность и другие особенности, которые не одобряются социумом применительно именно к женщинам, а также внешность и личные отношения (с партнером, с семьей, друзьями). В меньшей степени женщин волнует тема секса. Возможно, агрессивная реакция, направленная на себя, связана у женщин с их склонностью к душевным размышлениям, рефлексии. Однако природа такой рефлексии социальная, а не биологическая. М. В. Семенихина пишет: «...женщина вынуждена учитывать бесконечное количество норм и правил, носителями которых являются участники социального взаимодействия. И не просто соотносить, а вести себя в соответствии с ними, <...> а это значит терять себя, метаться, бояться быть “неидеальной” для какой-то из нормативных систем и, соответственно, постоянно тревожиться...» (Семенихина, 2008, с. 78). Кажутся безусловными такие факторы повышенной аутоагрессии у женщин, какими являются низкая самооценка и самообъективация. Было установлено, что 60 % замужних женщин страдают от низкой самооценки (Терешонок, Айснер, 2016, с. 183), что может стимулировать речевую аутоагрессию. Женщины думают о себе плохо и, следовательно, так же о себе и говорят. Что касается самообъективации, то и сегодня женщина представляет собой объект оценивания с точки зрения навязанных обществом стандартов. Несоответствие этим стандартам провоцирует аутоагрессию.

О склонности женщин к аутоагрессии могут говорить их ники в интернет-пространстве (*Морская корова, Тупая, Инфантильная лентяйка, Серая мышь Катя, Жиробасина, Толстуха* и т. д.).

Языковые средства выражения женской аутоагрессии — разговорная или просторечная лексика с негативной окраской (*свинота, уродина, лохудра,*

кикимора, бревно и т. д.), в редких случаях были отмечены обценнизмы (восемь примеров).

По данным проанализированного языкового материала, мужчины менее склонны к аутоагрессии. Патриархальные установки отечественного социума способствуют их высокой самооценке, которая часто малообоснованна. Тем не менее мужчины твердо уверены в своей безусловной значимости и ценности, в собственной непогрешимости. Мужчины видят причины возникающих проблем не в себе, а во внешних обстоятельствах, перекладывая ответственность на других. Они уверены и в своей внешней неотразимости, принимая свою внешность как данность, пренебрегая любыми недостатками и считая, что в мужчине внешние данные не главное. Любопытно, что мужскую необоснованную самоуверенность отмечали исследователи мужского пола (Кон, 2011, с. 1). Отсюда отсутствие склонности к саморефлексии и агрессии, направленной на себя.

Среди всех сообщений с агрессивным содержанием, принадлежащих мужчинам, высказывания с аутоагрессией занимают только 7 %. Следует отметить, что абсолютно все мужские сообщения содержат в себе обценную лексику (матизмы), что исключает возможность приведения иллюстраций (ссылки на контент: <https://antiwomen.ru/index.php>; <https://www.masculist.ru/forum>).

Мужская аутоагрессия связана в той или иной мере с темой секса. Негативные реакции пользователей вызывают следующие явления (рис. 2):

1. Проблемы в сексе, связанные со здоровьем (физическим или моральным).
2. Неудовлетворенность партнера.
3. Недостаточное количество секса в жизни пользователей.
4. Предпочтения мужчин в сексе, которые могут быть не одобрены их партнерами или обществом.

Рис. 2. Объекты, на которые направлена мужская аутоагрессия

Fig. 2. Objects targeted by male autoaggression

Такое положение дел можно связать с тем, что сексуальная сила, мужская состоятельность имеют важнейшее значение для мужчин, даже в большей мере, чем финансовая, укрепляя в них сознание собственной мужественности, доминантности, давая ощущение гордости, контроля. Проблемы в этом вопросе наносят мужчинам глубокую психологическую травму. Анонимное общение в виртуальном пространстве дает возможность озвучить, проговорить их.

Выводы

Анализ эмпирического материала позволяет констатировать, что женщины более склонны к аутоагрессии, чем мужчины. Недовольство собой у женщин чаще всего вызывают черты характера, личные отношения, внешний вид, в меньшей степени секс. Последнее, возможно, объясняется тем, что «свобода взглядов и поведения лиц женского пола в отношениях между полами явно не приветствуется и современным обществом, в том числе, безусловно, молодежной мужской его частью» (Маркина, 2018, с. 201), отчего тема секса является для них некоторым табу и не так часто поднимается в интернет-пространстве, в отличие от мужчин, которых в абсолютном большинстве случаев волнуют исключительно темы сексуального характера.

Женщины более не уверены в себе, поэтому они постоянно ищут причины своих неудач в себе. У мужчин их ошибки не являются поводом для самообвинений. Практически всегда мужчины приходят к выводу, что если какие-то их действия привели к неудовлетворительному результату, значит, в следующий раз стоит поступить по-другому.

Аутоагрессия женщин не такая экспрессивная, как у мужчин. Лексическими средствами ее выражения часто выступают просторечная лексика или нейтральные номинации. В мужских текстах с аутоагрессией в интернет-коммуникации почти всегда присутствуют обценнизмы.

Речевая аутоагрессия в своем масштабном проявлении в Интернете, который уже стал формой социальной реальности, представляет опасность как свидетельство психологического дискомфорта, эмоциональной напряженности, тревожности больших групп населения, что не способствует психологическому здоровью общества и чревато негативными последствиями. Полученные результаты позволяют считать, что выявленные гендерные особенности речевой аутоагрессии в интернет-коммуникации в большой степени обусловлены фактором влияния социума, аксиосферой современной отечественной реальности.

Список источников

Литература

1. Аносова, С. В. (2008). *Агрессивный компонент полемических текстов и иллюстраций в современной газете* [Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. Воронеж].
2. Воронцова, Т. А. (2006). *Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход* [Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Челябинск].
3. Григорьев, П. Е. (2020). О связи интуиции и самоагрессии как возможного маркера суицидальности. *Психология. Психофизиология*, 2, 15–24.
4. Долгополова, В. С. (2016). Аутоагрессия как защитный механизм в процессе становления личности. *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*, 11, 665–667.
5. Каширский, Д. В., & Мясникова, О. В. (2020). Феномен самообъективации женщин: анализ зарубежных исследований и взгляд через призму отечественной психологии. *Национальный психологический журнал*, 4, 61–74.

6. Кон, И. С. (2010). Маскулинность в меняющемся мире. *Вопросы философии*, 5, 25–35.
7. Кошель, П. В. (2015). *Жанровая характеристика интернет-комментария (на материале франкоязычных научно-популярных блогов)*. [Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. Москва].
8. Маркина, Л. В. (2018). Жаргонные бранные номинации и характеристики женщин в современной молодежной коммуникации: гендерные стереотипы. *Русский язык и литература в профессиональной коммуникации и мультикультурном пространстве* (с. 197–204). Материалы Международной научно-практической конференции. Перо, Амирит.
9. Маркина, Л. В., & Сипатова, Е. Н. (2015). К вопросу о функциях бранной лексики в современной молодежной коммуникации. *Русская литература и современные проблемы образования* (с. 162–167). Материалы Международной научно-практической конференции. МарК.
10. Минигулова, Г. З. (2010). Агрессия в языке и речи: теоретические вопросы лингвистической репрезентации (на материале русского и башкирского языков). *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение*, 3, 162–167.
11. Руженков, В. А. (2008). К вопросу об уточнении содержания понятия «аутоагрессивное поведение». *Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья*, 32, 20–24.
12. Седов, К. Ф. (2003). Речевая агрессия в межличностном взаимодействии. *Прямая и непрямая коммуникация* (с. 196–212). Колледж.
13. Семенихина, М. В. (2008). *Взаимосвязь особенностей рефлексии и образов родителей у мужчин и женщин* [Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. Москва].
14. Стексова, Т. И. (2013). Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности. *Политическая лингвистика*, 3, 77–81.
15. Терешонок, Т. В., & Айснер, Л. Ю. (2016). Особенности самооценки женщин среднего возраста с разным социальным статусом. *Социально-экономический и гуманитарный журнал*, 4, 173–190.
16. Трофимова, Г. Н. (2013). Особенности негативных тенденций в массовой коммуникации. *Материалы X Международного конгресса международного общества по прикладной психолингвистике*, 174–176.
17. Черкасова, М. Н. (2011). *Речевые формы агрессии в текстах СМИ*. Монография. Ростовский государственный университет путей сообщения.
18. Чернова, А. А., & Ким, В. В. (2022). Обзор российских и зарубежных исследований по проблеме аутоагрессивного поведения личности. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*, 11(6А), 262–271.
19. Щербинина, Ю. В. (2008). *Вербальная агрессия*. Издательство ЛКИ.

Источники

20. Women.ru (2023, 10 ноября). <https://www.woman.ru/>
21. JUST LADY (2023, 10 ноября). <http://forum.justlady.ru/>
22. Антибабский форум. (2023, 10 ноября). <https://antiwomen.ru/index.php>
23. Маскулист: маносфера и место общения мужчин. (2023, 10 ноября). <https://masculist.ru/>

References

Literatura

1. Anosova, S. V. (2008). *An aggressive component of polemical texts and illustrations in a modern newspaper* [Dissertation for the PhD (Philology): 10.01.10. Voronezh]. (In Russ.).
2. Vorontsova, T. A. (2006). *Speech aggression: a communicative and discursive approach* [Dissertation ... Doctor of Philological Sciences: 10.02.19. Chelyabinsk]. (In Russ.).
3. Grigoriev, P. E. (2020). On the connection between intuition and self-aggression as a possible marker of suicidality. *Psychology. Psychophysiology*, 2, 15–24. (In Russ.).
4. Dolgoplova, V. S. (2016). Autoaggression as a protective mechanism in the process of personality formation. *International Journal of Applied and Fundamental Research*, 11, 665–667. (In Russ.).
5. Kashirsky, D. V., & Myasnikova, O. V. (2020). The phenomenon of women's self-objectification: an analysis of foreign studies and a look through the prism of domestic psychology. *National Psychological Journal*, 4, 61–74. (In Russ.).
6. Kon, I. S. (2010). Masculinity in a changing world. *Voprosy filosofii*, 5, 25–35. (In Russ.).
7. Koshel, P. V. (2015). *Genre characteristics of Internet commentary (based on the material of French-language popular science blogs)* [Dissertation for the PhD (Philology): 10.02.05. Moscow]. (In Russ.).
8. Markina, L. V. (2018). Slang expletive nominations and characteristics of women in modern youth communication: gender stereotypes. *Russian language and literature in professional communication and multicultural space* (pp. 197–204). Materials of the International Scientific and Practical Conference. Pero, Amirit. (In Russ.).
9. Markina, L. V., & Sipatova, E. N. (2015). On the question of the functions of swear words in modern youth communication. *Russian literature and modern problems of education* (pp. 162–167). Materials of the International Scientific and Practical Conference. MarK. (In Russ.).
10. Minigulova, G. Z. (2010). Aggression in language and speech: theoretical issues of linguistic representation (based on the material of the Russian and Bashkir languages). *The Bulletin of the Adyge State University. Series 2: Philology and the Arts*, 3, 162–167. (In Russ.).
11. Ruzhenkov, V. A. (2008). On the issue of clarifying the content of the concept of «autoaggressive behavior». *Nauchno-medicinskij vestnik Central'nogo Chernozem'ya*, 32, 20–24. (In Russ.).
12. Sedov, K. F. (2003). Speech aggression in interpersonal interaction. *Direct and indirect communication* (pp. 196–212). College.
13. Semenikhina, M. V. (2008). *The relationship between the features of reflection and images of parents in men and women* [Dissertation for the PhD (Psychology): 19.00.01. Moscow]. (In Russ.).
14. Steksova, T. I. (2013). Verbal aggression in Internet comments as a manifestation of social tension. *Political Linguistics*, 3, 77–81. (In Russ.).
15. Tereshonok, T. V., & Eisner, L. Yu. (2016). Features of self-esteem of middle-aged women with different social status. *The Social and economic and humanitarian magazine*, 4, 173–190. (In Russ.).

16. Trofimova, G. N. (2013). Features of negative trends in mass communication. *Materials X International Congress on Applied Psycholinguistics* (pp. 174–176). (In Russ.).
17. Cherkasova, M. N. (2011). *Speech forms of aggression in media texts*. Monograph. Rostov State Transport University. (In Russ.).
18. Chernova, A. A., Kim, V. V. (2022). A review of Russian and foreign studies on the problem of autoaggressive personality behavior. *Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*, 11 (6A), 262–271. (In Russ.).
19. Shcherbinina, Yu. V. (2008). *Verbal aggression*. Izdatel'stvo LKI. (In Russ.).

Istochniki

20. Women.ru (2023, November 10). <https://www.woman.ru/>
21. JUST LADY (2023, November 10). <http://forum.justlady.ru/>
22. Antibabskij forum. (2023, November 10). <https://antiwomen.ru/index.php>
23. Maskulist: manosfera i mesto obshcheniya muzhchin. (2023, November 10). <https://masculist.ru/>

Информация об авторах / Information about the authors

Людмила Витальевна Маркина — доктор филологических наук, доцент, доцент департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Lyudmila V. Markina — D. Sc. (Philology), Docent, Docent of the Department of Philology, Institute of Humanities, MCU.

Мария Андреевна Буданова — аспирант департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Maria A. Budanova — Postgraduate Student of the Department of Philology, Institute of Humanities, MCU.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Научная статья
УДК 81'42

АКСИОЛОГИЗАЦИЯ ДИСКУРСА: К ПРОБЛЕМЕ ОТГРАНИЧЕНИЯ ПОНЯТИЯ И ПРОЕКЦИИ НА АНАЛИЗ МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА

Серебренникова Евгения Федоровна

Иркутский государственный университет,
Иркутск, Россия,

serebr_ef_76@mail.ru, orcid.org/0000-0002-3910-4013

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об аксиологизации как актуальном понятии гуманитарного знания, означающего направленность на осмысление и осуществление деятельности в терминах аксиологии. На основании когнитивно-коммуникативного лингвоаксиологического подхода к дискурсу обосновывается определение аксиологизации дискурса как операционального термина, обозначающего способ усиления оценочного компонента концептуализации предмета на основе активизации дискурсивного интерпретативного мышления субъектов в проблемно осмысляемых контекстах путем апелляции к семиотическому ценностному измерению языка, его словарю и грамматике. Уточняется понятие аксиологемы как единицы аксиологизации дискурса. Устанавливаются некоторые основные способы аксиологизации дискурса, к которым относятся аттрактивизация, развитие дискурса в модусе от мира реального к миру возможного, необходимого, должного; риторическая организация дискурса в аргументативном алгоритме вывода на истинностные смыслы. Выявляются контексты, дискурсивные зоны и формы динамики оценочной концептуализации в языке: экстериоризация ценностной поляризации ситуаций социальной напряженности; идентификационная квалификация лица, явления, события; тенденции в переоценке явлений, расширение амплитуды семиотической оппозиции «ценность – антиценность» путем введения промежуточного ментального элемента.

© Серебренникова Е. Ф., 2024

Показаны некоторые характерные для медийного пространства дискурсивные операции аксиологизации дискурса.

Ключевые слова: лингвоаксиология, ценностное измерение языка, аксиологизация дискурса, аксиологемы, зоны оценочной концептуализации, репрезентация аксиологизации дискурса.

Для цитирования: Серебренникова, Е. Ф. (2024). Аксиологизация дискурса: к проблеме ограничения понятия и проекции на анализ медийного дискурса. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(55), 110–121.

Original article

UDC 81'42

AXIOLOGIZATION OF DISCOURSE: CONCEPT DEFINITION THROUGH MEDIA DISCOURSE PERSPECTIVE

Evgeniya F. Serebrennikova

Irkutsk State University,

Irkutsk, Russia,

serebr_ef_76@mail.ru, orcid.org/0000-0002-3910-4013

Abstract. The paper deals with axiologization as a relevant concept of humanitarian knowledge, which focuses on understanding and carrying out activities in terms of axiology. Relying on the cognitive-communicative linguo-axiological approach to discourse, the axiologization of discourse presents an operational term designating a way to enhance the evaluative component of conceptualization generated due to activating discursive interpretative thinking in problem-comprehended contexts by relying and appealing to the semiotic value dimension of language, its vocabulary and grammar. The research aims at clarifying the concept of an axiologeme. There are basic ways of axiologizing discourse established, which include attractivization, discourse developing in a mode transferring from the real world to the world of the possible, necessary, and obligatory; the rhetorical organization of discourse in an argumentative algorithm of reference to truth meanings. The paper reveals the contexts, discursive zones and dynamic forms of evaluative conceptualization in language: exteriorization of value polarization of social tension situations; identification qualification of person, phenomenon, event; trends in the reevaluating phenomena, expanding the amplitude of the «value – anti-value» semiotic opposition by introducing an intermediate blend element. The findings represent some discursive operations of discourse axiologization typical of the media space.

Keywords: linguoaxiology, value dimension of language, axiologization of discourse, axiologemes, zones of evaluative conceptualization, representation of axiologization of discourse.

For citation: Serebrennikova, E. F. (2024). Axiologization of discourse: concept definition through media discourse perspective. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(55), 110–121. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.55.3.08>

Введение

В статье делается попытка расширить инструментарий лингвоаксиологического подхода к анализу дискурса путем уточнения понятия аксиологизации дискурса. Актуальность постановки вопроса связана, с одной стороны, с очевидным «ценностным поворотом» в объяснении глубинных, стержневых факторов происходящих конфликтных сдвигов в состоянии современного мира, усилением рефлексии о традиционных ценностях и проявлениях «новой рациональности и новых нормальностей»; с другой стороны, с трактовкой ценностей как предельных по значимости, трансцендентальных по природе, смысложизненных ориентиров человека и общества, осмысление и переживание которых связано со словом, дискурсом — способом «субъективации» человека (Бенвенист, 1974), механизмом порождения знания, мнения, оценки и важнейшей семиотической социальной практикой человека. В этой связи востребованным является не только системный анализ ценностей и ценностного аспекта концептосферы, объективируемых в языке, не только мониторинг ценностного позиционирования дискурсов в коммуникативном пространстве. Актуализируется в целом проблематика способов и методов деконструкции любого дискурса для выявления его ценностного компонента — смыслообразующих ориентиров поведения, определяющих мировосприятие участников общения (Карасик, 2023, с. 122). В фокус внимания перемещается событийный характер дискурса (Арутюнова, 1990) и оптимизация его инструментальной функции мировоззренческого воздействия на человека и общество.

Аксиологический параметр выявляется как осевой в силовой синергичной настройке (Якоба, 2020) интерпретативного означивания «прагматики убеждения» (Пирс, 2000) в дискурсе в целях управления коммуникацией. В этой связи целесообразно обращение к понятию аксиологизации дискурса. Общее определение слова «аксиологизация» означает интерпретацию какой-либо деятельности в терминах аксиологии (URL). По отношению к языку в деятельной феноменологии дискурса данное понятие касается самого модусного развития дискурса, открывающего интерпретативную оценочную перспективу в межсубъектной коммуникации в процессах восприятия, концептуализации, категоризации. Задача данной статьи заключается в семиометрии основных употреблений слова «аксиологизация»; кратком изложении теоретических оснований введения термина «аксиологизация дискурса» и его определении в параметрах дискурсивной операции, уточнении способов репрезентации аксиологизации в дискурсе. Основными методами являются метод интерпретативного анализа, семиометрия смыслов знака в репрезентативных контекстах, элементы моделирования.

Семиметрия слова «аксиологизация» в контекстах основных употреблений

Слово «аксиологизация» (и стоящее за ним понятие) в настоящее время относится к числу актуальных концептуальных конструктов, использование которых, возможно, приведет к становлению его как термина в гуманитарном знании. В философии науки в эпистемологическом плане под аксиологизацией понимается «проникновение субъектного отношения и ценностных представлений в научное познание» (Котлярова, 2019), фактором которого выступает существенная трансформация представлений о месте и роли субъекта в познавательном процессе (Parker, 2018).

В сфере «человек – человек» аксиологизация понимается как целенаправленная оптимизация коммуникативной, общественной, педагогической деятельности: это «ведущая современная тенденция развития высшего образования, которая оформилась как ведущий методологический подход в педагогической науке. Аксиологизация — систематический учет ценностных ориентаций и систем в обучении и воспитании подрастающего поколения» (Справочник, <https://spravochnick.ru/definitions>; Янкина, 2011). По отношению к цифровым пространствам — инновационной сфере деятельности — обсуждается вопрос о необходимости аксиологических установок их организации: «В качестве приоритетных аксиологических установок эпохи цифровизации выделяются равенство и гуманизм..., что имеет непреходящую мировоззренческую значимость для современной России, вступившей на путь цифровизации и построения цифровой экономики» (Тимофеев, 2019, с. 73).

В сфере изучения языка использование знака «аксиологизация» опирается на глубокую лингвистическую традицию и может быть подтверждено в терминах современной антропоцентрической парадигмы путем выделения некоторых ведущих теоретических положений.

Базовые основания лингвоаксиологического анализа дискурса и ограничение термина «аксиологизация»

Лингвоаксиология как направление антропоцентрической когнитивно-коммуникативной парадигмы базируется на фундаментальных положениях аксиологии, логики, семиотики, теории языка, лингвистической теории ценности и оценки. Для методологической базы лингвоаксиологического подхода к дискурсу особо значимыми можно считать положения: 1) о субъектноцентричности порождаемого «дискурсного мира» (Kerbrat-Orecchioni, 1980); 2) об отражении в дискурсивных формациях особой ментальности и идеологичности, придающим им значимость дискурсивной позиции — точки зрения вокруг «парящего над дискурсом концепта» (Степанов, 1995); 3) о конструировании

предметов дискурса в «промежуточном мире» между динамикой и статикой в языке (Динамика и статика, 2021). Особую значимость имеет интерпретирующий динамический подход к аксиологически ориентированному анализу дискурса. Высказывание приобретает оценочный характер в случае открытия им интерпретативной перспективы в речи (Ивин, 2015); когнитивная лингвистика представляет собой разновидность интерпретирующего подхода (Демьянков, 1994); язык рассматривается как когнитивная система, процесс и механизм конструирования живого знания в параметрах порождающего его контекста в траектории дискурсивизации — смыслопорождения в коммуникации (Плотникова, 2013). Реализация интерпретативной функции языка служит условием формирования оценочных категорий в оценочной концептуализации в дискурсе (Болдырев, 2002). Интенсификация оценочного функционально-прагматического ракурса концептуализации осуществляется в операциональном плане как аксиологизация дискурса — разновидность операций высказывания смысла (Vignaux, 1988; Серебренникова, 2022).

Для раскрытия концептуальной структуры аксиологизации основой может служить универсального плана логическая структура оценки, разработанная в русле теории функциональной семантики оценки (Вольф, 2002), включающая в себя сущность модуса, шкалу оценивания в позитивной и негативной поляризации движения мысли к максимумам/минимумам соответствия, основания, аспект, признак оценивания. Данная структура, которую следует трактовать как своего рода фрейм коммуникативно-прагматической ситуации оценивания, может быть дополнена аргументативной структурой аксиологической стратегии влияния на принятие решения адресатом (Баранов, 1989) и систематизацией оценок как типа языковых значений (Арутюнова, 1988).

Теоретически значимо также положение об ограничениях дискурсивной формации «архивом знания» и довлеющей в данном периоде эволюции культуры эпистеме дискурса (Фуко, 1996). Положение об «архиве знания» касается вопроса об онтологии и феноменологии ценностного измерения языка. Очевидной в данном случае, на наш взгляд, является переключка данной концепции и фундаментальной диалектической идеи Э. Бенвениста о двойном — семиотическом и семантическом — способе означивания в языке (Бенвенист, 1974, с. 87). Семиотический аспект означивания и обозначения соотносится с архивом — постоянным, проходящим сквозь время, системным упорядочиванием опыта — категоризацией, снятием и трансфером особо значимых (ценностных) смыслов в континууме семиозиса и лингвокультуры. Данные семиотические процессы отражаются, закрепляются, репрезентируются в аксиологическом словаре и грамматике языкового формата знания, которые служат языковым ресурсом, ориентиром для семантического «я — здесь — сейчас» означивания ситуаций языковой, точнее, дискурсивной личностью в контексте его порождения. Принцип двойного означивания, таким образом, позволяет объяснить инференцию — возведение оценочной концептуализации

истинностных смыслов высказывания к семиотическим элементам ценностного измерения языка на основе дискурсивных операторов оценочной концептуализации — аксиологем.

Аксиологемы в этом плане определяются как структуры аксиологизации, возводящие, апеллирующие в процессах интерпретации к семиотическому ценностному измерению языкового формата знания. Рассматривая аксиологемы как «языковые репрезентанты аксиологических смыслов», Н. Н. Казыдуб выделяет их виды по способу объективации в дискурсе (Казыдуб, 2009, с. 134), это: аксиологема-слово (к ним отнесем четыре высшие духовные ценности, выделяемые в аксиологии культуры: *вера или Бог, добро, красота, истина*); аксиологема-словосочетание (*социальная ответственность*); аксиологема — формульное высказывание (*Россия — страна больших достижений и возможностей*); аксиологема-паремия (*О человеке судят не по словам, а по делам его*); аксиологема-антропоним, соединяющая прецедентное имя с определенным набором ценностных смыслов в рамках сценария их порождения (*Александр Невский — победа, ум, храбрость, воля; князь и полководец, одержавший знаковые победы, хранитель духовности земли русской*). С точки зрения феноменологии дискурсивизации речь может идти скорее о способах аксиологизации дискурса, операторами которых выступают аксиологемы. Ограничимся в данном случае представлением некоторых основных способов аксиологизации дискурса.

Аттрактивизация: механизм и процесс прерывания семантической когерентности интерпретатора и активизации его дискурсивного мышления во фрейме оценивания. В качестве аттракторов выступают аксиологемы, синергично порождающие прагматический эффект вовлечения в событие в концептуальной структуре ценностного смысла (*Присоединяйся к своим!*), в том числе путем возведения к концептуальной сфере нового, неожиданного, необычного, парадоксального (название спектакля: *«Вчера наступило внезапно»*) или создания условий необходимости выбора в принятии решения для интерпретатора (*Кто, если не мы? Никто, кроме нас*).

Развитие дискурса о социально и личностно значимых явлениях в модусе «от мира реального к миру желаемого, необходимого, должного, истинностного» (Ильин, 2005, с. 4). Примером может служить аксиологизация дискурсов, организованных вокруг таких концептов, как *инновация, многодетная семья, система образования, система здравоохранения, учитель* и т. д. Профилирование ценностных смыслов при этом сопровождается структурированием ценностных оппозиций и корреляций, свидетельствующих о трансформациях в оценочной концептуализации на уровне новых узлов понимания (*инновации — комфорт; инновации — модернизация — технологизация — прорыв; инновации — риск, опасность, катастрофа* и т. д.).

Риторическая организация дискурсивизации в аргументативном алгоритме вывода на истинностные смыслы: 1) профилирование предмета как значимого

на фоне менее значимого; 2) майевтическое вопрошание о его природе, факторах, проявлениях; 3) проблемизация выделенных сущностей в оппозитивных и иных корреляциях; 4) генерализация, обобщение результатов осмысления; 5) структурирование выводных смыслов — показателей возможных способов принятия решения для адресата в данной логике прагматики убеждения.

Одним из базовых условий открытия интерпретативной перспективы высказывания и оценочной концептуализации дискурса выступает тип референциально-денотативной ситуации, отличающейся признаками когнитивной неопределенности либо агональности (Викулова, 2021). Для открытого массмедийного пространства изучение ценностной насыщенности текста сообщения/дискурса обусловлено его имманентной аксиологической параметризацией, отражающей зависимость медиатизации информации от гетерогенности ориентиров, интересов, предпочтений, горизонтов ожидания различных групп, слоев, составляющих общество.

Дискурсивные зоны оценочной концептуализации и репрезентация аксиологизации медийного дискурса

Контексты, влияющие на изменения прагма-аксиологической семантики знаков в процессе аксиологизации дискурса, образуют особо аттрактивные зоны для адресата. Отметим следующие дискурсивные зоны, в которых интенсифицируется динамика оценочной концептуализации ситуаций:

- экстериоризация ситуаций социальной напряженности, представляющихся новыми, конфликтогенными, опасными. Ярким примером служит дискурсивное пространство, образованное ситуацией коронавируса, которое отличается интенсивной оценочностью и повлекло за собой неологизацию языкового кодирования;

- идентификационная квалификация лица, явления, события в рамках мировоззренческих или идеологических систем представлений в виде усиления пейорации (*токсичный человек, режим*) или мейорации (*амбициозная миссия лунной программы*). Отметим роль синестезии в оценочной семантике знаков, которая, представляя «переход из сферы, воспринимаемой одним органом чувств, в область другой сферы ощущений, создает общность эмоционально-оценочной реакции» (Арнольд, 2002, с. 62). Синестезический способ аксиологизации усиливает экспрессивность, эмоциогенность, метафоризацию аксиологем (*звонящая пошлость* (выражение А. П. Чехова) — *звонящая мерзость; зеленая экономика — зеленый переход — зеленое безумие; черный лебедь; прочерчивание красных линий на карте — существование красных линий в геополитике и в умах людей; умный человек — умный дом, умная машина, умная остановка*). Данные способы аксиологизации прослеживаются в современных процессах «оценочной неологизации» (Минемуллина, 2015);

– расширение амплитуды семиотической оппозиции «ценность – антиценность» путем введения промежуточного элемента в привативную оппозицию в виде лексикализации дескрипции (*любовь – нелюбовь – ненависть; дружественные – недружественные – враждебные страны*) и образование в зоне третьего элемента ментального интегрирующего ценностного пространства;

– тенденции к переоценке явлений в векторе мейорации (*бескорыстная помощь*) либо пейорации (*рукопожатный – нерукопожатный; партнеры – непартнеры, правда – постправда*).

Аксиологизация дискурса, операторами которой выступают разного рода аксиологемы в тексте сообщения, выявляется одновременно как на уровне грамматики, так и на уровне аксиологического словаря. В первом случае аксиологизация репрезентирована в разного рода конструкциях «дивергенции и конвергенции» смысла в дискурсе (Казыдуб, 2009, с. 134), способствующих выделению актуально новых смыслов в форме логических и эмфатических способов профилирования, преувеличений, сравнения, метафоризации или метонимизации, стягивания смысла сообщения к аксиологеме или оппозиции аксиологем, перевода в сферу комического, аллюзий и т. д. Во втором случае аксиологемы служат для усиления оценочного отношения в векторе вывода к вершине — концепту как элементу ценностного словаря языка. Прототипическим способом аксиологизации дискурса можно считать усиление ценностного компонента концептуализации в фундаментальных ценностных оппозициях «свой – чужой» «я, мы/он, они», «добро – зло», «красота – уродство», «истина, правда/ложь»: *Pourquoi nous aimons tant haïr la Russie?*¹ (Mettan, 2015). В данном случае аксиологизация организована риторическим обращением и вопрошанием о сущности смысла, который концептуализируется как ценностно интегрированный на основе оппозиции аксиологем *aimer – haïr* (любить – ненавидеть). Достоверность высказывания опирается на инклюзивную конструкцию «мы-дискурса», концептуально возводящего к концепту единения говорящего с адресатом.

Заключение

Понятие «аксиологизация дискурса» может пополнить операциональный инструментарий лингвоаксиологического подхода к анализу дискурса. Его введение в научное употребление основывается на когнитивно-коммуникативном подходе к языку, достижениях современной лингвоаксиологии и развитии интерпретирующего подхода к дискурсу, связывающего оценивание с открытием интерпретативной перспективы высказывания в коммуникативном пространстве. Обращение к принципу двойного означивания позволяет выявить способ реализации лингвоаксиологического измерения дискурса в соотношении семантических процессов концептуализации и семиотической репрезентации

¹ Почему мы так любим ненавидеть Россию? (перевод наш. — Е. С.)

аксиологического словаря и грамматики в языковом формате знания языковой личности. Средствами объективации данного соотношения в дискурсе и единицами лингвоаксиологического анализа дискурса выступают разного рода аксиологемы. Аксиологизация дискурса представляет собой разновидность дискурсивной операции, сущностью которой является усиление оценочного компонента концептуализации, что прослеживается на уровне динамики оценочной концептуализации и реализации дискурса в медийном пространстве.

Список источников

1. Бенвенист, Э. (1974). *Общая лингвистика*. Прогресс.
2. Карасик, В. И. (2023). Лингвокультурные характеристики педагогического дискурса. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(50), 118–129.
3. Арутюнова, Н. Д. (1990). Дискурс. *Лингвистический энциклопедический словарь* (с. 136–137). Советская энциклопедия.
4. Якоба, И. А. (2020). *Когнитивно-коммуникативная параметризация медийного дискурса* [Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Майкоп].
5. Пирс, Ч. С. (2000). *Начала прагматизма. Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ*. Алетея.
6. Аксиологизация. *StudFiles*. Электронный терминологический словарь. (2024, 8 июля). <https://studfile.net/preview/1001733/page:7>
7. Котлярова, В. В., & Руденко, А. М. (2019). Характеристики процесса аксиологизации постнеклассической науки. *Вестник Армавирского государственного педагогического университета*, 1, 63–73.
8. Parker, W., & Winsberg, E. (2017). Values and evidence: how models make a difference. *European Journal for Philosophy of Science*, 1, 125–142. <https://www.sci-hub.ru/10.1007/s13194-017-0180-6>
9. Аксиологизация. (2024). *Справочник определений*. (2024, 8 июля). <https://spravochnick.ru/definitions/aksiologizaciya/>
10. Янкина, Н. В. (2011). Аксиологизация лингвистического образования в университете. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 2(121), 401–406.
11. Тимофеев, А. В. (2019). Становление цифровой аксиологии: ключевые понятия и проблемы. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки*, 3, 73–79.
12. Kerbrat-Orecchioni, C. (1980). *L'Énonciation de la subjectivité dans le langage*. A. Colin (Ed.).
13. Степанов, Ю. С. (1995). *Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности*. Язык и наука конца XX века (с. 34–72). РГГУ.
14. *Динамика и статика в познании реальности языка: подходы, феномены, способы репрезентации*. (2021). Монография. Издательство ИГУ.
15. Ивин, А. А. (2015). *Основания логики оценок*. Монография. Директ-Медиа.
16. Демьянков, В. З. (1994). Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода. *Вопросы языкознания*, 4, 17–33.
17. Плотникова, С. Н., & Серебренникова, Е. Ф. (2013). Когнитивная траектория дискурсивизации: дестинация, стратегия, технология. *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*, 1(22), 183–189.

18. Vignaux, G. (1988). *Le discours acteur du monde. Enonciation, argumentation et cognition*. Ophris.
19. Серебренникова, Е. Ф. (2022). Аксиологические дискурсивные операции в векторном анализе конструирования. В Л. А. Становая (Ред.). *Человек и его язык* (с. 203–207). Материалы XX юбилейной Международной конференции Школы-Семинара имени Л. М. Скрелиной. Скифия.
20. Болдырев, Н. Н. (2002). *Структура и принципы формирования оценочных категорий*. В В. А. Виноградов (Ред.). *С любовью к языку* (с. 103–114). Институт языкознания РАН.
21. Вольф, Е. М. (2002). *Функциональная семантика оценки*. Едиториал УРСС.
22. Баранов, А. Н. (1989). Аксиологические стратегии в структуре языка (паремнология и лексика). *Вопросы языкознания*, 3, 74–91.
23. Арутюнова, Н. Д. (1988). *Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт*. Наука.
24. Фуко, М. (1996). *Археология знаний*. Ника-Центр.
25. Казыдуб, Н. Н. (2009). Аксиологические системы в языке и речи. *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*, 29, 132–137.
26. Ильин, В. В. (2005). *Аксиология*. Издательство МГУ.
27. Викулова, Л. Г., Герасимова, С. А., & Серебренникова, Е. Ф. (2021). Миграция как контекст идентификационных установок в медийном пространстве. *Современные языки, коммуникация и миграция в условиях глобализации* (с. 78–85). РУДН.
28. Арнольд, И. В. (2002). *Стилистика. Современный английский язык*. Учебник для вузов. Флинта: Наука.
29. Минемуллина, А. Р. (2015). *Оценочные прилагательные в языке современных средств массовой коммуникации* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Киров].
30. Mettan, G. (2015). *Russie-Occident. Une guerre de mille ans: la russophobie de Charlemagne à la crise ukrainienne*. Editions des Syrtes.

References

1. Benveniste, E. (1974). *General linguistics*. Progress. (In Russ.).
2. Karasik, V. I. (2023). Linguistic and cultural characteristics of pedagogical discourse. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(50), 118–129. (In Russ.).
3. Arutyunova, N. D. (1990). Discourse. *A linguistic encyclopedic dictionary* (p. 136–137). Sovetskaya enciklopediya. (In Russ.).
4. Yakoba, I. A. (2020). *Cognitive and communicative parameterization of media discourse* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.02.19. Maykop]. (In Russ.).
5. Pierce, C. S. (2000). *The beginnings of pragmatism. Laboratory of Metaphysical Research of the Faculty of Philosophy of St. Petersburg State University*. Alethea. (In Russ.).
6. Axiologization. *StudFiles*. Electronic Terminology Dictionary. (2024, July 8). <https://studfile.net/preview/1001733/page:7>
7. Kotlyarova, V. V., & Rudenko, A. M. (2019). Characteristics of the process of axiologization of postnonclassical science. *The Bulletin of Armavir State Pedagogical University*, 1, 63–73. (In Russ.).
8. Parker, W., & Winsberg, E. (2017). Values and evidence: how models make a difference. *European Journal for Philosophy of Science*, 1, 125–142. <https://www.sci-hub.ru/10.1007/s13194-017-0180-6>

9. Axiologization. (2024). *Handbook of Definitions*. (2024, January 15). <https://spravochnick.ru/definitions/aksiologizaciya/> (In Russ.).
10. Yankina, N. V. (2011). Axiologization of linguistic education at the university. *Vestnik of the Orenburg State University*, 2(121), 401–406. (In Russ.).
11. Timofeev, A. V. (2019). The formation of digital axiology: key concepts and problems. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki*, 3, 73–79. (In Russ.).
12. Kerbrat-Orecchioni, C. (1980). *L'Énonciation de la subjectivité dans le langage*. A. Colin (Ed.).
13. Stepanov, Y. S. (1995). The alternative world, discourse, fact and the principle of causality. *Language and science of the late 20th century* (pp. 34–72). RSUH. (In Russ.).
14. *Dynamics and statics in the cognition of the reality of language: approaches, phenomena, ways of representation*. (2021). Monograph. Izdatel'stvo IGU. (In Russ.).
15. Ivin, A. A. (2015). *The foundations of the evaluation logic*. Monograph. Direct Media. (In Russ.).
16. Demyankov, V. Z. (1994). Cognitive linguistics as a kind of interpretive approach. *Questions of Linguistics*, 4, 17–33. (In Russ.).
17. Plotnikova, S. N., & Serebrennikova, E. F. (2013). The cognitive trajectory of discursivization: destination, strategy, technology. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 1(22), 183–189. (In Russ.).
18. Vignaux, G. (1988). *Le discours acteur du monde. Énonciation, argumentation et cognition*. Ophris.
19. Serebrennikova, E. F. (2022). Axiological discursive operations in the vector analysis of construction. In L. A. Stanovaya (Ed.). *Man and his Language* (pp. 203–207). Materials of the XX anniversary International Conference of the L. M. Skrelina School-Seminar. Scythia. (In Russ.).
20. Boldyrev, N. N. (2002). The structure and principles of the formation of evaluation categories. In V. A. Vinogradov (Ed.). *With a love of language* (pp. 103–114). Institute of Linguistics RAS. (In Russ.).
21. Wolf, E. M. (2002). *Functional semantics of evaluation*. Unified URSS. (In Russ.).
22. Baranov, A. N. (1989). Axiological strategies in the structure of language (paremiology and vocabulary). *Voprosy Jazykoznanija*, 3, 74–91. (In Russ.).
23. Arutyunova, N. D. (1988). *Types of language values. Evaluation. Event. Fact*. Science. (In Russ.).
24. Foucault, M. (1996). *The archaeology of knowledge*. Nika-Centr. (In Russ.).
25. Kazydub, N. N. (2009). Axiological systems in language and speech. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 29, 132–137. (In Russ.).
26. Ilyin, V. V. (2005). *Axiology*. Izdatel'stvo MGU.
27. Vikulova, L. G., Gerasimova, S. A., & Serebrennikova, E. F. (2021). Migration as the context of identification settings in the media space. *Modern languages, communication and migration in the context of globalization* (pp. 78–85). RUDN. (In Russ.).
28. Arnold, I. V. (2002). *Stylistics. Modern English*. A textbook for universities. Flint: Science. (In Russ.).
29. Minemullina, A. R. (2015). *Evaluative adjectives in the language of modern mass media* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.02.01. Kirov]. (In Russ.).
30. Mettan, G. (2015). *Russie-Occident. Une guerre de mille ans: la russophobie de Charlemagne à la crise ukrainienne*. Editions des Syrtès.

Информация об авторе / Information about the author

Евгения Федоровна Серебренникова — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романо-германской филологии Иркутского государственного университета.

Evgeniya F. Serebrennikova — D. Sc. (Philology), Professor, Full Professor of the Romance and German Philology Department, Irkutsk State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.161.1'253-056.262

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ ПРИ ТИФЛОКОММЕНТИРОВАНИИ (НА ПРИМЕРЕ КИНОФИЛЬМОВ «ХОЛОП» И «ПОСЛЕДНИЙ БОГАТЫРЬ»)

Горшкова Вера Евгеньевна

Иркутский государственный университет,
Иркутск, Россия,

gorchkova_v@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8765-5234>

Аннотация. Актуальность исследования определяется возрастающим интересом лингвистов и переводоведов к сфере цифровой доступности для лиц с ограниченными возможностями здоровья, к адаптации кинематографического контента для незрячих — тифлокомментированию. Статья направлена на раскрытие понятия тифлокомментирования и анализ данного типа интерсемиотического перевода в собственно лингвистическом и переводоведческом аспектах. Выборка исследования включает в себя российские художественные фильмы «Холоп» (реж. К. Шипенко, 2019), «Последний богатырь 2» и «Последний богатырь 3» (реж. Д. Дьяченко, 2020–2021), что обусловлено отраженной в них спецификой кинематографической среды обитания. В комедийном фильме «Холоп» герой переносится из современного российского города в деревенскую среду XIX века, что требует адекватной интерпретации как реалий славянского крестьянского быта полуторастолетней давности, так и реалий, отражающих современный городской уклад. В фильме-фэнтези «Последний богатырь» тифлокомментатору необходимо отразить восприятие мегаполиса сказочными персонажами, волею случая переместившимися из волшебного мира на улицы современного мегаполиса — Москвы. В собственно лингвистическом аспекте в статье обосновывается представление звучащего текста тифлокомментария как гибрида, сочетающего характеристики повествовательного (с преобладанием глаголов действия) и описательного (с преобладанием существительных и прилагательных) дискурсов, исключающего использование субъективных суждений, оценок, предположений или комментариев переводчика при переводе визуального в вербальное. Показана важность создания текста/дискурса, отвечающего основным характеристикам указанных типов с непреложной опорой на визуальный ряд и фиксированный тайм-код фильма, наличия обширного когнитивного багажа переводчика-тифлокомментатора для адекватного и максимально объективного вербального представления среды обитания и происходящего на экране для незрячих зрителей.

Ключевые слова: интерсемиотический перевод, тифлокомментирование, кинематографический контент, гибридный текст/дискурс, переводчик-тифлокомментатор.

Для цитирования: Горшкова, В. Е. (2024). Визуализация среды обитания при тифлокомментировании (на примере кинофильмов «Холоп» и «Последний богатырь»). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(55), 122–133.

Original article

UDC 811.161.1'253-056.262

VISUALIZATION OF HABITAT IN AUDIO DESCRIPTION (CONSIDERING THE FILMS «THE SLAVE» AND «THE LAST BOGATYR »)

Vera E. Gorshkova Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia,gorshkova_v@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8765-5234>

Abstract. The study proves relevant due to the growing interest of linguists and translation experts in the field of digital accessibility for people with disabilities, in the adaptation of cinematic content for the blind — audio description. The article aims at revealing the concept of audio description and analyzing this type of intersemiotic translation in its linguistic and translation aspects. The research sample includes Russian feature films «The Slave» (dir. K. Shipenko, 2019), «The Last Bogatyr 2» and «The Last Bogatyr 3» (dir. D. Dyachenko, 2020–2021), which is due to the features of cinematic environment reflected in them. The storyhero of the comedy film «The Slave» is transported from a modern Russian city into the rural environment of the 19th century, which requires an adequate interpretation of both the realities of Slavic peasant life a century and a half ago, and the realities reflecting the modern urban way of life. Concerning the fantasy film «The Last Bogatyr», the audio commentator needs to reflect the perception of the metropolis by fairy-tale characters who, by chance, moved from the magical world to the streets of Moscow. As for the actual linguistic aspect, the article substantiates the sounding text of the audio description as a hybrid that combines the features of both narrative (with a predominant use of action verbs) and descriptive (with a predominant use of nouns and adjectives) discourses, excluding the use of subjective judgments, assessments, assumptions or translator's comments when translating visual into verbal. The author emphasizes the importance of creating a text/discourse that meets the key aspects of these types with an indispensable reliance on the film video sequence and its fixed time code as well as translator's extensive background knowledge — audio commentator for an adequate and truly objective verbal representation of the habitat and what is happening on the screen for blind viewers.

Keywords: audiovisual translation, audio description, cinematic content, hybrid text/discourse, translator-audio commentator.

For citation: Gorshkova, V. E. (2024). Visualization of habitat in audio description (considering the films «The Slave» and «The Last Bogatyr»). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(55), 122–133.

Введение

Коммуникация в контексте города / городского пространства (медиаурбанистика) все чаще становится предметом научных изысканий. Ученые составляют ольфакторные портреты города (Барабушка, 2023; Голубев, 2014; Павлова, 2014), изучают «языковое лицо» современного города на материале языковых ландшафтов (Зоц, Сулейманова, 2019; Матюшина, 2023; Павленко, 2017), исследуют семиотику города как сложную коммуникативную систему, характеризующуюся доминированием визуальных знаков (Леонтович, 2018, 2020; Леонтович, Котельникова, 2022; Петрова, Викулова, 2023).

О. А. Леонтович постулирует «возврат к “детскому”, иконическому восприятию под влиянием цифровых технологий: картинка становится важнее слова. <...> Мультиmodalность современного городского ландшафта обуславливает возможность множественных интерпретаций такого рода текстов и их воздействия на социум» (Леонтович, 2020, с. 101). Поскольку «modalность вербального сообщения зависит от характера и сферы коммуникации» (Леонтович, 2018, с. 207), а сам «язык не только отражает реальность, но и творит ее» (Карасик, 2023, с. 5), полагаем, что упомянутая выше множественность интерпретаций приобретает особую значимость в приложении к сфере цифровой доступности для лиц с ограниченными возможностями здоровья, адаптации кинематографического контента для незрячих.

Речь идет об аудиодескрипции или тифлокомментировании.

По свидетельству Е. В. Александровой, в России насчитывается 218 тысяч слепых и слабовидящих, среди которых 103 тысячи абсолютно слепых. Большинство лиц с нарушениями зрения старше 50 лет, 22 % составляют молодежь и дети (Александрова, 2019, с. 178). А в условиях цифрового общества в глобальном образовательном пространстве, где «основным материальным носителем текстов <...> становится экранность, основанная на контаминации аудиовизуальных компонентов текста во временном потоке» (Евграфова, 2021, с. 17), роль аудиодескрипции/тифлокомментирования значительно возрастает в силу того, что данный способ интерпретации видеоконтента облегчает доступ этой категории зрителей к кино и средствам массовой информации (Zabrocka, 2020; Lopez, Kearney, Hofstädter, 2020).

При осуществлении тифлокомментирования следует учитывать, что часть слепых и слабовидящих зрителей не являются таковыми от рождения и сохранили визуальное представление о реальном мире и окружающих их предметах. Сказанное прописано и в соответствующем национальном стандарте Российской Федерации: «... тифлокомментирование отличается от процессов речевого комментирования или описания, так как включает в себя пояснения, учитывающие психологические особенности и потребности инвалидов по зрению» (ГОСТ Р 57891–2022). Задача аудиодескриптора/тифлокомментатора — помочь зрителям в полной мере проникнуться мироощущением автора (Горшкова, 2022; Горшкова, Щурик, 2021; и др.). Эта точка зрения находит все большее

число сторонников среди исследователей, работающих в данной специфической области.

Методология исследования

Прежде всего определимся с терминологией.

Аудиодескрипция/тифлокомментирование представляет собой:

- «лаконичное описание предмета, пространства или действия, которые непонятны слепому (слабовидящему) без специальных словесных пояснений» (С. Н. Ваньшин, цит. по: Борщевский, 2018, с. 48);
- «описание значимых визуальных элементов произведений искусства или медиапродукции, что позволяет лицам с нарушением зрения воспринимать их форму и содержание» (Александрова, 2019, с. 179);
- «verbal commentary that describes visual elements, and some sonic elements, for visually impaired audiences»¹ (Lopez, Kearney, Hofstädter, 2020, p. 117);
- «type of translation, whereby images are translated into words»² (Mazur, 2020, p. 227).

Наиболее емкое определение аудиодескрипции или тифлокомментирования (термина, принятого в России) содержится в национальном стандарте РФ «Тифлокомментирование и тифлокомментарий. Термины и определения», ознаменовавшем важную веху в развитии и практическом применении интересующего нас вида интерсемиотического перевода: «Тифлокомментирование — специализированное речевое описание визуальной составляющей объектов или событий, предоставляемое инвалидам по зрению, является важным средством адаптации визуальной информации, неотъемлемой частью комплекса мероприятий по созданию доступной (безбарьерной) среды для инвалидов по зрению. Объектами тифлокомментирования являются одушевленные и неодушевленные предметы, люди, животные, элементы пейзажа, обстановки, интерьера или фона, статичные и динамические изображения, различные события, в которых эти объекты взаимодействуют между собой» (ГОСТ Р 57891–2022).

Приведенные ранее определения позволяют сделать заключение о некоем разбросе терминов, характеризующих тифлокомментирование: *описание, специализированное речевое описание, средство адаптации визуальной информации, дополнительный рассказ/повествование (narration), вербальный комментарий (verbal commentary), тип перевода (type of translation)*.

Помня о том, что кино «должно пониматься как активная инстанция, способная ввести в поток чувственных данных собственную перспективу —

¹ вербальный комментарий, описывающий визуальные и некоторые звуковые элементы для лиц с ограничениями по зрению (здесь и далее перевод наш. — В. Г.)

² тип перевода, при котором картинка описывается словами [визуальный ряд переводится в вербальный].

не только воспринимать, но и трансформировать чувственные данные в чувственный опыт» (Поликарпова, 2021, с. 11), полагаем уместным привести здесь мнение Ю. А. Евграфовой, касающееся моделирования реальности в экранных текстах: «Процесс интерпретации экранных текстов континуален и непредсказуем <...> семантико-синтаксическая организация поликодового-полимодального текста вызывает у зрителя определенные эмоциональные реакции. Происходит активация определенных психических состояний, новые впечатления и стимулы, полученные в процессе восприятия текстов, интегрируются зрителем в свой личный опыт с помощью уже известных категорий» (Евграфова, 2021, с. 14). (Сравните приведенное ранее мнение О. А. Леонтович).

Соответственно, в методологическом плане при проведении исследования предпочтение отдано общепризнанным научным методам, таким как наблюдение, анализ и абстрагирование, в их взаимосвязи и взаимодополнении в приложении к специфическому аудиовизуальному контенту.

Так, если рассуждать в терминах лингвистики, тифлокомментирование представляет собой специфическую разновидность текста/дискурса, несводимую к комментированию или описанию, что с очевидностью требует некоторых пояснений, поскольку «знание о глобальных текстовых разновидностях, т. е. текстотипологическое знание, является обязательной составляющей коммуникативной компетенции в целом» (Чернявская, 2014, с. 66).

Следует помнить, что вербализация видеоряда должна осуществляться в тесной связи с другими средствами языка кино (кинодиалог, шумовое оформление, музыка). Тифлокомментированию подвергаются в первую очередь действия, телодвижения, пейзажи и костюмы. Особое внимание уделяется динамическим невербальным знакам (жесты, положение тела, мимика), которые не только способствуют постижению смысла исходного сообщения (кинотекста), но и служат иллюстрацией национально-культурной специфики поведения представителей той или иной культуры (Александрова, 2019; Горшкова, Щурик, 2021; Горшкова, 2022; Azaoui, Tellier, 2020; Bardini, 2020; Mazur, 2020; Tamayo, 2022).

Вышесказанное показывает, с какими сложностями столкнется аудиодескриптор/тифлокомментатор при передаче видимого на вербальный язык, что вполне объяснимо ограничениями технического характера, поскольку текст описания видеоряда должен накладываться на аудиодорожку в строгом соответствии с тайм-кодом фильма, как бы вклиниваясь в паузы между звучащим текстом, краткость которых чрезвычайно велика.

Такое взаимное дополнение / частичное дублирование визуального и акустического каналов, свойственное кинематографической мультимодальности, чрезвычайно важно и способствует эффективной работе как аудиовизуального переводчика в целом, так и аудиодескриптора/тифлокомментатора в частности.

Результаты исследования

Рассуждения о тифлокомментировании/аудиодескрипции представляются несостоятельными без опоры на конкретный практический материал. В качестве такового проанализированы российские художественные фильмы «Холоп» (реж. К. Шипенко, 2019), «Последний богатырь 2» и «Последний богатырь 3» (реж. Д. Дьяченко, 2020–2021). Выбор данных фильмов обусловлен спецификой кинематографической среды обитания, которая потребует от тифлокомментатора наличия обширного когнитивного багажа для адекватного и максимально объективного вербального представления последней, учитывая, что тифлокомментирование как вид интерсемиотического перевода, как правило, предполагает исключение каких-либо субъективных суждений, оценок, предположений или комментариев аудиодескриптора/тифлокомментатора.

И если в комедийном фильме «Холоп» герой попадает из современного русского города в деревенскую среду XIX века, в некоторой степени известную средне-статистическому россиянину благодаря его фоновым знаниям, то в фильме-фэнтези «Последний богатырь» тифлокомментатору придется вжиться в восприятие мегаполиса сказочными персонажами, волею случая переместившимися из волшебного мира на улицы Москвы. Соответственно, переводчик невербального в вербальное, остающийся, казалось бы, в рамках все той же российской культуры, помимо описания магических действий персонажей, выполненных с использованием современных компьютерных технологий, столкнется с необходимостью адекватной интерпретации как реалий славянского крестьянского быта полуторастолетней давности, так и реалий, отражающих современный городской уклад.

Так, в художественном фильме «Холоп» мажор Григорий, отправленный отцом на перевоспитание к психологу, использующему шоковые методы воздействия, совершает своеобразное путешествие в прошлое, позволившее ему по прошествии времени критически взглянуть на настоящее, и приходит в себя в стилизованной полуразвалившейся конюшне/хлеву, лежа на охапке соломы. Рядом грязный поросенок. В углу привязана коза. Оказавшись на улице, Григорий видит вокруг себя избы, крытые соломой, людей в крестьянской одежде, баб в сарафанах, несущих воду в деревянных ведрах на коромысле или полоскающих белье в реке, мужиков в поддевках, сгребających сено граблями. Эта среда противопоставлена богатому убранству барского дома и его обитателей, одетых по-городскому. В принципе, сами занятия крестьянским трудом в 1860 году мало чем отличаются от современных, и тифлокомментатору надо будет сосредоточиться на описании одежды, пищи, а также традиционного обрядового праздника в ночь на Ивана Купалу с прыганьем через костер, плетением венков, купанием в реке и т. д.

Гораздо более сложной становится его задача при тифлокомментировании фильма «Последний богатырь». Действие картины разворачивается то в древнерусском городе, то в современном мегаполисе, что требует от тифлокомментатора

владения соответствующим терминологическим тезаурусом градоустройства двух эпох, значительно отстоящих во времени друг от друга. Определенные затруднения может вызвать уже само описание древнерусского города (терема, башенки, балконы, торговые ряды — торжище, ремесленные ряды — кузнецы, бондари, вышивальщицы). Как ни парадоксально, еще большую трудность представляют реалии сегодняшнего дня: тут и марка мотоцикла (железного коня), на котором вслед за Иваном перемещается Кощей Бессмертный, и подметальная машина со щитками для сбора мелкого мусора, и эвакуатор, оборудованный специальной платформой с лебедкой, и коробка с бумажными салфетками, доводящая до иступления Бабу-ягу, которая никак не может понять, почему салфетки цепляются друг за друга и никак не кончаются, и арочный металлодетектор. Вспомним, например, комичную сцену, когда охранник, не отрываясь от компьютерной игры на своем сотовом телефоне (представляющемся Кощею говорящей плоской дощечкой), предлагает нашим героям перед проходом через металлодетектор положить все металлические предметы на соседний стол. Иван кладет меч-кладенец, а Баба-яга — кривой нож в форме когтя (керамбит). Затруднительно и описание архитектуры современных зданий, в частности театра, в который направляются наши герои в поисках жар-птицы.

Вышесказанное подтверждает мнение О. И. Максименко о комиксах: «С точки зрения семиотики иконический язык принципиально не отличается от вербального языка — оба представляют собой, по сути, знаковые системы. Вместе с тем изображение является хоть и универсальной, но не столь четко выраженной знаковой единицей, как слово, а его семантика по сравнению с последним характеризуется значительно меньшей определенностью, расплывчатостью, размытостью своих границ и обладает значительным диапазоном интерпретации, во многом определяемой лингвокультурной принадлежностью реципиента» (Максименко, 2022).

Как уже отмечалось, в контексте нашего исследования лингвокультурная принадлежность находит свое выражение в реалиях. Однако мы рассматриваем тифлокомментирование русскоязычных фильмов для русскоязычного же реципиента с ограничениями по зрению. Соответственно, на первый план выходит информация о происходящем в художественном мире фильма и тип дискурса, который будет использовать тифлокомментатор для перевода невербального в вербальное. Что касается информации, речь идет, прежде всего, о когнитивной/референциальной информации, в терминах И. С. Алексеевой (Алексеева, 2008, с. 50–52), основными характеристиками которой являются объективность (атемпоральность и нейтральность), повышенная степень абстрактности (номинативный стиль) и высокая плотность (сжатие информации). Невербальное будет включать в себя, прежде всего, описание среды обитания, места действия, что с необходимостью отвечает характеристикам описательного дискурса, предусматривающего обильное использование существительных и определений к ним, что, по свидетельству Ю. Н. Варфоломеевой (Варфоломеева, 2021), не исключает

обращения к глагольным предикатам, вербализующим собственно пространственные характеристики объектов (*лежит, стоит*) и проявление качественного состояния объектов (*набит, сверкает*):

(1) С крыши высотки открывается вид на город: река, мост, поток машин.

(2) На площади праздник: карусель, накрыты свадебные столы с букетами полевых цветов, бабы и мужики в нарядной одежде («Богатырь 3»).

(3) Отец героя и его спутница приходят к консультанту. Полутемное помещение, железные клетки с крысами, скелет человека, шкафы, набитые разным хламом. Посреди комнаты висит на веревке человек («Холоп»).

Очень значимое место при тифлокомментировании анализируемых фильмов будет занимать перечисление действий персонажей фильмов, выстроенных в хронологической последовательности, что характерно для повествовательного дискурса. Так, в фильме «Холоп» сопротивляющегося Гришку ведут к виселице, одновременно на экране мы видим, как палач отрубает руку провинившемуся крестьянину. Полагаем, что, учитывая требование максимальной беспристрастности тифлокомментатора, компактности изложения в силу технических ограничений, а также во избежание эмоциональной окрашенности дискурса, данную сцену следует прокомментировать следующим образом:

(4) Гришку ведут к виселице. Он сопротивляется. Рядом палач отрубает руку крестьянину.

Два указанных дискурса постоянно переплетаются между собой (как в незабвенных пушкинских строках из «Полтавского боя»: «Швед, русский — колет, рубит, режет. / Бой барабанный, клики, скрежет, / Гром пушек, топот, ржанье, стон, / И смерть, и ад со всех сторон», или из «Евгения Онегина»: «Мелькают мимо будки, бабы, / Мальчишки, лавки, фонари...»). Сравните в этом плане приведенные ниже примеры (5) и (6), где звучащий обмен репликами выделен курсивом:

(5) Гришка и Лиза скачут по лесу на фоне закатного солнца, поднимаются на гору и... оказываются перед АЗС. Оператор заправки подходит к ним с шлангом в руках:

— *Вам 95-й или вы на газу?* («Холоп»)

(6) Избушка на курьих ножках пускается в погоню за драконом, уносящим Василису, и попадает в Москву. Вокруг современные многоэтажные дома, машины.

Баба-яга. Это что за царство-государство?

Иван. Welcome to Moscow. Capital of Russian Federation. («Богатырь-3»)

Заключение

Звучащий текст при тифлокомментировании среды обитания — гибрид повествовательного и описательного дискурсов. Переводчик-тифлокомментатор выступает как своего рода наблюдатель, т. е. не как конкретное лицо со своими

эмоциями и индивидуальным восприятием мира, а как некая обобщенная личность, передающая когнитивную информацию, характеризующуюся объективностью, абстрактностью и повышенной плотностью. Соответственно, задача переводчика — следование характеристикам конкретного типа дискурса с непреложной опорой на визуальный ряд и фиксированный тайм-код фильма при сохранении максимальной объективности вербального представления происходящего на экране.

Список источников

1. Барабушка, И. А. (2023). Ольфакторный портрет города в современном англоязычном языковом сознании. *Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 3, 104–109.
2. Голубев, Н. А. (2014). Запахи города: ольфакторные характеристики «ивановского текста». *Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки*, 2, 107–111.
3. Павлова, Н. С. (2014). Запах города: ольфакторный портрет Екатеринбурга (по данным екатеринбургского интернет-портала «E1.RU»). *Современный город: социальность, культуры, жизнь людей* (с. 518–522). Материалы ХУП Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 14–15 апреля 2014 г. Т. 2. Гуманитарный университет.
4. Зоц, И. В., & Сулейманова, О. А. (2019). Проблемные «зоны» современной урбанистики в глобальном пространстве: транслитерация урбанонимов. *Вопросы ономастики*, 16(4), 134–150.
5. Матюшина, Н. В. (2023). Визуальные средства современной ономастики (на материале эргонимов г. Москвы). *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 3, 117–132.
6. Павленко, А. (2017). Языковые ландшафты и другие социолингвистические методы исследования русского языка за рубежом. *Russian Journal of Linguistics*, 21(3), 493–514.
7. Леонтович, О. А. (2018). Всевидящее око города с позиций медиаурбанистики. *Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание*, 17(4), 206–213.
8. Леонтович, О. А. (2020). Проблема социальной видимости с позиций современной урбанистики. *Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки*, 12 (841), 99–111.
9. Леонтович, О. А., & Котельникова, Н. Н. (2022). Семиотический портрет большого китайского города. *Russian Journal of Linguistics*, 26(3), 701–720.
10. Петрова, И. М., & Викулова, Л. Г. (2023). Семиозис иконичности в естественном языке (на материале эргонимов города Москвы). *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика*, 20(2), 38–44.
11. Карасик, В. И. (2023). *Языковое преобразование реальности*. Монография. Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина.
12. Александрова, Е. В. (2019). Перевод аудиодескрипции с английского языка на русский: расширение границ доступной среды. *Вестник ТвГУ. Серия: Филология*, 2(61), 178–182.
13. Евграфова, Ю. А. (2021). *Лингвосемиотика экрана: моделирование реальности в экранных текстах (на материале текстов кино, телевидения и сети Интернет)* [Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Москва].

14. Zabrocka, M. (2021). Audio description accompanying video content as a compensatory tool in socialization and cognitive-linguistic development of children with visual impairment: the search for theory for alternative AD application. *Educational and Development Psychologist*, 38(2), 2015–2026. <https://doi.org/10.1080/20590776.2021.1899750>
15. Lopez, M., Gavin, K., & Hofstädter, K. (2020). Seeing films through sound: Sound design, spatial audio, and accessibility for visually impaired audiences. *British Journal of Visual Impairment*, 40(2), 1–28. <https://doi.org/10.1177/0264619620935935>
16. ГОСТ Р 57891–2022. *Тифлокомментирование и тифлокомментарий. Термины и определения*. (2024, 9 июля). https://allgosts.ru/33/160/gost_r_57891-2022
17. Горшкова, В. Е., & Шурик, Н. В. (2021). Конкуренция интеллектов при кинопереводе (тифлокомментирование). *Вестник МГУ. Серия 22. Теория перевода*, 2, 31–49.
18. Горшкова, В. Е. (2022). Кинесиологический подход к интерпретации жестов в письменном тексте. *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 4, 124–131.
19. Борщевский, И. С. (2018). Аудиодескрипция (тифлокомментирование) как вид перевода. *Филология и лингвистика*, 3(9), 48–52. <https://moluch.ru/th/6/archive/107/3755/>
20. Mazur, I. (2020). A Functional Approach to Audio Description. *Journal of Audiovisual Translation*, 3(1), 226–245. <https://doi.org/10.47476/jat.v3i2.2020.139>
21. Чернявская, В. Е. (2014). *Лингвистика текста. Лингвистика дискурса*. Ленанд.
22. Azaoui, B., & Tellier, M. (2020). Comment le corps coconstruit les discours et le sens. *TIPA. Travaux interdisciplinaires sur la parole et le langage*. 36. <http://doi.org/10.4000/tipa.4106>
23. Bardini, F. (2020). Film language, film emotions and the experience of blind and partially sighted viewers: a reception study. *The Journal of Specialized Translation*, 33, 259–280. <https://www.researchgate.net/publication/340502443>
24. Tamayo, A. (2022). Sign Languages in Audiovisual Media. *Journal of Audiovisual Translation*, 5(1), 129–149. <https://doi.org/10.47476/jat.v5i1.2022.167>
25. Поликарпова, Д. А. (2021). *Эстетическая аналитика кинематографической чувственности* [Дис. ... канд. философ. наук: 5.7.3. Санкт-Петербург].
26. Максименко, О. И. (2022). Лингвосемиотика мультифандомного мира. *Вестник Московского государственного областного университета*, 2. (2024, 9 июля). www.vestnik-mgou.ru
27. Алексеева, И. С. (2008). *Текст и перевод. Вопросы теории*. Международные отношения.
28. Варфоломеева, Ю. Н. (2021). *Глагольное семантическое поле рецептивного пространства в текстах типа «описание»* [Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Улан-Удэ].

References

1. Varabushka, I. A. (2023) The olfactory portrait of the city in modern english language consciousness. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 3, 104–109. <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/3/104-109> (In Russ.).
2. Golubev, N. A. (2014). Smells of the city: olfactory characteristics of the Ivanov's text. *News of Higher Schools. Series: Humanities*, 2, 107–111. (In Russ.).
3. Pavlova, N. S. (2014). The smell of the city: an olfactory portrait of Yekaterinburg (According to the Yekaterinburg internet portal «E1.RU»). *Modern City: Sociality, Cultures*,

People's Lives (p. 518–522). Proceedings of the XYII International scientific-practical conference, Yekaterinburg, April 14–15. T. 2. Humanitarian University. (In Russ.).

4. Zots, I. V., & Suleimanova O. A. (2019). Problem Areas of Modern Urban Planning in Global Space: Romanization of Russian Urbanonyms. *Voprosy onomastiki*, 16(4), 134–150. (In Russ.).

5. Matyushina, N. V. (2023). Visual Means of Modern Onomastics (on the Material of Moscow Ergonyms). *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 3, 117–132. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-117-132> (In Russ.).

6. Pavlenko, Aneta. (2017). Linguistic landscape and other sociolinguistic methods in the study of Russian language abroad. *Russian Journal of Linguistics*, 21(3), 493–514. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-3-493-514> (In Russ.).

7. Leontovich, O. (2018). The All-Seeing Eye of the City from the Perspective of Urban Communication Studies. *Vestnik of VolSU. Series 2. Linguistics*, 17(4), 206–213. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.20> (In Russ.).

8. Leontovich, O. (2020). The problem of social visibility from the perspective of urban communication studies. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 12(841), 99–111. (In Russ.).

9. Leontovich, O., & Kotelnikova, N. (2022). A semiotic portrait of a big Chinese city. *Russian Journal of Linguistics*, 26(3), 701–720. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-31228> (In Russ.).

10. Petrova, I. M., & Vikulova, L. G. (2023). Semiosis of iconicity in natural language (on the material of ergonyms of Moscow). *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 20, 38–44. <https://doi.org/10.14529/ling230206> (In Russ.).

11. Karasik, V. I. (2023). *Linguistic Transformation of Reality*. Monograph. Pushkin State Russian Language Institute. (In Russ.).

12. Aleksandrova, E. V. (2019). Translating Audio Description from English into Russian: Expanding Accessibility Boundaries. *Vestnik TvGU. Series: Philology*, 2(61), 178–182. (In Russ.).

13. Evgrafova, Yu. A. (2021). Lingvosemiotics of the Screen: Modeling of Reality in Screen Texts (based on Texts from Cinema, Television and the Internet) [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.02.19. Moscow]. (In Russ.).

14. Zabrocka, M. (2021). Audio description accompanying video content as a compensatory tool in socialization and cognitive-linguistic development of children with visual impairment: the search for theory for alternative AD application. *Educational and Development Psychologist*, 38(2), 2015–2026. <https://doi.org/10.1080/20590776.2021.1899750>

15. Lopez, M., Gavin, K., & Hofstädter, K. (2020). Seeing films through sound: Sound design, spatial audio, and accessibility for visually impaired audiences. *British Journal of Visual Impairment*, 40(2), 1–28. <https://doi.org/10.1177/0264619620935935>

16. GOST R 57891–2022. *Audio description and audio commentary. Terms and definitions*. https://allgosts.ru/33/160/gost_r_57891-2022 (In Russ.).

17. Gorshkova, V. Ye., & Shchurik, N. V. (2021). War of intelligences in film translation (typhlo commentary / audio description). *Vestnik MGU. Series 22. Theory of Translation*, 2, 31–49. (In Russ.).

18. Gorshkova, V. (2022). Kinesiological Approach to the Interpretation of Gestures in a Written Literary Text. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 4, 124–131. (In Russ.). <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2022-20-4-124-131>

19. Borshchevsky, I. S. (2018). Audio description as a type of translation. *Philology and Linguistics*, 3(9), 48–52. <https://moluch.ru/th/6/archive/107/3755/> (In Russ.).
20. Mazur, I. (2020). A functional approach to audio description. *Journal of Audiovisual Translation*, 3(2), 226–245. <https://doi.org/10.47476/jat.v3i2.2020.139>
21. Chernyavskaya, V. E. (2014). *Linguistics of Text. Linguistics of Discourse*. Lenand. (In Russ.).
22. Azaoui, B., & Tellier, M. (2020). Comment le corps coconstruit les discours et le sens. *TIPA. Travaux interdisciplinaires sur la parole et le langage*. 36. <https://doi.org/10.4000/tipa.4106>
23. Bardini, F. (2020). Film language, film emotions and the experience of blind and partially sighted viewers: a reception study. *The Journal of Specialized Translation*, 33, 259–280. <https://www.researchgate.net/publication/340502443>
24. Tamayo, A. (2022). Sign Languages in Audiovisual Media. *Journal of Audiovisual Translation*, 5(1), 129–149. <https://doi.org/10.47476/jat.v5i1.2022.167>
25. Polikarpova, D. A. (2021). Aesthetic analysis of cinematic sensibility [Abstract of the dissertation for the PhD (Philosophy): 5.7.3. Saint Petersburg]. (In Russ.).
26. Maksimenko, O. I. (2022). Linguosemiotics of multifandom world. *Bulletin of Moscow Region State University*, 2. (2024, July 9). www.evestnik-mgou.ru (In Russ.).
27. Alekseeva, I. S. (2008). *Text and translation. Theoretical issues*. Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.).
28. Varfolomeeva, Yu. N. (2021). *Verbal semantic field of receptive space in texts of the «description» type* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.02.01. Ulan-Ude]. (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the author

Вера Евгеньевна Горшкова — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры перевода и переводоведения Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

Vera E. Gorshkova — Dr. Sc. (Philology), Full Professor, Professor of Department of Translation and Translation Studies, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Irkutsk State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья
УДК 811.161.1'42

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБРАЗА ГОРОДА: ПОСЛЕВОЕННАЯ МОСКВА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Пром Наталья Александровна

Волгоградский государственный медицинский университет,
Волгоград, Россия,
natalyprom77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2711-4916>

Аннотация. Статья посвящена ценностным характеристикам образа Москвы в середине XX века — эпоху восстановления города после войны. Актуальность исследования обусловлена необходимостью акцентировать внимание современной молодежи на ценностях москвичей, благодаря которым возрождение стало возможным. Статья направлена на выявление аксиосферы в указанном пространственно-временном континууме. Ведущим методом в исследовании выступила семиметрия, вобравшая в себя этапы установления значимой фактологической базы, реконструкцию ценностных установок и классифицирование полученных данных. Выборка исследования составила 112 ценностных суждений и 137 аксиогенных ситуаций-эпизодов, подлежащих процедуре лингвоаксиологического анализа. В статье приведено уточнение понятий «антиценности», «ценностное суждение», «аксиогенная ситуация». Ценности образа послевоенной Москвы объединяют ее лингвоаксиологические характеристики с точки зрения особых хронотопа (время и место) и социума, которые выступают основанием типологизации в данной работе и направлениями аксиологического описания. Исследование выявило такие ценности, как Победа, праздник, обновление, технологии и другие, которые входят в группу ценностей хронотопа Москвы в послевоенный период. Большая группа социальных ценностей москвичей включает в себя ценности витальные, культурные, групповые и эмоциональные. Ценности хронотопа — красота и чистота Москвы, старые архитектурные здания, их история, названия и дворники; социальные ценности — ранжирование сервиса, привилегированные рестораны, американский джаз; а также антиценность «отсутствие смеха» отмечаются как специфичные для Москвы. Описание аксиосферы предполагает большой объем материала и сопровождающего пояснения, полнота которого не может быть вмещена в границы научной статьи. В перспективе исследования видится расширение источников фактологического материала.

Ключевые слова: образ Москвы, лингвоаксиологический анализ, семиметрия, ценности, антиценности, аксиогенная ситуация.

Для цитирования: Пром, Н. А. (2024). Лингвоаксиологические характеристики образа города: послевоенная Москва в публицистическом тексте. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(55), 134–149.

Original article

UDC 811.161.1'42

LINGUISTIC AND AXIOLOGICAL FEATURES OF THE CITY IMAGE: POST-WAR MOSCOW IN A JOURNALISTIC TEXT

Natalya A. Prom Volgograd State Medical University,
Volgograd, Russia,natalyprom77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2711-4916>

Abstract. The article regards the value features of Moscow image created in the middle of the 20th century — the era of the city's restoration after the war. The relevance of the study is due to the need to focus the attention of modern youth on the values of Muscovites, thanks to which the revival became possible. The article aims at identifying the axiosphere in the specified time-spatial continuum. The method in the study was semiometry, which included the stages of establishing a significant factual base, reconstructing value systems and classifying the data obtained. The study data consisted of 112 value judgments and 137 axiogenic situations-episodes, subject to the procedure of linguaxiological analysis. The article clarifies the concepts of anti-values, value judgment and axiogenic situation. The values of the post-war Moscow image included its linguo-axiological features from the point of view of a special chronotope (time and place) and society, which served as the basis for typologization in the work and directions for the axiological description. The study revealed such values as Victory, holiday, renewal, technologies and others, which were included in the group of chronotope values of Moscow. A large group of social values of Muscovites included vital, cultural, group and emotional values. The chronotope values of beauty and cleanness of Moscow, old architectural buildings, their history, names and neighborhood yards; social values of service ranking, high-ranking restaurants and American jazz; as well as the anti-value «lack of laughter» were considered specific for the city of Moscow. The description of the axiosphere requires a large amount of empirical material to be studied together with the accompanying explanation, the completeness of which cannot be contained within the boundaries of a scientific article. New sources of factual material are going to be obtained in the prospect.

Keywords: Moscow city image, linguaxiological analysis, semiometry, values, anti-values, axiogenic situation.

For citation: Prom, N. A. (2024). Linguistic and axiological features of the city image: post-war Moscow in a journalistic text. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(55), 134–149.

Введение

Образ города представляет собой его отражение в индивидуальном или массовом сознании и информацию о нем, непосредственные переживания, совокупность осмысленного опыта и воспоминания (Горелова, 2019, с. 16). Основанный на факте объективной действительности, образ как феномен сугубо субъективный обязательно ограничивает круг воспринимаемого, фокусирует одни детали, дефокусирует другие и скреплен изнутри ценностными установками (Высоковский, 1990; Барабошина, 2019), поэтому является схожим для большинства определенного городского общества.

Образ Москвы, как и других крупных городов с богатой историей, не раз становился объектом исследований в культурологии, литературе, искусстве, истории. В этих работах можно найти образы древнего города, Москвы каждого из веков — с XVI по XXI, обозримых в литературных и исторических источниках. Большинство исследований базируются на словарях и текстах художественной литературы разных эпох, исторических документах и фотографиях. Не является исключением и послевоенная Москва 40–50-х годов XX века.

Лингвоаксиологический аспект образа Москвы того времени, однако, не становился прежде предметом специального лингвистического исследования. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что для тех, кто вырос в условиях патриотического воспитания советской школы и общества, ценности послевоенного времени были очевидны, а трудности и радости людей, переживших ужасы страшной войны, понятны. В этой связи дополнительно исследовать данную проблему не представлялось актуальным.

Не столь явны и близки ценности того времени для современного молодого поколения, большая часть которого не мыслит свою жизнь без комфорта и Интернета, отличается клиповым восприятием и не испытывает любви к чтению проблемных текстов. А ведь именно серьезная художественная литература всегда была главным источником информации для формирования ментального образа события или явления. Современный читатель предпочитает готовый ферментированный текст, в котором все выводы сделаны и репрезентированы. Вместе с тем в нынешних условиях важной задачей, по нашему мнению, является память о первом десятилетии после Великой Отечественной войны, в период возрождения столицы и всей страны, люди которой были способны совершать подвиги. Необходимо акцентировать внимание на их ценностях, благодаря которым возрождение стало возможным.

Город и его образ многоаспектны, они охватывают такие компоненты, как общество людей и отдельные индивиды, их быт и поступки, строения, история, культура и многое другое. Это составляющие образа Москвы в данной работе.

Цель исследования — выявление аксиосферы как системной совокупности сущностных смыслов общества (Серебреникова, 2015, с. 130) в Москве —

столице Советского Союза — в послевоенный момент истории. В качестве гипотезы принято положение о том, что городская столичная аксиосфера во многом пересекается с национальной аксиосферой того времени, но не совпадает с ней.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили русские очерки о послевоенной Москве и тревелог-репортаж американского репортера Дж. Стейнбека «Русский дневник» (Russian Journal), которые соответствуют следующим критериям.

1. Документальный публицистический текст базируется на «правде факта», описывает события, в которых участвуют реальные люди (Тертычный, 2018, с. 96), а потому видится наиболее информативным и репрезентативным материалом, поскольку обеспечивает объективность и реальность образа благодаря непосредственному восприятию и воспоминаниям.

2. Художественность изложения обуславливает интерпретацию документальных фактов, их авторскую оценку, неявно выраженную в тексте субъективность как маркер аксиологически ценных сведений. Отметим, что в настоящей работе предпочтительна сдержанная авторская оценка с акцентом на событиях, характерная для того вида валоризирующего дискурса, в котором смыслообразование выстроено как структурирование оценочного отношения к объекту (Серебренникова, 2011, с. 46).

3. Образ Москвы не ограничивается тем, какой ее видели местные жители. Весьма интересно взглянуть на нее глазами гостей, иностранцев. Выбор тревелог-репортажа Дж. Стейнбека «Русский дневник» в качестве источника материала обусловлен положением, согласно которому «процесс постижения одного народа другим проходит через диалог культур» (Баранов, 2020, с. 116). Ценности одной культуры проявляются четче в контексте ценностей другой в качестве контрастного параметра. Автор тревелога — американский журналист — приехал в Советский Союз в самом начале холодной войны, для того чтобы максимально объективно, политически отстраненно написать о том, что увидел (Дворяшина, 2020; Поляков, Полякова, 2019). В какой-то степени ему это удалось, однако весь текст пронизан имплицитной, тщательно замаскированной оценочностью и аксиологическим смыслом, поддающимся декодированию.

Методом исследования является семиметрия как способ аксиологического анализа, предложенная Е. Ф. Серебренниковой и предполагающая следующий порядок: 1) установление значимой фактологической базы, включающей в себя эпизоды аксиогенных ситуаций, ценностных суждений авторов публицистических текстов; 2) реконструкция ценностных установок, которыми руководствуется социальная группа «проживающие в Москве», «москвичи»

в послевоенный период, их интерпретация и комментирование; 3) обобщение полученных данных, их классификация, позволяющие судить о предпочтениях и тенденциях в обществе (Серебренникова, 2011, с. 41). Фактологическую базу исследования составили 112 ценностных суждений и 137 аксиогенных ситуаций-эпизодов.

Ценностное суждение и аксиогенная ситуация

Первый этап нашей работы заключался в установлении значимой фактологической базы. В этой связи необходимо привести уточнение понятий «ценностное суждение» и «аксиогенная ситуация» как единиц нашего исследования. Ценностные суждения, будучи мыслительными актами конкретного человека, являют собой произвольные высказывания о его чувствах, оценках или предпочтениях, к которым не применим критерий истинности/ложности (Мизес, 2020). Ценности в таких суждениях чаще всего бывают выражены эксплицитно, например *У Маргариты был волшебный голос и бесконечная доброта, обращенная ко всему миру* (Трифонов О. Миуссы). Данное ценностное суждение говорит о том, что в основе очевидной положительной оценки голоса учительницы музыки лежит ценность хороших вокальных данных (*волшебный голос*) как эстетическая ценность. Человеческое качество «доброта» само по себе — ценность, которая по разным классификациям может относиться к личностным, моральным и нравственным ценностям.

Аксиогенная, или ценностнопорождающая, ситуация представляет собой положение дел, допускающее переосмысление и, главное, эксплицитно либо имплицитно выражающее ту или иную ценность как ориентир поведения (Карасик, 2019, с. 8). Аксиогенные ситуации в нашем материале — реальные события, они конструкционно содержат интригу (инициальную стадию) и развязку (финал). Причем финальная стадия бывает в разной степени неожиданной, но обязательно содержит в себе информацию, которая заставляет реципиента определить свою нравственную позицию, отношение к миру (Там же), например *...А еще в Москве были барахолки, где можно было продать/купить всё что угодно. <...> Однажды мы с сестрой поехали туда покупать ей сапоги. Видим человека: держит в руках один сапог, демонстрирует, дает примерить. «Второй, – говорит, – вот он, в коробке». Сестра просовывает руку в коробку, нащупывает голенище... Примеряет сапог. Всё в порядке. Расплачиваемся, суем второй сапог в коробку, приезжаем домой. Не терпится обуть новые сапоги! Лезем в коробку и видим: там один сапог и свернутый в трубку кусок грубой кожи* (Шор Е. Один сапог).

Инициальной стадией данной аксиогенной ситуации служит описание покупки сапог, развязкой — обнаружение обмана. Нравственная оценка ситуации

не представляется однозначной. Несмотря на очевидность негативного поступка продавца, совершившего мошенничество, что выступает урбанистической правовой антиценностью, заслуживающей осуждения, более глубокая интерпретация лингвоаксиологического контекста позволяет выявить его поучительный момент. В послевоенной Москве люди не спешили осуждать друг друга: все находились в тяжелых условиях и выживали по-разному. Отсутствие в тексте открыто выраженного осуждения обманщика свидетельствует скорее о растерянности и горьком разочаровании неудачливых покупателей. Урок таков: нужно тщательно изучать товар при покупке на рынке и не доверять уличным торговцам. Ценность: осторожность и внимательность в потенциально опасных обстоятельствах, которые, несомненно, возникают в послевоенном городе. Антиценность: осуждение.

Помимо ценностей послевоенной Москвы, важно выявить ее антиценности — то, чего хотелось избежать, но оно неизменно присутствовало в жизни: война, голод, страх. Ценности и антиценности выделены в тексте статьи полужирным курсивом.

Ценности послевоенной Москвы

В современной аксиологии разработано множество критериев для классификации ценностей, исчерпывающее описание которых едва ли представляется возможным (Пром, 2021). Оставим за пределами рассмотрения их длинные списки, составленные для человечества в целом, разных этносов, социальных групп, дискурсов и эпох. Лингвоаксиологический анализ нашего материала выявил 54 ценности и 37 антиценностей. Ценности образа послевоенной Москвы включают в себя ее лингвоаксиологические характеристики с точки зрения особых хронотопа (время и место) и социума, которые целесообразно рассматривать как направления описания выявленных ценностей.

Ценности хронотопа

Безусловной ценностью, событием, определившим изучаемую в данной статье эпоху, выступает *Победа* 1945 года — основа будущего всей страны: *на Красной площади народ все прибывал, чужие люди целовались, военных качали, был грандиозный фейерверк* (Тайц Н. День Победы с сыном Юрой). Любые *праздники* были ценны в это время. В сентябре 1947 года *«город справлял свое 800-летие, которое собирались празднично и торжественно отметить. А вскоре после этого наступала 30-я годовщина Октябрьской революции»* (Стейнбек Дж. Русский дневник). *Красота Москвы* в эти важные даты была необходимым условием: *Электрики развешивали гирлянды*

лампочек на зданиях, на Кремле, на мостах. Работа не останавливалась вечером, она продолжалась ночью при свете прожекторов, город прихорашивался, приводился в порядок: ведь это будет первое послевоенное торжество, первое за многие годы (Там же).

Старые архитектурные здания еще сохранились в Москве и создавали особый уют столицы: Дом был красивым, он и сейчас выглядит импозантно. Промышленная архитектура конца XIX – начала XX веков была изящной и выразительной (Трифонова О. Миуссы). Для москвичей ценны многие **старые названия и места, известные и уникальные в историко-культурном отношении**: Я родилась и выросла на Миуссах. Загадочный топоним. Миуссы — это район возле Белорусского вокзала. <...> Эти места описаны в романе «Доктор Живаго», неподалеку родился автор (Там же). К наиболее привлекательным для детей местам в городе относились **помойки** — бездонный источник **полезных вещей** (сами по себе уже ценность в условиях бедности), о которых упоминают многие авторы очерков: На заднем дворе жива инженерная помойка моего детства — совершенно необыкновенная. Из миитовской [МИИТ — Московский институт инженеров транспорта. — Н. П.] помойки всегда можно выудить пестрые мотки проволоки, обрезки железа, обломки загадочных механизмов немыслимой красоты и пользы (Бунимович Е. Неглинка...).

Для иностранцев в Москве ценными были такие урбанистические феномены, как **чистота, новые здания, модернизация**: Многие улицы были вымыты и вымощены. За эти одиннадцать лет выросли сотни высоких новых жилых домов, и новые мосты через Москва-реку, улицы расширяются, статуи на каждом шагу. Исчезли целые районы узких и грязных улочек старой Москвы, и на их месте выросли новые жилые кварталы и новые учреждения (Стейнбек Дж. Русский...). Коренных москвичей **обновление** не всегда радовало и воспринималось порой как антиценность, может быть потому, что оно было каким-то неправильным: Однажды наш дом обновили — темные бревна обшили новыми досками. Дом помолодел и поскущел (Бунимович Е. Неглинка...).

Сложные устройства и технологии как продукты инженерной мысли удивляли и завораживали людей, проживавших в послевоенной разрухе: До станции Карачарово, откуда мы ездили, еще и три с половиной километра идти надо было. Но когда приходили, смотрели, а там чудо и красота — паровые поезда (Белков Н. Потерянные...). К технологиям мы относим технику, новую для того времени: автомобили — легковые и грузовые — американского и европейского производства, железнодорожную технику, появившуюся в стране (и особенно в столице) по ленд-лизу. Они имеют место в воспоминаниях жителей и гостей столицы конца 40-х – начала 50-х годов. Люди поднимали страну, темпы были невероятные.

Социальные ценности москвичей в середине XX века

Социальные ценности москвичей составляют большую группу, которая требует дополнительной классификации (Vieyt, 2022), поэтому рассмотрим ценности витальные, культурные, групповые и эмоциональные. Самая многочисленная группа — **витальные ценности**, или ценности жизни, основаны на первичных потребностях человека, направленных прежде всего на обеспечение питания, жилища, сохранение здоровья, безопасности, сохранение семьи и др. Ценности выживания были первостепенными в условиях послевоенной Москвы и едва ли отличались от ценностей любого другого места на территории страны в это время.

Еда представляла несомненную ценность. Хлеб до 1947 года выдавался по **карточкам**, которые также становились бесценными: *Я один раз потерял все карточки на месяц. Мне тогда три или четыре годика было. Вот мать лупила меня! Прямо по жопе веревкой, а как же? И плакала. Кушать было нечего, страна голодала* (Белков Н. Потерянные...). В 50-е годы уже доступными ценностями можно было назвать вкусные продукты и **сладости**: *В киоске продавали немыслимо вкусное фруктовое мороженое в картонном стаканчике и газированную воду с сиропом* (Трифонов О. Миуссы). О них можно было мечтать и даже иногда покупать.

Жилище — еще одна важная витальная ценность. Жили люди по-разному: *Сергей Филиппович жил на углу Садовой и Дмитровки в огромной коммуналке в старинном доме, занимал с женой комнату, а его отец спал в стенном шкафу в коридоре* (Там же). Те, кто занимал высокие должности, и их семьи жили в **отдельных квартирах** — еще долгое время недостижимой мечте многих москвичей. Вне зависимости от условий проживания москвичам сильно не хватало **удобств**, которые были ценностью: *В сороковые и пятидесятые была проблема — мытье. Ведь никаких ванн и душей в наших домах и помину не было* (Жданова Т. Баня). Сама **баня** стала ценностью: *Баннный день был суббота, и это было святое* (Гаврилов Ю. Баннный...). **Ванная** даже в отдельных квартирах считалась роскошью и была доступна разве что иностранцам в гостиницах «Метрополь» и «Савой», да и там не все было идеально: *Наша ванная, а мы прославились по всей Москве, обладая собственной ванной, имела ряд особенностей. Войти в нее было не так-то просто, — нельзя было открыть дверь и зайти, потому что на пути двери стояла ванна. <...> Ванна была старой, может, даже дореволюционной, эмаль на дне содрана, и поверхность стала, как наждак. <...> В то время как все краны текли — в туалете, над раковиной и в самой ванне, — все водостоки были практически водонепроницаемы* (Стейнбек Дж. Русский...). Москвичи были бы безмерно счастливы иметь столь «роскошные» условия и, наверное, не стали бы жаловаться на такие мелочи, поскольку едва ли были так же притязательны.

К витальным ценностям относится **здоровье**: *И мама, и папа были равно одержимы страхом, что мы с сестрой можем подхватить какую-нибудь заразу* (Гаврилов Ю. Банный...). Дети также понимали важность этого вопроса: *В детскую поликлинику мы добровольно ходили лечиться. Родители нас не проверяли, но инстинкт подсказывал, что выживают здоровые, на больных у родителей не хватит ни сил, ни времени, и мы не пренебрегали даже отвратительной процедурой выбивания гнойных пробок из желез после ангины* (Трифонова О. Миуссы). Здоровье зависело во многом от соблюдения правил **гигиены** в общественных местах, наиболее популярным и посещаемым по вышеуказанным причинам была баня: *Шайки в бане были оцинкованными. Их надо было сначала как следует помыть, потом ошпарить кипятком, и место на лавке тоже надо было ошпарить, чтобы не подхватить какую-нибудь инфекцию* (Жданова Т. Баня). Необходимость беречь здоровье была крайне значимой для людей на фоне большого количества увечий, полученных на войне.

К группе витальных ценностей всегда относилась **безопасность**. Настороженность и даже **страх** не оставляли людей в тяжелых условиях, особенно страх за детей, которые оставались без присмотра, пока родители тяжело работали и восстанавливали город: *Мне строго-настрого было запрещено вступать в беседу с посторонними людьми — в городе было не очень спокойно* (Крапивина С. Эскимо на палочке). **Вражда** между детьми из разных районов была обычным делом. В таких условиях ребенку часто нужно было преодолеть себя, справиться с вызовом страха, проявить **смелость**: *Но для меня важнее была, естественно, не сама булочная, а дорога к ней. Это был мой переход Суворова через Альпы, перелет Чкалова через океан. По дороге поджидало так много всего интересного и опасного: кусты, задворки, помойки, местная шпана...* (Бунимович Е. Неглинка...).

Семейные ценности относятся к витальным, понимаются конвенционально, и, как показывает современная история, не трудные времена их меняют. Крепкая большая **семья** — залог продолжения рода и выживаемости. Родственные отношения москвичи поддерживали и выручали друг друга: *Мы, бабушка, мама и я, ходили иногда мыться к бабушкиному племяннику, дяде Володе. Дома у него собиралась целая компания. <...> После мытья в ванной, которое растягивалось на несколько часов, все усаживались за стол, и начинался настоящий праздник, иногда даже с танцами под патефон или электропроигрыватель* (Добровольский Л. В баню в мужской компании).

Детей берегли и о них заботились по мере возможности: *Мама работала то в первую смену, то во вторую. Оставляла меня на соседей. Все так делали. Общение тогда людское было, понимаешь?* (Белков Н. Потерянные...). В гостях иногда, казалось, было лучше: *Нам нравилось приходить в это светлое, сытное и уютное тепло из наших домов, где измученным заботами родителям было не до нас, где из каждого угла глядела на нас нужда* (Дымова Е. Пирожки

с капустой). **Родительское воспитание** порой было незатейливым, но действенным и эффективным: *И эти удары и шлепки я запомнил на всю жизнь. До этого меня никогда не пороли. Мне кажется, именно с этого момента я начал что-то понимать в жизни. Я этой порке благодарен* (Розанцев В. Две истории о смерти вещей. История с поркой).

В трудные времена витальными становятся **коллективистские ценности** — общения и взаимопомощи. Двор был не просто площадкой возле дома, но и местом реализации такой ценности, как **общение** жильцов. На **помощь** соседей и знакомых могли рассчитывать и готовы были помогать: *Все друг другу помогали — это и была война* (Белков Н. Потерянные...).

Хотя ценности витальные, безусловно, первостепенны в жизни каждого человека, важен также тот факт, что любое общество без культуры обречено на быструю деградацию. **Культурные ценности** — это все то, что составляет сверхприродную сущность человека (в нашем материале — квалификация, благосостояние, искусство) и выполняет самые разные функции в его жизни: координирующую и регулирующую поведение и деятельность человека, стимулирующую новые достижения и др. (Morris, 2013). Информация о культурных ценностях раскрывает особенности восприятия москвичами окружающего мира.

Не всякие профессии ценились как полезные в послевоенной Москве. **Профессии в сфере услуг**, которая в советские времена была крайне востребована, но исключительно слабо развита, считались значимыми: *Пространщик* (работник в предбаннике. — Н. П.) указывал место на диване, у него хранились деньги и часы клиента, он мог подать пива, организовать выпивку (в бане не отпускают, а пространщик отпускал). <...> *Пространщики цену себе знали, держались с достоинством английских дворецких* (Гаврилов Ю. Баный...). Особо ценился **шофер**, что чрезвычайно удивляло иностранцев, приехавших к услугам такси: *Одному из корреспондентов не повезло с шофером. Ему нужна была машина, и для иностранца лучше, когда его возит по Москве русский шофер. Но вот с заменой шофера ему не везло. Проблема заключалась в следующем: шофер был довольно хороший, но когда машина освобождалась, он подвозил любого, кто был готов заплатить сотню рублей. Шофер богател, а машина ветшала. Корреспондент ничего не мог поделать потому, что как только он выражал недовольство, у шофера портилось настроение, и тут же что-то случалось с машиной: она неделями не выходила из гаража. Поэтому ради того, чтобы пользоваться своей же машиной, ему приходилось поддерживать у водителя хорошее настроение. Несколько раз он менял водителей, но результат был тот же* (Стейнбек Дж. Русский...).

Благосостояние представлялось по меньшей мере труднодостижимым для простого человека, но очень притягательным. По понятным причинам **бедность** была во всем: *Женщины очень мало или совсем не пользовались косметикой, одежда была опрятной, но не очень нарядной. Большинство мужчин носило*

военную форму, хотя они уже не служили в армии (Стейнбек Дж. Русский...). Но людям хотелось большего — удобной, **красивой одежды**: Мечтой Дуси была чернубурка как у докторши (Трифонова О. Миуссы); даже в некотором смысле **шика**: *Очень хотелось освежиться одеколоном: зеленым «Шипром», или «Полетом», или же «Тройным»* (Гаврилов Ю. Банный...).

В Москве сфера бытовых услуг располагала **ранжированием сервиса**, где высший разряд в бане простые люди позволить себе не могли, но он существовал и пользовался спросом: *Как мне хотелось с этим венником войти в высший разряд, где, по слухам, был бассейн, но высший разряд стоил 10 рублей, <...> Женского высшего разряда не было. Первый разряд стоил 3 рубля со взрослого и 1 рубль с ребенка, а второй — 2 рубля и полтинник с ребенка* (Там же).

Культурные ценности обязательно включают в себя искусство. В исследуемом материале выявлены **клуб** и **кино**: *А клуб... клуб дарил счастье и чувство благодарности на всю жизнь. Там впервые увидела фильм, это была лента «Леди Гамильтон» с Вивьен Ли, и там я навсегда полюбила кино* (Трифонова О. Миуссы). В записях американского журналиста находим художественную ценность **«реализм»** в советском изобразительном искусстве и категоричное **отрицание субъективизма**: *Абстракционисты были для нее американскими декадентами. <...> Единственное искусство, которое ей действительно нравилось, была фотографическая живопись девятнадцатого века. Мы обнаружили, что это не ее личная точка зрения, а общее мнение* (Стейнбек Дж. Русский...). Обращает на себя внимание последнее предложение из цитаты, которое свидетельствует о декларируемости и некоторой безосновательности данных ценностей.

Моральные ценности выступают основаниями для оценки материальных предметов, идей или институтов (Wheeler et al., 2019). Моральному нормированию подлежало в первую очередь поведение девушек и молодых женщин: *Мы узнали, что советскую молодежь захлестнула волна нравственности. <...> Приличные девушки не курят. Приличные девушки не красят губы и ногти. Приличные девушки одеваются консервативно. Приличные девушки не пьют. И еще приличные девушки очень осмотрительно себя ведут с парнями* (Стейнбек Дж. Русский...). Однако перечисленные правила, озвученные советской переводчицей, сопровождавшей американцев в Москве, кажутся в большей степени ханжескими. Суровая реальность могла легко заставить человека забыть о моральных ограничениях под давлением обстоятельств: *Как-то раз что-то случилось с краном, откуда текла горячая вода. Пару набралось больше, чем обычно, и в нем вдруг возникла фигура мужчины, вполне одетого, с инструментами в руках. Он деловито, не обращая внимания на обнаженных женщин, подошел к крану, повертел толстую деревянную ручку, что-то там подправил и так же спокойно ушел. Голые женщины испытали легкий шок, но никто в обморок не упал* (Жданова Т. Баня). Обращает

на себя внимание тот факт, что несмотря на довольно строгие моральные ценности, их нарушение не всегда подвергалось *осуждению*.

Правовые ценности возникают в результате взаимоотношения человека и государства и являются специфическими в силу асимметрии этих отношений (государство – человек), в отличие, например, от нравственных, которые отражают отношения между людьми — членами семьи, общества и т. д. (Бабенко, 2007). В некоторых случаях нарушение закона считалось приемлемым для москвичей, которые проявляли *снисходительность*: *В этот год продукты стали покупать, но муку по три килограмма в месяц давали на человека. Моя первая учительница брала меня с собой, чтобы побольше муки дали. «У меня сын на иждивении!» — говорит. И ей давали* (Белков Н. Потерянные...). Ценился *гуманизм*, человечность поступков, даже если они не были правомерными с точки зрения закона. Пережившие много горя люди не спешили осуждать, и, имея, возможно, опыт нарушения этих правил в своей жизни, находили *оправдание* многим проступкам.

Политические ценности рождаются на социально-психологическом уровне, принимают форму идеологии и выполняют амбивалентную функцию — одновременного объединения и разъединения общества, укрепляя единство одной его части (Бабенко, 2007, с. 4). Основной политической ценностью той эпохи являлась малопонятная детям *идеология*, но они проникались окружающей реальностью и разделяли эту ценность: *В годовщину Дня Победы Юра и его друг прыгали на диване и кричали: «Ура! Мы два Ленина! Мы два Сталина!»* (Тайц Н. День Победы...).

Групповые ценности формируются на основе общих ценностей и модифицируются под групповые интересы. Привилегированной социальной группой в Москве считались высокопоставленные персоны — иностранцы, начальники, «партийные кадры» и пр. *Рестораны высокого ранга* были явлением нечастым, но пользовались популярностью. Здесь даже звучит *американский джаз*, или по крайней мере его подобие, который едва ли можно было услышать где-либо еще: *Коммерческий ресторан в «Метрополе» превосходный. Посреди зала высотой этажа в три — большой фонтан. Здесь же танцевальная площадка и возвышение для оркестра. <...> Оркестр, кстати, очень громко играл самую скверную американскую джазовую музыку, которую нам когда-либо приходилось слышать. Один из пианистов был заядлым любителем буги-вуги, и играл он, между прочим, с большим мастерством и энтузиазмом* (Стейнбек Дж. Русский...).

К групповым относятся **ценности низшие**, от которых маргинальной части московского общества трудно было избавиться. В отличие от антиценностей, которые противопоставлены ценностям, таким как, например, реализм и абстракционизм в живописи, смелость и страх, низшие ценности стереотипны, порочны и, отключая нравственное начало человека и притупляя его сознание, быстро поднимают настроение. К ним относятся *вульгарность*

и *низменность*, например *Окно, которое тоже притягивало наше порочное любопытство, располагалось над пристройкой к родильному дому. Из его раскрытых окон летом раздавались душераздирающие вопли, а за окном над пристройкой готовили рожениц: подготовка заключалась в осмотре и бритье причинных мест.* <...> мальчишки во главе с Пиней Рыжим залезли на крышу пристройки регулярно (Трифонова О. Миуссы).

Ценности эмоциональные — это значимые для человека переживания чувств и эмоций. Несмотря на их безусловную субъективность, в очерках обнаруживаются эмоциональные характеристики, общие для москвичей послевоенных лет. Вместе пережитые события и сохранявшиеся беспокойные обстоятельства были, очевидно, причиной такой схожести. Одна из таких характеристик состояла в *отсутствии смеха*: *Мы заметили, что люди здесь совсем не смеются.* <...> *Смеются в деревнях на Украине, в степях, в Грузии, но Москва — очень серьезный город* (Стейнбек Дж. Русский...). Особенно заметным было *одинокчество* женщин, переживших войну, своих мужчин и несущих на своих плечах груз восстановления всей страны. Но москвичам не хотелось думать о *печали*, они ценили каждый миг *радости*: *Мы радовались любому пустяку и совершенно не сознавали всего убожества нашей жизни* <...> *А сама жизнь и была радостью* (Трифонова О. Миуссы).

Выводы

Аксиосфера образа послевоенной Москвы середины XX века включает в себя лингвоаксиологические характеристики города с точки зрения его особых хронотопа и социума. Исследование показало, что ценности хронотопа — красота и чистота города, старые архитектурные здания, их история, названия и дворики — специфичны для Москвы. Среди социальных ценностей таковыми являются ранжирование сервиса, привилегированные рестораны, американский джаз; а также антиценность «отсутствие смеха». Описание аксиосферы предполагает большой объем материала и сопровождающего пояснения, полнота которого не может быть вмещена в границы научной статьи.

Список источников

1. Бабенко, А. Н. (2007). Государство и правовые ценности. *Вестник ЮУрГУ. Серия: Право*, 9(81), 3–7.
2. Барабошина, Н. В. (2019). Образ города как социокультурный процесс. *Ярославский педагогический вестник*, 6(111), 229–234.
3. Баранов, И. А. (2020). Культурные мифы о советских людях и СССР в «Русском дневнике» Дж. Стейнбека. *INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения*, 3, 115–118.
4. Высоковский, А. А. (1990). Субстанциональные свойства среды. В А. А. Высоковский, Г. З. Каганов (Ред.). *Городская среда: проблемы существования*, 15–53.

5. Глухова, О. В., Евсюкова, Т. В., & Казанская, Е. В. (2022). Проблема аксиологической вариативности словаря культуры в условиях пандемии. *Вестник КНИИ РАН. Серия: Социальные и гуманитарные науки*, 1(1), 137–142. <http://dx.doi.org/10.34824/VKNIPRAN.GUMNAUKI.2022.1.1.017>
6. Горелова, Ю. Р. (2019). *Образ города в восприятии горожан*. Институт Наследия.
7. Дворяшина, В. С. (2020). Особенности композиции «Русского дневника» Джона Стейнбека. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 13(8), 1, 63–67.
8. Карасик, В. И. (2019). *Языковые мосты понимания*. Дискурс.
9. Кокина, К. В. (2019). Векторы эволюции ценностных ориентиров персональной аксиосферы в современном медийном дискурсе. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание*, 18(2), 195–203. <http://dx.doi.org/https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.1>
10. Мизес, Л. (2020). *Теория и история. Интерпретация социальной и экономической эволюции*. Социум.
11. Поляков, О. Ю., & Полякова, О. А. (2019). Проблемы рецепции и репрезентации «другой» культуры в «Русском дневнике» Дж. Стейнбека. *Филология и культура*, 2(56), 184–189.
12. Пром, Н. А. (2021). Метод субъектного позиционирования как способ выявления аксиологических характеристик (на примере медиатекста). *Верхневолжский филологический вестник*, 4(27), 135–143. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-135-143>
13. Серебренникова, Е. Ф. (2015). Аксиологическое измерение дискурса. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*, 21(732), 128–137.
14. Серебренникова, Е. Ф. (2011). Семиометрия как способ аксиологического анализа. В Л. Г. Викулова (Ред.). *Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов* (с. 41–48). Тезаурус.
15. Тертычный, А. А. (2018). Публицистика в современных российских СМИ: рефлексия и практика. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*, 23(1), 95–102. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2018-23-1-95-102>
16. Morris, M. W. (2013). Values as the Essence of Culture. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 45(1), 14–24. <http://dx.doi.org/10.1177/0022022113513400>
17. Vieyt, R. (2022). Social values and their role in society. *Global Journal of Sociology and Anthropology*, 11(662), 001–002. <https://www.internationalscholarsjournals.com/articles/social-values-and-their-role-in-society.pdf>
18. Wheeler, M. A., McGrath, M. J., & Haslam, N. (2019). Twentieth century morality: The rise and fall of moral concepts from 1900 to 2007, *PLoS One*, 14(2): e0212267. <http://dx.doi.org/10.1371/journal.pone.0212267>

References

1. Babenko, A. N. (2007). State and legal values. *Bulletin of South Ural State University. Series: Law*, 9(81), 3–7. (In Russ.).
2. Baraboshina, N. V. (2019). The city image as a sociocultural process. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 6(111), 229–234. (In Russ.).

3. Baranov, I. A. (2020). Cultural myths about Soviet people and the USSR in J. Steinbeck's «Russian Journal». *INITIUM. Fiction: An Experience of Contemporary Reading*, 3, 115–118. (In Russ.).
4. Vysokovsky, A. A. (1990). Substantial properties of the environment. In A. A. Vysokovsky, G. Z. Kaganov (Eds.). *Urban environment: problems of existence*, 15–53. (In Russ.).
5. Glukhova, O. V., Evsyukova, T. V., & Kazanskaya, E. V. (2022). The problem of axiological variability of the cultural vocabulary in a pandemic. *Bulletin of the Research Institute of the Russian Academy of Sciences. Series: Social and Humanitarian Sciences*, 1(1), 137–142. <http://dx.doi.org/10.34824/VKNIIRAN.GUMNAUKI.2022.1.1.017> (In Russ.).
6. Gorelova, Yu. R. (2019). *The image of the city in the perception of citizens*. Heritage Institute. (In Russ.).
7. Dvoryashina, V. S. (2020). Features of the composition of «The Russian Diary» by John Steinbeck. *Philology. Theory & Practice*, 13(8), 1, 63–67. (In Russ.).
8. Karasik, V. I. (2019). *Language bridges of understanding*. Discourse. (In Russ.).
9. Kokina, K. V. (2019). Vectors of the evolution of value guidelines of the personal axiosphere in modern media discourse. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 18(2), 195–203. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.1> (In Russ.).
10. Mises, L. (2020). *Theory and history. Interpretation of social and economic evolution. Society*. (In Russ.).
11. Polyakov, O. Yu., & Polyakova, O. A. (2019). Problems of reception and representation of «another» culture in J. Steinbeck's «Russian Diary». *Philology and Culture*, 2(56), 184–189. (In Russ.).
12. Prom, N. A. (2021). The method of subject positioning to identify axiological characteristics (by the example of a media text). *Verhnevolzhski philological bulletin*, 4, 135–143. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-135-143> (In Russ.).
13. Serebrennikova, E. F. (2015). Axiological dimension of discourse. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University*, 21(732), 128–137. (In Russ.).
14. Serebrennikova, E. F. (2011). Semiometry as a method of axiological analysis. In L. G. Vikulova (Ed.). *Linguistics and axiology: ethnosemiometry of value meanings* (pp. 41–48). Tezaurus. (In Russ.).
15. Tertychny, A. A. (2018). Journalism in modern Russian media: reflection and practice. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 23(1), 95–102. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2018-23-1-95-102> (In Russ.).
16. Morris, M. W. (2013). Values as the Essence of Culture. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 45(1), 14–24. <http://dx.doi.org/10.1177/0022022113513400>
17. Vieyt, R. (2022). Social values and their role in society. *Global Journal of Sociology and Anthropology*, 11(2), 001–002. <https://www.internationalscholarsjournals.com/articles/social-values-and-their-role-in-society.pdf>
18. Wheeler, M. A., McGrath, M. J., & Haslam, N. (2019). Twentieth century morality: The rise and fall of moral concepts from 1900 to 2007, *PLoS One*, 14(2): e0212267. <http://dx.doi.org/10.1371/journal.pone.0212267>

Информация об авторе / Information about the author

Наталья Александровна Пром — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных и латинского языков Волгоградского государственного медицинского университета.

Natalya A. Prom — Dr. Sc.(Philology), Associate Professor, Head of the Department of Foreign and Latin Languages, Volgograd State Medical University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научно-теоретическая статья
УДК 81:1

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЧУЖДОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ (XX–XXI ВЕКА)

Суворова Елена Владимировна

Российский государственный университет нефти и газа
(национальный исследовательский университет) им. И. М. Губкина,
Москва, Россия,
suvorlen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5821-3952>

Аннотация. В статье дан системный анализ концептуальных представлений о чуждости в рамках социально-гуманитарных наук: лингвокультурологии и антропологии, философии и культурологии, лингвистики и этнолингвистики. Анализ проводился на материале 65 научно-теоретических и научно-исследовательских работ в вышеперечисленных областях знания и был нацелен на раскрытие того, что лежит за пониманием чуждости через призму междисциплинарных подходов. Был сделан ряд выводов о том, что градуальное противопоставление *свой – другой – иной – чуждой – чуждый* может выстраиваться по-разному: как *Я* и *Другой (Другие)*, *Я* и *НЕ-Я*, *свой – чуждой*, *свой – иной*; представление о чуждом закладывается вместе с аффективно-перцептивно-когнитивными культурными установками, интериоризируется в процессе взросления и переходит в разряд бессознательного. Бинарная оппозиция *свой – чуждой (иной, чуждый)* может быть глобальной, т. е. включать в себя иные оппозиции типа *хороший – плохой, праведный – греховный, чистый – нечистый* и др. Оппозицию *свое – чуждое (иное, чуждое)* можно также представить как трехуровневую систему: близкое (мирское, понятное) – дальнее (чуждое, сакральное, непонятное, мистическое); ближайшее к моему кругу общения – далекое от меня, моего круга общения; индивидуальное (принятое лично мной на уровне ценностей и верований) – социальное (т. е. ценности и верования, которые я могу принимать или не принимать). Именно язык становится триггером для запуска опознавательной системы *свой – чуждой*, поскольку в языке заложен индивидуальный и культурный опыт, который позволяет индивиду дифференцировать окружающий мир на уровне *мирского – сакрального; близкого – далекого, приемлемого – неприемлемого* через призму ценностных ориентаций.

Ключевые слова: концепт, чуждость, бинарная оппозиция, сигнальная система «свой – чуждой».

Для цитирования: Суворова, Е. В. (2024). Развитие концептуальных представлений о чуждости в социально-гуманитарных науках (XX–XXI века). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(55), 150–164.

Original article

UCD 81:1

THE EVOLUTION OF CONCEPTUAL VIEWS ON *ALIENNESS* IN THE HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

Elena V. Suvorova National University of Oil and Gas «Gubkin University»,
Moscow, Russia,suvorlen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5821-3952>

Abstract. The article presents a systematic analysis of the concept *alienness* within the frameworks of various social and humanitarian theories, belonging to the following spheres: cultural linguistics and anthropology, philosophy and cultural studies, linguistics and ethnolinguistics. The analysis relies on the basis of 65 scientific and research works in the mentioned above areas of knowledge and aims at revealing the conceptual content of *alienness* through the prism of interdisciplinary approaches. It concludes that the gradual opposition *other – different – foreign – alien* can be built with various components, such as: *I – Another one (Others), I – NOT-ME, own – alien, close – different*. The idea of *alien* is intertwined with affective-perceptual-cognitive cultural attitudes, which are internalized in the process of growing up and afterwards evolve into the category of the unconscious. The binary opposition *own – alien (other; different)* can be global, i. e. include other oppositions such as *good – bad, righteous – sinful, pure – wicked*, etc. The opposition *self – alien (other; alien)* can also be represented as a three-level system: close (secular, understandable) – distant (alien, sacral, mystical); close to my social circle – far from my social circle; individual (accepted by me personally at the level of values and beliefs) – social (i. e. values and beliefs that I may or may not accept). It is the language that becomes a trigger launching the identification system «friend – foe», as it keeps the individual and cultural experience, which allows an individual to differentiate the surrounding world at the level of the *secular – sacral; close – distant* (in terms of belonging to a certain social or ethnic group) *acceptable – unacceptable*.

Keywords: concept, alienness, binary opposition, signaling system «friend – foe».

For citation: Suvorova, E. V. (2024). The evolution of conceptual views on *alienness* in the humanities and social sciences. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(55), 150–164.

Введение

Вопрос осознания *себя* через противопоставление *я – другой* поднимался со времен философии Р. Декарта и далее — Г. В. Ф. Гегеля, Л. А. фон Фейербаха, М. Хайдеггера, М. М. Бахтина, М. Бубера, Х. Г. Гадамера и других, хотя, как мы полагаем, являясь экзистенциальным, он не мог не занимать умы философов начиная с еще более древних времен.

В частности, еще Аристотель в «Большой этике» (книга II, глава XV), не противопоставляя *себя* и *другого*, говорит о важности наличия *другого* для познания себя.

Постепенное расширение оппозиции *я – другой* до градуального противопоставления *свой – иной – другой – чужой – чуждый* включало все большее количество дискуссионных аспектов в непростую проблему понимания *себя* в противопоставлении *другому* и, как следствие, того, что же в итоге представляет собой *другой*. Очевидно одно: осознание данной градуальной оппозиции, крайними точками которой являются *свой* и *чуждый* как диаметрально противоположные и несущие наиболее явные, полярные характеристики, позволяет проникнуть в суть противопоставления *себя другому* и, соответственно, восприятия *другого* как *иного*, *чужого*, или *чуждого*.

Изучение феноменологических представлений о *чуждости* включает в себя целый ряд вопросов: Что такое *чуждость*? В чем и как она выражается? Есть ли параметры, по которым мы можем ее измерить? Каковы отличия *чуждого* от *иного* или *чужого* и можно ли сказать, что *другой* — это изначально *чуждый*? Поиск ответов на эти вопросы возможен только на перекрестье целого ряда наук: философии, лингвокультурологии, лингвистики, культурной антропологии, когнитивных исследований языка и др. И поскольку часть из перечисленных здесь наук возникла относительно недавно, мы ограничили рассмотрение данной проблемы XX–XXI веками. Еще одним важным фактором при изучении феномена *чуждость* стал системный подход: мы посчитали необходимым подойти к изучению феномена *чуждость* с позиций лингвокультурологии и антропологии, далее — философии и культурологии, и, наконец, лингвистики и этнолингвистики. Такой подход позволил нам исследовать выдвинутую проблему наиболее полно.

Как показало изучение научной литературы по названным направлениям, многие моменты, которые мы выделили в качестве ключевых, находили свое отражение одновременно в нескольких науках, что, на наш взгляд, еще раз подтверждало их значимость.

Методология исследования

Проблема концептуальных представлений о *чуждости*, в связи со своей сложностью и многогранностью, необходимостью привлечения данных разных наук, решалась с использованием междисциплинарного подхода, а также общетеоретических методов анализа и синтеза. Материалом исследования послужили научные концепции и исследования, относящиеся к XX–XXI векам. Выбор данного периода был обусловлен временем появления таких наук, как антропологическая лингвистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика и других, представляющих новый взгляд на заявленную проблему. В работе

не ставилось целью разграничить концептуальные представления, лежащие в основе градуальной оппозиции *другой – иной – чужой – чуждый*, так как в рассматриваемых в рамках нашей статьи концепциях слова «свой», «иной», «чужой» и «чуждый» использовались как синонимы.

Развитие взглядов на проблему чуждости с позиций лингвокультурологии и антропологии

Развитие взглядов антропологов и культурологов на проблему *чуждости* лежит в плоскости взаимовлияния и взаимозависимости языка, культуры и мышления.

Изучая культуру и обычаи первобытных племен, многие лингвокультурологи и антропологи (Ф. Боас, Э. Сепир, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс и др.) указывали на необходимость «приспособить свой ум к уму изучаемого им народа» (Боас, 1926, с. 55). По их мнению, чуждость первобытной культуры для европейца заключалась в том, что последний пытался ее измерять, опираясь на свои собственные культурные шаблоны, совершенно отличные от тех, которые были приняты в первобытных племенах. Именно в этом лежало ошибочное представление о туземцах как о людях с более примитивным уровнем мышления по сравнению с современными европейцами. Изучая пралогическое мышление первобытных цивилизаций, Л. Леви-Брюль отмечал его мистичность, нелогичность, субъективность, нечувствительность к противоречиям и опыту, подчиненность закону партиципации, и тем не менее он указывал на то, что и логическое, и пралогическое мышление — это два типа мышления, которые могли опознаваться как в первобытном, так и в современном обществе (Леви-Брюль, 2020).

Сохранение и межпоколенная передача культурного своеобразия, сформировавшегося в ходе пралогического и рационального познания окружающего мира, осуществляется благодаря языку. Именно язык накладывает свой отпечаток на мышление, предопределяя способы истолкования действительности, формируя культурно-ориентированный опыт восприятия действительности («миры, в которых живут различные общества, – это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с различными навешанными на него ярлыками» (Сепир, 1993, с. 261). Он вбирает в себя скрытые смыслы, позволяющие нам бессознательно оценивать человека с позиции *свой – чужой* за счет сформировавшейся внутри общества психологически неосознаваемой формальной ориентации, залегающей глубоко в подсознании носителей языка.

Закрепленные в языке культурные стереотипы и поведенческие реакции оказываются распределенными по всей окружающей человека действительности. И в этой связи стоит обратить внимание на отмечаемую Ф. Боасом трехслойность восприятия мира: «Отношения индивидов или групп людей

можно рассматривать тройким образом: 1) как отношения к органическому и неорганическому внешнему миру; 2) как взаимоотношения членов одной социальной группы; 3) как отношения, которые мы за неимением лучшего определения назовем субъективно обусловленными» (Боас, 1997).

Таким образом, с позиции антропологии и лингвокультурологии отношение к иной культуре как к чуждой тесно связано именно с бессознательными, аффективными, усвоенными вместе с культурой, но при этом мистическими, идущими из глубины веков убеждениями и поведенческими установками. Пра-логическое мышление, базирующееся на субъективном, антропометрическом переносе мистических свойств с одного предмета на другой, формировало бессознательное, основанное на внутренних шаблонах, иногда ничем не подкрепленное отторжение одних вещей и принятие других. Именно поэтому отношение к чему-то как к чуждому может оказываться абсолютно нелогичным, не имеющим отношения к опыту и здравому смыслу, и проявляться в форме метафорического переноса, аналогии, партиципации (ср.: отношение к сакральному даже на уровне современного человека). Как следствие, исследование архаических слоев сознания на предмет сохранения в них культурных antecedентов, вероятно, могло бы объяснить прецедентность оппозиции *свой – чуждой*, под которой мы понимаем сохранившуюся в ее основе нелогичность, нечувствительность к противоречиям и опыту, служащую триггером к опознанию *своего* среди *чужих*.

Опираясь на предложенную Ф. Боасом трехслойность ориентации в восприятии окружающего мира, противопоставление *свое – чужое* можно представить как трехуровневую систему личностной оценки окружающего мира по степени расширения кругов: *я как представитель профанного мира* (близкое, мирское, понятное, мое – дальнее, чуждое, сакральное, непонятное, мистическое); *я как представитель своей культуры и ближайшего окружения* (ближайшее к моему кругу общения, домашнее, не подвергаемое сомнению, принятое на уровне рефлексов – далекое от моего круга общения, общественное, подвергаемое критике, сомнению, осуществляемое при обдумывании); *я как индивид* (принятое лично мной на уровне ценностей и верований; то, что я считаю для себя правильным – социальное, т. е. ценности и верования, которые я могу принимать или не принимать; то, что в одних случаях я воспринимаю как допустимое, в других — как недопустимое).

Культурный опыт отражения действительности вербализируется и сохраняется в языке, поэтому даже повседневное высказывание может нести в себе скрытую опознавательную систему *свой – чуждой*, служащую триггером к изменению стиля поведения и общения. Изучение языка на предмет выявления данного скрытого противопоставления оказывается ключом к пониманию субъективной позиции индивида, его ценностной иерархии и мировоззрению.

Развитие взглядов на проблему чуждости с позиций философии и культурологии

Философское и культурологическое понимание *чуждости* нашло свое отражение в работах зарубежных и русских, советских и российских философов и культурологов: Х. Ортега-и-Гассета, Дж. Г. Мида, М. Элиаде, Н. Ф. Лосского, С. С. Аверинцева, А. Ф. Loseва, Ю. М. Лотмана и М. М. Бахтина, Вяч. Вс. Иванова, В. Г. Фельде, К. С. Илиополовой, А. А. Кирзюк, И. В. Пахоловой и др. Их взгляды на проблему *чуждости* оказались созвучными тем идеям, которые мы выделили ранее, в ходе общетеоретического анализа работ антропологов и лингвокультурологов.

Начнем с того, что многие философы указывали на возможность познания *другого* через более близкое с ним общение (Н. Ф. Лосский, Х. Ортега-и-Гассет, М. М. Бахтин). В то же время М. М. Бахтин высказывает мысль о равенстве и тождестве *меня* и *другого*: если бы не было противопоставления *я* – *другой*, не было бы *меня*, поскольку *я* и *другой* были бы неразличимы, но если бы не было тождества между *мною* и *другим*, то не было бы взаимопонимания между *нами*, аргументируя это тем, что «не существует одного только тождества или различия. Каждая единица несет на себе смысловую энергию целого, состоящего, как минимум, из двух частей. Однако, если две вещи только тождественны, они неразличимы» (Бахтин, 2000, с. 50). В этой связи возникает концептуальное, смысловое противоречие, вербализуемое в противопоставлении: *другой* – *чуждый*. Если противопоставление *я* – *другой* может быть построено на понятии тождества индивидов как представителей культуры и их различия на основе личностных качеств, то противопоставление *я* – *чуждый* несет в себе совершенно иную окраску: между противопоставлением *я* – *чуждый* тождество, на наш взгляд, интуитивно исключается. Таким образом, язык на смысловом уровне закладывает наличие/отсутствие возможности культурного, межличностного диалога.

Еще одной ключевой идеей, которую необходимо выделить в связи с изучением феномена *чуждость* в рамках философии и культурологии, стала идея интериоризации специфических культурных и социальных особенностей, которые окружают нас в конкретном социуме с момента нашего рождения и далее в течение всей жизни. Разделяя понятия «I» (Я) и «me» (мне), Дж. Г. Мид подчеркивал разницу между личностными ценностями, установками, взглядами и теми социокультурными установками, которые приобретаются в процессе взросления в конкретном обществе. Если *me* — это то, с чем индивид идентифицирует себя, т. е. интериоризированная им совокупность установок, ушедшая на подсознание и осуществляющая скрытый контроль за его поведением как представителя определенной культуры, то *I* — это проявление себя глубинного, своей индивидуальности, импульсивности, произвольности, эмоционально окрашенная реакция на социокультурное окружение (Мид, 2009).

Именно из интериоризированных коллективных установок возникают, по мнению Х. Ортега-и-Гассета, верования и идеи: то, что навязано обществом; то, что не осознается, становясь в определенной степени условным рефлексом и регламентирует поведение (верования, систему ценностей) и *arriori* принадлежит членам этого общества по праву рождения (Ортега-и-Гассет, 2000). Становится очевидным, что опознание *другого* как *своего* может происходить неосознанно вследствие глубокой интериоризации культурных установок и стереотипов. В этом случае возникает ряд вопросов: какова доля осознанности в опознании *другого* как *чуждого* (*чуждого* или *иного*), в какой момент неосознанная характеристика *другого* как *чуждого* переходит в разряд осознания чужой и влияет ли это на возможность дальнейшего межличностного диалога?

В этой связи речь становится скрытым триггером, вызывающим в человеке нужные социальные установки, которые руководят его поведением: «речь слагается прежде всего из умолчаний» (Ортега-и-Гассет, 2000, с. 680). Именно речь дает доступ к одномоментному и в определенной доле осознанному опознанию *другого* как *иного*, *чуждого* или *чуждого*. В этой связи, цитируя Дж. Г. Мида, отметим, что умолчания, лежащие за речью, могут быть тесно связаны с тем, что «любой физический объект, или перцепт является конструктом, в котором чувственная стимуляция сплавляется с образами, идущими из прошлого опыта» (Мид, 2009, с. 30). Эта точка зрения многократно была доказана в более поздних работах нейрофизиологов, психологов и психолингвистов (например, А. Дамазо, Ф. Е. Василюка, А. Н. Леонтьева, А. А. Леонтьева, Н. И. Жинкина и др.). Сигнальная система *свой – другой – иной – чуждой – чуждый* действительно связана как с аффективными переживаниями, так и с теми, которые идут из нашего прежнего опыта (имеющего как личностные, так и культурные черты). Принадлежа определенной культуре, мы впитываем культурный опыт, который и становится основой вышеупомянутой сигнальной системы.

В продолжение сказанного отметим пересечение идей, выдвинутых антропологами (вернемся к идее «трехслойного восприятия мира» Ф. Боаса), философами и культурологами (Ю. М. Лотманом, Б. А. Успенским, М. Элиаде) по поводу разных уровней противостояния культуры и находящегося в ее рамках индивида; окружающего его мира и социального окружения. Такое противостояние М. Элиаде отмечал на уровне профанного и сакрального миров: мира как Космоса и *иного мира* как Хаоса (Элиаде, 1994), а Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский — на уровне противопоставления культур: «Всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее (“свое”) пространство и внешнее (“их”). Как это бинарное разбиение интерпретируется — зависит от типологии культуры», т. е. от того культурного опыта, который был сохранен в ее памяти (Лотман и Успенский, 1977).

Практическим подтверждением данной мысли может послужить реконструкция древнеславянской картины мира, созданная культурологами Вяч. Вс. Ивановым и В. Н. Топоровым. В основу реконструкции исследователи

положили универсальную систему бинарных оппозиций, в рамках которой противопоставление *свой – чужой* реализуется в трех планах: 1) когда первый член оппозиции (*свой*) означает принадлежность к данной социальной группе, а второй – означает принадлежность преимущественно к иной социальной группе; 2) когда противопоставление *свой – чужой* может интерпретироваться в этническом плане; 3) когда *свой* обозначает принадлежность к человеческому, а *чужой* — к нечеловеческому, звериному, колдовскому (Иванов и Топоров, 1965). Таким образом, противоположение *свой – иной, другой, чужой, чуждый* оказывается:

1) на уровне понимания мироздания (*мирской – сакральный*);

2) функционирования социума (принадлежность к *своей – иной* социальной группе);

3) принадлежности к этносу (и в этом пункте мы видим отличие взглядов Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова от взглядов Ф. Боаса).

Современные исследования оппозиции *свой – чужой* в рамках философии и культурологии XXI века были нацелены на более детальное изучение противопоставления *свой – чужой* (В. Г. Фельде, К. С. Илиопова, А. А. Кирзюк, И. В. Пахолова и др.). В частности, И. В. Пахолова выдвигает идею о том, что различие между *другим* и *чужаком* имеет пространственно-временное измерение. Соглашаясь с Зиммелем, она определяет *чужака* как того, кто далеко, в то время как *другой* — это близкий, чье присутствие всегда ощутимо (Пахолова, 2010). К. С. Илиопова считает, что в культурогенезе бинарная оппозиция *свой – чужой* является конкретизацией исходной оппозиции *я – другой*, раскрываемой далее в триарных структурах *мы – они – вы, я – ты – оно*. Оппозиции *свой – чужой* присуща меньшая степень всеобщности, она способна генерировать новые оттенки смысла, отсутствовавшие в более абстрактных категориальных соотношениях, и конкретизироваться в оппозициях *друга – врага, добра – зла* и т. п. (Илиопова, 2010) А. А. Кирзюк рассматривает *другого* в рамках трех модусов: *ближнего другого, большого другого* и *иногo* и их связи со спецификой дискурса официальной идеологии СССР в 1970-х годах (Кирзюк, 2009). В. Г. Фельде делает попытку раскрыть культурно-антропологический онтогенез оппозиции *свой – чужой* через призму мифологического, религиозного и философского осмысления. Она делает вывод, что оппозиция *свой – чужой* преломляется через оппозиции *мы – они, людь – нелюдь, герой – антигерой* и выявляет три основных типа оппозиции *свой – чужой*: мифологический, религиозный, философский (Фельде, 2015).

Подводя итог сказанному, отметим следующее:

С момента своего рождения индивид интериоризирует установки окружающей культуры до уровня рефлексов, именно поэтому опознание *другого* как *своего* происходит до определенного момента неосознанно. Только очень серьезные различия между *мною* и *другим* могут повлиять на осознание «инаковости» *другого*, переведя его в разряд *чужого* или *чуждого* как непонятного,

неприемлемого, враждебного. Бинарная оппозиция *свой – чужой* служит генерализацией частных противопоставлений *мы – они, людь – нелюдь* или триарных структур *мы – они – вы, я – ты – оно*, при этом противопоставления *свой – чужой* и *свой – чуждый*, которые могут интуитивно различаться носителем русского языка на смысловом уровне, в рамках частных противопоставлений, например *мы – они, людь – нелюдь*, остаются нераскрытыми.

Язык становится триггером для запуска опознавательной системы *свой – чужой*, поскольку именно в языке заложен индивидуальный и культурный опыт, позволяющий определять степень чуждости *другого* на уровне *мирского – сакрального; близкого – далекого* (в ракурсе принадлежности к определенной социальной группе или этносу); *приемлемого – неприемлемого* (на основе ценностных ориентаций). То, что подразумевается под *другим* (*иным – чужим – чуждым*), оказывается оязыковленным только в очень небольшом объеме, оставаясь по большей части скрытым за авторским использованием языковых средств. При этом *чуждость* выступает частью оценки мира в ходе его перцептивного, аффективного и когнитивного восприятия (как например, опознание *своего – чужого* через призму перцепции пространственной и временной ориентации).

Развитие взглядов на проблему чуждости с позиций лингвистики, когнитивной лингвистики и этнолингвистики

Изучение развития представлений о *чуждости* в советской и российской лингвистике и этнолингвистике XX–XXI веков тесно связано с такими именами, как М. И. Стеблин-Каменский, Н. И. Толстой, С. М. Толстая, Т. М. Цивьян, В. Н. Телия и др., и главным образом лежит в плоскости изучения языка и культуры. Современные исследования проводились Ю. Е. Ареевой, Е. В. Кишиной, И. С. Выходцевой, Е. В. Гординко, В. В. Богомазовой, Ю. И. Детинко и др.

Одним из важных акцентов в изучении феномена *чуждость* в рамках лингвистического и этнолингвистического подходов стало объяснение изоморфизма между языком и культурой, предложенного С. М. Толстой. Говоря о функциях языка и культуры, Толстая указывает на их глубокую внутреннюю, двустороннюю связь: помимо общеязыкового значения, в контексте культуры языковые единицы (слова) часто приобретают дополнительные этнокультурные смыслы, фактически не фиксируемые словарями. В этом смысле язык и культура оказываются органически связанными (Толстая, 2010): ни один язык не может рассматриваться вне культуры, а культура вне языка. Культура строится на иерархически организованной системе кодов, вторичных знаковых систем, лишь частично вербализуемых в языке. Прочтение этих кодов с помощью языка открывает доступ к когнитивным, аффективным и перцептивным процессам, лежащим в основе усвоения окружающего мира и закрепленных

в социально-культурных поведенческих установках, присущих народу, и в том числе в обобщенной опознавательной системе *свой – чужой (другой, иной, чуждый)*, включающей в себя другие, частные, бинарные оппозиции типа *хороший – плохой, внутренний – внешний*.

Объяснением и фактологическим примером сказанному могут послужить исследования, проведенные как самим Н. И. Толстым (Толстой, 2003), так и в рамках его школы и нашедшие отражение в словаре «Славянские древности» (Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т., 1995–2014), а также работы Т. М. Цивьян (Цивьян, 2006).

Описывая балканскую модель мира (ММ), Т. М. Цивьян отмечает, что параллельный анализ структуры ММ и структуры языка обнаруживает соответствие набора универсальных семиотических оппозиций ММ набору языковых (лексико-семантических, грамматических) категорий, предполагающее взаимодействие структур в обоих направлениях: от ММ к языку и от языка к ММ. Последнее означает не только то, что ММ может быть описана с помощью языка, но и то, что она может быть описана по принципу языка. Под семиотическими оппозициями она понимает наборы двоичных признаков (например, *свой – чужой*), на основе которых конструируются универсальные знаковые комплексы, раскрываемые в различных иерархически организованных кодовых системах (Цивьян, 2006).

В древнеславянском языческом фольклоре оппозиция *свой – чужой* занимает одно из центральных мест и соотносится с такими оппозициями, как *хороший – плохой, праведный – греховный, чистый – нечистый, живой – мертвый, человеческий – нечеловеческий (звериный, демонический), внутренний – внешний*. С последним признаком связаны представления о *своем* и *чужом* пространстве, которое мыслится как совокупность концентрических кругов, при этом в самом центре находится человек и его ближайшее окружение (например, *человек – дом – двор – село – поле – лес*). Степень «чужести» (термин, используемый Н. И. Толстым) возрастает по мере удаления от центра. При этом с позиции этноцентризма положительно оценивается только свой этнос: именно он обладает «правильным» укладом жизни, «человеческим» языком и праведной верой (Толстой, 2003). О главенствующей роли оппозиций *внутренний – внешний, свой – чужой* в иерархии семиотических оппозиций говорит и Т. М. Цивьян. При этом граница между *внутренним* и *внешним, своим* и *чужим* может меняться в соответствии с субъективным восприятием: одно теряется, другое приобретает, свое становится чужим, и наоборот (Толстой, 2003).

В этой связи необходимо отметить антропоцентрический характер выше-названных оппозиций, проявившийся в соизмеримости универсума с понятными для человеческого восприятия образами и символами, в том числе и теми, которые получают статус ценностно ориентированных, стереотипизированных установок, а также метафорический и антропометрический характер отражения универсума в языковых реалиях (Телия, 1988).

В современных исследованиях, проводимых в области когнитивной лингвистики, пристальное внимание уделяется особенностям вербализации оппозиции *свой – чужой* в разных видах дискурса: медиадискурсе (Е. В. Гордиенко), судебном дискурсе (В. В. Богомазова), политическом дискурсе (Ю. И. Детинко, Е. В. Кишина), — а также при сравнительно-сопоставительной характеристике национальных языковых картин мира (Ю. Е. Арекеева, Х. Тяньдэ и др.). В ходе исследований отмечается ядерно-периферийная организация бинарной оппозиции *свое – чужое*, в которой, как считает Е. В. Кишина, центральное место занимает элемент *свое* как репрезентант личной сферы субъекта речи, а элемент *чужое* как выразитель того, что не входит в личную сферу, дистанцируется от ядра, уходя на периферию и разделяясь на территориальный, социальный, конфессиональный, этнический и другие сегменты (Кишина, 2009). Делается акцент на определенном подборе языковых средств, способных реализовать аксиологический потенциал бинарной оппозиции *свой – чужой* в рамках исследуемого дискурса (Е. В. Гордиенко, В. В. Богомазова, Ю. И. Детинко и др.).

Итак, противопоставление *свой – чужой*, уходящее корнями в культуру, понимаемую как исторически сложившийся образ жизни людей, включающий в себя ценности и нормы, верования и обряды, знания и умения, обычаи и установления, технику и технологии, способы мышления, деятельности, взаимодействия и коммуникации (Большая российская энциклопедия, 2016), проявляется не только семантически в частных бинарных оппозициях типа *хороший – плохой, праведный – греховный, чистый – нечистый* и т. п., но и может выстраиваться по принципу лексико-семантических и грамматических языковых категорий, реализуемых в особом наборе языковых средств (например, категории лица: *я – ты*). Изучение дискурса на предмет выявления в нем языковых средств, применяемых автором/авторами осознанно или неосознанно, имплицитно или эксплицитно в качестве опознавательной системы *свой – чужой*, может пролить свет на те концептуальные воззрения, которые лежат в основе культурных, социальных, индивидуальных представлений о *своём* и *чужом/чуждом*.

Заключение

Анализ взглядов на проблему чуждости в социальных науках XX–XXI веков обнаружил определенные проблемы, параллели и расхождения в подходах. Как оказалось, градуальное противопоставление *свой – другой – иной – чужой – чуждый* может выстраиваться по-разному, как *я* и *другой* (*другие*), *я* и *не-я*, *свой – чужой*, *свой – иной* и т. п. В настоящей статье мы не стали придерживаться какой-либо одной позиции в этом вопросе, но пришли к выводу, что градация *свой – другой – иной – чужой – чуждый* может быть видоизменена и дополнена, к примеру градуальным признаком *близкий* или *родной*.

В основе данного членения лежит аффективное, базирующееся на индивидуальном и культурном опыте, бессознательное, которое закладывается вместе с интериоризируемыми культурными установками, стереотипами, правилами, идущими из глубины веков и тесно связанными с антропоцентрическим метафорическим осмыслением мира.

Универсальность восприятия мира основана на бинарных семиотических оппозициях, реализуемых в разного рода кодах: пространственно-временных, причинных, этических, количественных, семантических, персонажных и т. п. и способных выстраиваться по принципу лексико-семантических и грамматических языковых категорий.

Бинарную оппозицию *свое – чужое (иное, чуждое)* можно представить как трехуровневую систему: близкое (мирское, понятное, мое) – дальнее (чуждое, сакральное, непонятное, мистическое); ближайшее ко мне, моему кругу общения (домашнее, не подвергаемое сомнению, принятое на уровне рефлексов) – далекое от меня, моего круга общения (общественное, подвергаемое критике, сомнению, осуществляемое при обдумывании); индивидуальное (принятое лично мной на уровне ценностей и верований; то, что я считаю для себя правильным) – социальное (т. е. ценности и верования, которые я могу принимать или не принимать; то, что в одних случаях я воспринимаю как допустимое, в других как недопустимое). Такая трехуровневая система может быть также соотнесена с оппозициями: *хороший – плохой, праведный – греховный, чистый – нечистый, живой – мертвый, человеческий – нечеловеческий (звериный, демонический), внутренний – внешний*. При этом оппозиция *свой – чужой* остается центральной.

Именно язык становится триггером для запуска опознавательной системы *свой – чужой*; в языке заложен индивидуальный и культурный опыт, который позволяет индивиду определять *другого* на уровне *близкого – далекого* в ракурсе принадлежности к определенной социальной группе или этносу; *приемлемого – неприемлемого* через призму ценностных ориентаций. При этом то, что мы подразумеваем под другим (*иным – чужим – чуждым*), оказывается оязыковленным только в очень небольшом объеме, в значительной мере скрытым за теми языковыми средствами, которые есть в нашем распоряжении.

Список источников

1. Аверинцев, С. С. (1981). *Религия и литература*. Сборник статей. Heritage publishing.
2. Мертон, Р., Мид, Дж., Парсонс, Т., & Шюц, А. (1994). *Американская социологическая мысль: Тексты*. Издательство МГУ.
3. Бахтин, М. М. (2000). *Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук*. Азбука.
4. Белых, Е. С. (2022). Обобщенный другой Дж. Г. Миды: интернализация групповых установок и абстрактное мышление. *Вестник ВГУ. Серия: Философия*, 3, 71–78.

5. Боас, Ф. (1997). Некоторые проблемы методологии общественных наук. *Антология исследований культуры*. Университетская книга, Т. 1, 499–508.
6. Боас, Ф. (1926). *Ум первобытного человека*. Государственное издательство.
7. Боас, Ф. (2008). Эволюция или диффузия? *Антология исследований культуры. Интерпретации культуры* (с. 343–347). Сборник статей. Центр гуманитарных инициатив.
8. *Большая российская энциклопедия*. (2016). (2024, 13 июля). <https://bigenc.ru>
9. *Большая этика*. (1212). (2024, 13 июля). <https://iknigi.net/avtor-konstantin-dushenko/100660-luchshie-mysli-izrecheniya-drevnih-vodnom-tome-konstantin-dushenko/read/page-2.html>
10. Иванов, Вяч. Вс., & Топоров, В. Н. (1965). *Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период)*. Наука.
11. Леви-Брюль, Л. (2022). *Первобытное мышление*. Академический Проект.
12. Леви-Брюль, Л. (2024). *Сверхъестественное в первобытном мышлении*. Академический Проект.
13. Леви-Строс, К. (1994). *Первобытное мышление*. Республика.
14. Лосев, А. Ф. (2023). *Философия имени, вещь и имя*. АСТ.
15. Лосев, А. Ф. (1995). *Форма – Стиль – Выражение*. Мысль.
16. Лосский, Н. О. (1914). Восприятие чужой душевной жизни. *Логос*, Т. 1–2, 189–200. <http://www.e-heritage.ru/Book/10076550>
17. Лотман, Ю. М. (2020). *Внутри мыслящих миров*. Азбука.
18. Лотман, Ю. М., & Успенский, Б. А. (1977). Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века). *Труды по русской и славянской филологии*, XXVIII, 3–36.
19. Мид, Дж. Г. (1994). *Американская социологическая мысль*. Издательство МГУ.
20. Мид, Дж. Г. (2009). *Избранное*. Сборник переводов. (2024, 13 июля). <https://cyberleninka.ru/article/n/dzhordzh-gerbert-mid-izbrannoe-sbornik-perevodov>
21. Мид, Дж. Г. (2013). Социальное сознание и сознание смысла. *Эпистемология и философия науки*, Т. 35, 1, 219–227.
22. Мид, Дж. Г. (2014). *Философия настоящего*. Издательский дом НИУ ВШЭ.
23. Ортега-и-Гассет, Х. (2000). *Избранные труды*. Весь мир.
24. Сепир, Э. (1993). *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. Прогресс, Универс.
25. *Славянские древности*. (1995–2014). Этнолингвистический словарь: в 5 т. Российская академия наук. Институт славяноведения и балканистики (под общей редакцией Н. И. Толстого). Международные отношения.
26. Стеблин-Каменский, М. И. (1976). *Миф*. Наука.
27. Телия, В. Н. (1988). Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира. *Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира* (с. 173–203). Наука.
28. Толстая, С. М. (2010). *Семантические категории языка культуры*. Очерки по славянской этнолингвистике. Либроком.
29. Толстой, Н. И. (2003). *Очерки славянского язычества*. Индрик.
30. Цивьян, Т. В. (2006). *Модель мира и ее лингвистические основы*. КомКнига.
31. Элиаде, М. (1994). *Священное и мирское*. Издательство МГУ.
32. Элиаде, М. (1995). *Аспекты мифа*. Инвест-ППП.

References

1. Averintsev, S. S. (1981). *Religion and literature*. Collection of articles. Heritage publishing. (In Russ.).
2. Merton, R., Mead, J., Parsons, T., & Schutz, A. (1994). *American sociological thought: Texts*. Izdatel'stvo MGU. (In Russ.).
3. Bakhtin, M. M. (2000). *Author and hero. Towards the philosophical foundations of the humanities*. Azbuka. (In Russ.).
4. Belykh, E. S. (2022). Generalized Other J. G. Mead: Internalization of group attitudes and abstract thinking. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy*, 3, 71–78. (In Russ.).
5. Boas, F. (1997). Some problems of the methodology of social sciences. Anthology of cultural studies. *Universitetskaya kniga, 1*, 499–508. (In Russ.).
6. Boas, F. (1926). *The mind of primitive man*. Gosudarstvennoe izdatel'stvo. (In Russ.).
7. Boas, F. (2008). Evolution or diffusion? *Anthology of cultural studies. Cultural interpretations* (pp. 343–347). Centr gumanitarnykh iniciativ. (In Russ.).
8. *The Big Russian Encyclopedia*. (2016). (2024, July 13). <https://bigenc.ru> (In Russ.).
9. *Great ethics*. (1212). (2024, July 13). <https://iknigi.net/avtor-konstantin-dushenko/100660-luchshie-mysli-iizrecheniya-drevnih-vodnom-tome-konstantin-dushenko/read/page-2.html> (In Russ.).
10. Ivanov, Vyach. Vs., & Toporov, V. N. (1965). *Slavic language modeling semiotic systems (Ancient period)*. Nauka. (In Russ.).
11. Levy-Bruhl, L. (2022). *Primitive thinking*. Akademicheskij Proekt. (In Russ.).
12. Levy-Bruhl, L. (2024). *The supernatural in primitive thinking*. Akademicheskij Proekt. (In Russ.).
13. Levi-Strauss, K. (1994). *Primitive thinking*. Respublika. (In Russ.).
14. Losev, A. F. (2023). *Philosophy of name, thing and name*. AST. (In Russ.).
15. Losev, A. F. (1995). *Form – Style – Expression*. Mysl'. (In Russ.).
16. Lossky, N. O. (1914). Perception of someone else's mental life. *Logos, T. 1–2*, 189–200. (In Russ.).
17. Lotman, Yu. M. (2020). *Inside thinking worlds*. Azbuka. (In Russ.).
18. Lotman, Yu. M., & Uspensky, B. A. (1977). The role of dual models in the dynamics of the Russian culture (until the end of the 18th century). *Transactions on Russian and Slavic philology, XXVIII*, 3–36. (In Russ.).
19. Mead J. G. (1994). *American sociological thought*. Izdatel'stvo MGU. (In Russ.).
20. Mead, J. G. (2009). *Favorites*. Collection of translations. (2024, July 13). <https://cyberleninka.ru/article/n/dzhordzh-gerbert-mid-izbrannoe-sbornik-perevodov> (In Russ.).
21. Mead, J. G. (2013). Social consciousness and consciousness of meaning. *Epistemology and philosophy of science, T. 35, 1*, 219–227. (In Russ.).
22. Mead, J. G. (2014). *Philosophy of the present*. Izdatel'skij dom NIU VShE. (In Russ.).
23. Ortega y Gasset, X. (2000). *Selected works*. Ves' mir. (In Russ.).
24. Sapir, E. (1993). *Selected works on linguistics and cultural studies*. Progress, Univers. (In Russ.).
25. *Slavic antiquities*. (1995–2014). Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols. The Russian Academy of Sciences. Institute of Slavic Studies and Balkanistics (under the general editorship of N. I. Tolstoy). *Mezhdunarodnye otnosheniya*. (In Russ.).

26. Steblin-Kamensky, M. I. (1976). *Myth*. Nauka. (In Russ.).
27. Teliya, V. N. (1988). Metaphorization and its role in creating a linguistic picture of the world. *The role of the human factor in language: Language and the picture of the world* (pp. 173–203). Nauka. (In Russ.).
28. Tolstaya, S. M. (2010). *Semantic categories of cultural language*. Essays on Slavic ethnolinguistics. Librokom. (In Russ.).
29. Tolstoy, N. I. (2003). *Essays on Slavic paganism*. Indrik. (In Russ.).
30. Tsiyvyan, T. V. (2006). *Model of the world and its linguistic foundations*. KomKniga. (In Russ.).
31. Eliade, M. (1994). *Sacred and profane*. Izdatel'stvo MGU. (In Russ.).
32. Eliade, M. (1995). *Aspects of myth*. Invest-PPP. (In Russ.).

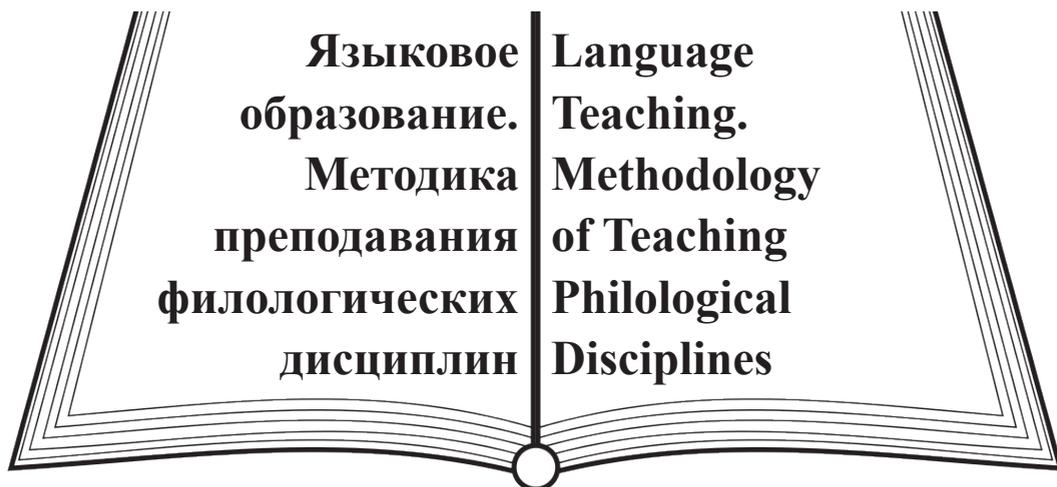
Информация об авторе / Information about the author

Елена Владимировна Суворова — кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Российского государственного университета нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И. М. Губкина.

Elena V. Suvorova — PhD (Pedagogy), Associate Professor of Foreign Languages Department, National University of Oil and Gas «Gubkin University».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья
УДК 811.161.1'246.2

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ И МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В НОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ УСЛОВИЯХ

Барышников Николай Васильевич

Пятигорский государственный университет,
Пятигорск, Россия,
baryshnikov@pgu.ru

Аннотация. В статье представлены и обоснованы трансформационные изменения в сфере межкультурной и межэтнической коммуникации, обусловленные современными цивилизационными процессами негативного характера. Доказана некорректность использования терминологических единиц «межкультурная коммуникация» и «межэтническая коммуникация» как синонимов, аргументирована утрата первоначального значения важнейших концептов межкультурной коммуникации, в том числе таких как толерантность, взаимовыгодное сотрудничество, диалог культур, партнерство. Показано деструктивное влияние на общение с представителями нашей страны искусственно насаждаемой русофобии, агрессивности, враждебности со стороны коммуникантов коллективного Запада.

При рассмотрении трансформационных изменений в межэтнической коммуникации выявлены новые тенденции в сфере функционирования русского языка в полиэтническом российском сообществе, связанные с активизацией миграции в Российскую Федерацию лиц, не владеющих русским языком на коммуникативно достаточном уровне. Показано, как в условиях новых социокультурных реалий деформируются такие языковые процессы, как ассимиляция, билингвизм.

Представленные в статье материалы позволяют сформулировать два важнейших принципа исследования проблем межкультурной коммуникации: принцип учета общей политической ситуации в мире; принцип учета конкретных реалий миропорядка, определяющих характер межкультурного диалога. Доказывается, что важным условием нормализации межэтнической коммуникации важным условием является гибкая языковая политика, обеспечивающая стабильное языковое здоровье полиэтнического сообщества нашей страны, разработка и реализация долгосрочной программы формирования культуры межэтнического общения.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, цивилизационные трансформации, принцип учета общей политической ситуации в мире, принцип учета конкретных реалий миропорядка, межэтническая коммуникация, миграция, новая языковая политика.

Для цитирования: Барышников, Н. В. (2024). Межкультурная и межэтническая коммуникация в новых цивилизационных условиях. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(55), 165–177.

Original article

UDC 811.161.1'246.2

INTERCULTURAL AND INTERETHNIC COMMUNICATION UNDER NEW CIVILIZATIONAL CONDITIONS

Nikolay V. Baryshnikov

Pyatigorsk State University,
Pyatigorsk, Russia,
baryshnikov@pgu.ru

Abstract. The article presents and substantiates shifts in intercultural and interethnic communication, caused by modern civilizational processes producing a negative impact.

The author proves the misuse of such notions as *intercultural communication* and *interethnic communication* often treated as synonyms; there is also evidence that emphasizes the original meaning of the key intercultural communication concepts is lost. The concepts are as follows: tolerance, mutually beneficial cooperation, dialogue of cultures, and partnership. The article describes the destructive effect of artificially imposed Russophobia, aggressiveness, and hostility from the West on communication with representatives of our country.

When considering transformational changes in interethnic communication, there are new trends identified in the Russian language functioning in the framework of the multi-ethnic Russian community, related to the growing number of migrants whose level of Russian is not sufficient enough. The article shows how such language processes as assimilation and bilingualism are deformed against the background of new sociocultural realities.

The findings highlight two fundamental principles for studying the issues of intercultural communication which are considering the general political situation in the world

as well as the specific features of the world order that determine the nature of intercultural dialogue.

Introducing a flexible language policy that ensures the linguistic stability for the multiethnic community of our country proves of the highest importance in order to enhance interethnic communication, as well as to develop and implement a long-term program for the formation of interethnic communication culture.

Keywords: intercultural communication, civilizational transformations, the principle of accounting for the general political situation in the world, the principles of accounting for the specific features of the world order, interethnic communication, migration, new language policy.

For citation: Baryshnikov, N. V. (2024). Intercultural and interethnic communication under new civilizational conditions. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(55), 165–177.

Введение

Начало изучения межкультурной коммуникации как отрасли гуманитарного научного знания относится к 60-м годам прошлого столетия. Ее основоположником является американский антрополог Эдвард Холл. Данный общеизвестный факт послужил точкой отсчета для становления в США нового направления науки о человеке — теории межкультурной коммуникации. Однако правомерно предположить, что первооснова учения о межкультурной коммуникации восходит к созданной в 1914 году Американской ассоциации коммуникации (ААК), призванной регулировать языковые процессы в обществе и содействовать продуктивности его коммуникативной практики (Beebe, 2013).

До наступления эпохи агрессивности и противостояния в международных отношениях ААК активно сотрудничала со специалистами многих стран. Автор этих строк в течение многих лет состоял членом этой организации, выступал с докладами на съезде ААК в 2004 году в Майами и на юбилейном конгрессе ААК, посвященном 100-летию ее образования, в Чикаго — в 2014 году. Мое ознакомление с деятельностью ААК совпало с активным развитием исследований в области теории межкультурной коммуникации в нашей стране.

Основоположником отечественной отрасли науки является, как известно, С. Г. Тер-Минасова, которая внесла значительный вклад в исследование проблем межкультурной коммуникации, создав фундаментальные монографии (Тер-Минасова, 1999, 1999а) и учебники нового поколения (Тер-Минасова, 2000, 2006). Более того, по инициативе профессора С. Г. Тер-Минасовой теория и практика межкультурной коммуникации получила статус специальности / направления подготовки в системе высшего лингвистического образования. Общие проблемы межкультурной коммуникации исследовали также А. П. Садохин (2004), Д. Б. Гудков (2000). В работах упомянутых и ряда других авторов сформулированы концептуальные положения теории межкультурной

коммуникации, определены параметры и принципы межкультурного взаимодействия.

Однако мир, в котором мы живем, постоянно меняется, а в последнее время в нем произошли значительные трансформации, повлекшие за собой существенные изменения в характере и архитектонике межкультурной коммуникации. В этой связи особую актуальность приобретают пересмотр ряда сложившихся в этой сфере теоретических постулатов, объективная экспертная оценка практики межкультурной и межэтнической коммуникации с учетом цивилизационных трансформаций (внешних и внутренних).

Цель настоящего исследования:

- аргументировать различия понятий «межкультурная коммуникация» и «межэтническая коммуникация»;
- выявить и обосновать сущностные трансформации в межкультурной коммуникации и межэтническом взаимодействии в рамках российского языкового сообщества, оказывающие на них негативное влияние.

Методология исследования

Важнейшие методологические принципы исследования: принцип объективности, предусматривающий при анализе реальных событий и фактов недопущение их вольных интерпретаций; принципы учета общей политической ситуации в мире и конкретных реалий, в частности враждебного отношения к нашей стране, искусственно насаждаемой русофобии.

Результаты исследования

К основным результатам предпринятого исследования относятся следующие положения:

- 1) обоснование новых принципов изучения проблем межкультурной коммуникации, в том числе принципов учета общей политической ситуации в мире и конкретных реалий нестабильного миропорядка;
- 2) аргументация трансформационных изменений таких концептов межкультурной коммуникации, как толерантность, взаимодействие, сотрудничество, партнерство, диалог культур;
- 3) доказательство необходимости разработки и реализации новых стратегий межкультурного диалога с представителями недружественных стран;
- 4) выявление и обоснование трансформаций негативного характера в межэтнической коммуникации и условий ее успешной реализации.

Трансформации в межкультурной коммуникации

Стрелка барометра мирового политического климата резко качнулась к отметке «пасмурно» по причине нестабильности, неопределенности современного миропорядка, пессимистических прогнозов будущего человечества, вследствие чего произошла девальвация ценностных ориентиров и фактически всех основных концептов межкультурной коммуникации, в том числе таких как толерантность, взаимодействие, партнерство, сотрудничество.

Толерантность. В межкультурной коммуникации толерантность интерпретируется как терпение во взаимоотношениях представителей различных языков и культур, она в течение многих десятилетий пропагандировалась как ценностный ориентир в развитии цивилизационных процессов. ООН, ЮНЕСКО приложили немало усилий для внедрения толерантности в практику международных отношений, теорию межкультурной коммуникации и в другие сферы взаимодействия языковых сообществ. Так, 16 ноября 1995 года на 28-й Генеральной конференции ЮНЕСКО была принята Декларация о толерантности и учрежден Международный день толерантности, который с тех пор отмечается ежегодно.

Идея толерантности была принята мировым сообществом если не с энтузиазмом, то вполне благосклонно. Она воспринималась как универсальная и всеобъемлющая формула всеобщего примирения и нашла отражение в научных трудах и учебной литературе по теории межкультурной коммуникации. В частности, С. Г. Тер-Минасова в своем учебнике, ставшем бестселлером, призывала: «Люди, будьте толерантны, и жизнь станет легче» (Тер-Минасова, 2000, с. 268). Подобное понимание толерантности было типичным, так как четверть века тому назад толерантность воспринималась как основное условие успешности межкультурной коммуникации и интерпретировалась как один из важнейших принципов ее реализации.

Однако в последнее время в межкультурном взаимодействии идея толерантного отношения партнеров друг к другу утрачивает свою престижность и роль толерантности как условия благополучия международной обстановки снижается. Участились конфликты, ухудшилось взаимопонимание представителей различных культур. Все более отчетливо в межкультурной практике проявляются две противоположные тенденции. С одной стороны, добросовестные участники межкультурной коммуникации продолжают руководствоваться принципом толерантного отношения к своему инофонному партнеру. С другой стороны, позиционирующие себя мировой элитой коммуниканты принципом толерантности демонстративно пренебрегают, вследствие чего толерантность в теории и практике межкультурной коммуникации сходит на нет.

Возникла парадоксальная ситуация: если совсем недавно в международных отношениях, межкультурной коммуникации толерантность активно декларировалась, ее позиционировали как важнейший принцип межкультурного взаимодействия, то сегодня все призывают друг друга к толерантности, но никто

при этом не желает быть толерантным. Рассуждения в данном ключе приводят к выводу о том, что толерантность утратила значение в политическом и межкультурном дискурсе.

Что касается таких понятий, как взаимодействие, кооперация, сотрудничество, партнерство, то они в настоящее время фактически оказались не востребовавшими в межкультурном диалоге. За короткое время появилось множество словообразований для обозначения противостояния: «экономические санкции», «изоляция», «конфликт».

Понятие «взаимодействие», традиционно понимаемое как поддержка стран-партнеров, а также термин «взаимовыгодное сотрудничество» в настоящее время так вольно интерпретируются, что приобретают диаметрально противоположное значение. В порядке иллюстрации приведем конкретный пример. На международной конференции профессор университета одной из восточноевропейских стран теоретически обосновал тезис о том, что «русские используют межкультурное взаимодействие как средство подавления иных культур, как средство поглощения русской культурой контактирующих с ней культур, как попытку всех объединить, а все хотят быть сами по себе»¹. Данный пример свидетельствует об умышленном искажении понятия «взаимодействие» с целью затуманить ситуацию, вызвать недоверие к российским партнерам по межкультурной коммуникации. Было бы не так обидно слушать эти «теоретические выкладки», если бы докладчик не был бы знаком с российской культурой, но выступавший — выпускник российского университета, читал доклад на чистом русском языке и «доказывал» преимущества «общения без взаимодействия» (!).

Прозападные специалисты всеми возможными и невозможными способами пытаются доказать, что самым эффективным принципом межкультурного взаимодействия является принцип: «Не делай того, что я делаю; делай то, что я говорю». И это многое объясняет. Поскольку взаимодействие предполагает обоюдное стремление партнеров к взаимопониманию, то, прямо скажем, оно неприемлемо для участников межкультурной коммуникации, не признающих равностатусности культур друг друга.

Вывод очевиден: в теории межкультурной коммуникации необходимо исследовать трансформированный тип межкультурного диалога, а для повышения эффективности практики межкультурного взаимодействия важно научить потенциального партнера по межкультурной коммуникации понимать не то, что говорит его собеседник, а то, что он хотел сказать.

Таким образом, в исследовании проблем межкультурной коммуникации на нынешнем этапе цивилизационного развития необходимо учитывать объективные реалии современного мира. Представляется ошибочным в теоретических исследованиях по межкультурной коммуникации опираться на постулаты, нерелевантные сегодняшним социокультурным реалиям.

¹ Приводится цитата из устного выступления докладчика на конференции, участником которой был автор статьи.

Следует заметить, что даже самые поздние публикации по межкультурной проблематике изобилуют терминологическими единицами, утратившими свои первоначальные значения. Показателен в этом плане пример с понятием «диалог культур», который, уместно упомянуть, в лингводидактическом контексте был нами интерпретирован как миф (Барышников, 2021). В исследованиях по межкультурной коммуникации диалог культур позиционируется как один из основных концептов. И характерно то, что, несмотря на ухудшение мирового межкультурного климата, доминирование противостояния, нескрываемую агрессию коллективного Запада по отношению к нашей стране, в публикациях по межкультурной проблематике диалог культур по-прежнему интерпретируется как основной принцип взаимодействия.

Несомненно, диалогу культур нет альтернативы, ибо наращивание противостояния — это тупиковый путь развития языковых сообществ и всего человечества. Однако важно видеть и понимать недоброжелательность представителей отдельных культур в общении с российским партнером. Не замечать данного обстоятельства — значит вводить самих себя в заблуждение и, выдавая желаемое за действительное, формулировать научные постулаты, не отражающие реального положения вещей, что может нанести репутационный ущерб теории межкультурной коммуникации как отрасли научного знания.

В настоящее время правомерно полагать, что диалог культур как принцип может быть реализован в общении исключительно с представителями дружественных стран. Важно отдавать себе отчет в том, что во взаимодействии с представителями недружественных стран принцип диалога культур не работает, поскольку их коммуникативное поведение в полной мере подчинено агрессивным установкам правящей элиты стран, которые они представляют.

Трансформации в межэтнической коммуникации

Между понятиями «межкультурная коммуникация» и «межэтническая коммуникация» имеются существенные различия. В этой связи представляется некорректным использование термина «межкультурная коммуникация» при исследовании проблем взаимодействия народов, проживающих в нашей стране.

Общение представителей различных этносов в рамках одного языкового сообщества представляет собой не межкультурную, а межэтническую коммуникацию, потому что, во-первых, коммуниканты проживают в единой (в интегрированном смысле) социокультурной среде, обеспечивающей отсутствие их чужеродности по отношению друг к другу. Во-вторых, партнеры по коммуникации разделяют общенациональные ценности и общаются на русском языке, которым все этносы владеют на коммуникативно достаточном уровне. В-третьих, различные этнические группы являются представителями единой страны и защищают ее интересы (Барышников, 2022, с. 13). Таким образом, эффективность межэтнической коммуникации в нашей стране находится

в прямой зависимости от уровня владения представителями различных этносов русским языком, который снижается ввиду активизации миграции в нашу страну лиц, не владеющих им на коммуникативно достаточном уровне. Исследуя лингвистические аспекты мировой политики, политолог И. В. Чернов утверждает: «Многие мигранты либо вообще не владеют национальным языком принимающей страны, либо могут объясняться только на “волапюке”, что вызывает раздражение и неприятие мигрантов чужой языковой средой» (Чернов, 2024, с. 137).

Трансформации межэтнической коммуникации в многонациональном социуме в условиях активизации миграции в нашу страну очевидны при их рассмотрении на примере двух языковых процессов: языковой ассимиляции и билингвизма. Языковые процессы в данном контексте интерпретируются как «изменения, происходящие в речевом репертуаре этноса: 1) языковая ассимиляция (языковой сдвиг, языковое смещение); 2) ревитализация языка (возрождение языка); 3) билингвизм; 4) многоязычие; 5) полуязычие; 6) обратный языковой сдвиг» (Жеребило, 2010, с. 489). Языковые процессы со знаком плюс способствуют повышению продуктивности коммуникативной практики и уровня культуры участников взаимодействия. Языковые процессы разрушительного характера дестабилизируют коммуникацию, порождают трудности, препятствующие гармоничному и результативному функционированию межэтнического диалога/полилога.

Известно, что языковые процессы в отечественной социолингвистике исследованы в достаточной степени обстоятельности и полноты, однако результаты и выводы многих исследований, проведенных в условиях относительно стабильного состояния языкового сообщества, нерелевантны современному состоянию межэтнического полилога в российском многонациональном социуме по причине множества изменений и трансформаций. Так, более двадцати лет тому назад языковые проблемы интеграции мигрантов в российское сообщество были минимальными, поскольку все переселенцы владели русским языком если не как вторым родным, то, по крайней мере, на коммуникативно достаточном уровне. Поэтому в тот период времени языковая ассимиляция как процесс и результат усвоения представителями одного этноса языка другого этноса осуществлялась достаточно безболезненно. Более того, по свидетельству ряда авторов, вынужденным переселенцам оказывалась психологическая поддержка, а также социальная помощь для минимизации трудностей интеграции в новое языковое сообщество, осуществлялись социальные проекты как механизмы организационного развития и интеграции мигрантов (Жогин, Маслова, Шаповалов, 2002).

Анализ функционирования русского языка в современном многонациональном сообществе, а также многолетние наблюдения свидетельствуют о том, что в повседневной межэтнической коммуникативной практике далеко не все так гармонично, как традиционно принято считать. В частности, языковая

ассимиляция мигрантов сопряжена со значительными трудностями лингвистического, социокультурного и политического характера, обусловленными тем, что мигранты новой волны не предпринимают особых усилий к совершенствованию уровня владения русским языком, не стремятся к языковой и культурной ассимиляции. Факты свидетельствуют об обратном: языковой и социокультурной ассимиляции нынешних мигрантов препятствует их воинствующий этноцентризм, политические амбиции, неуважительное отношение к культуре, традициям и обычаям народов, проживающих в России.

В связи со значительным увеличением числа мигрантов в крупных городах образованы и хорошо организованы этнические диаспоры, приобретшие в последнее время среди мигрантов общественно-политический авторитет, поскольку они позиционируют себя как структуры, определяющие правила поведения и общения членов этнической диаспоры. Возможно, руководствуясь этими правилами, мигранты демонстративно дистанцируются от русского языка и российской культуры, слабо интегрируются в социокультурную ситуацию. Нередко они игнорируют нормы поведения в российском обществе. Участились факты агрессивного поведения мигрантов. Подобные примеры являются доказательством того, что противостояние русскому миру не прекращается на видимых и невидимых фронтах и, кажется, оно хорошо управляемо.

Билингвизм как процесс и результат взращивания двух языков в одном языковом сообществе, также подверженный трансформационным изменениям, характеризуется сегодня значительным своеобразием. В справочной литературе представлены более шестидесяти видов билингвизма, из которых дюжина определений предназначена для обозначения несовершенного двуязычия. Среди видов билингвизма выделяют: ассиметричный, когда индивид в силу обстоятельств изучает язык для того, чтобы выжить в новом языковом сообществе (например, эмигранты изучают язык государства, куда они эмигрировали); «плебейский», рецессивный, регрессивный (стадия двуязычия, при которой индивид начинает терять один из языков), несбалансированный, начальный, нереализованный, «спящий», обстоятельственный (Жукова и др., 2013, с. 37–46). Однако ни одно из приведенных определений не отражает в полной мере своеобразие того типа билингвизма, который сложился и получил распространение в результате активизации миграционных процессов и трансформационных изменений в сфере межэтнической коммуникации. Ввиду ограниченных возможностей мигрантов использования их родного языка и недостаточного уровня владения ими русским языком фактически образован новый тип двуязычия. Его можно квалифицировать как квазибилингвизм, граничащий с уровнем девербализации при вынужденном использовании русского языка.

Еще не изученный новый тип билингвизма имеет много общего с таким специфическим видом билингвизма, как полуязычие, для которого характерна частичная утрата родного языка и одновременно неполное усвоение другого (контактируемого) языка. Таким образом, в результате умышленного

дистанцирования мигрантов от языка страны пребывания образовался новый тип билингвизма в виде обратного полуязычия, при котором родной язык не используется, а язык страны пребывания не осваивается. Подобный тип двуязычия в мигрантской среде укрепляется и распространяется ввиду того, что значительная часть мигрантов не только не планирует интегрироваться в новое языковое сообщество, но и проявляет недоброжелательное отношение к стране пребывания.

Как это ни парадоксально, но мы продолжаем не замечать негативных тенденций в развитии языковых процессов, в то время как проблема языкового здоровья общества приобретает острую актуальность. Исследуя ее, В. И. Карасик справедливо утверждает, что существуют реальные угрозы нормальному функционированию общения в виде инволюции языковых средств и неконтролируемой агрессивности и что для его улучшения необходима «продуманная культурная политика, в том числе и языковая, препятствующая девербализации и языковой инволюции» (Карасик, 2013, с. 201). Экстраполяция мнения авторитетного лингвиста на сферу межэтнической коммуникации позволяет утверждать, что оно релевантно и для межэтнического взаимодействия.

Осмысление проблем межэтнической коммуникации убеждает в том, что резких перемен в улучшении межэтнических отношений ожидать не приходится. Для гармонизации межэтнического общения необходимо формировать культуру коммуникативного взаимодействия и одновременно прививать вкус к высокому стилю межэтнического диалога, причем согласно справедливому утверждению Л. Н. Даниловой (Данилова, 2020), следует начинать на этапе взросления потенциальных участников межэтнического диалога. К данному жизнеутверждающему тезису остается добавить лишь одну существенную деталь: в формировании культуры межэтнического общения должны быть заинтересованы представители всех этносов, находящихся в коммуникативном контакте.

Заключение

Межкультурная коммуникация как процесс и результат вербального и невербального взаимодействия представителей различных языков и культур, а также как важный предмет исследования одной из отраслей гуманитарной науки, целью которой является защита национальных интересов каждым участником диалога, находится в новой фазе развития. А. П. Чехов как-то заметил: «Национальной науки нет, как нет национальной таблицы умножения; что же национально, то уже не наука». (Чехов, 1980, с. 152–181) Полемицировать с классиком бессмысленно, тем более что сказанное им есть истина и правило. Однако известна и другая истина, гласящая о том, что нет правил без исключения. Сопоставление этих двух истин позволяет

заклучить, что теория межкультурной коммуникации является исключением среди гуманитарных наук, поскольку она руководствуется своей национальной «таблицей умножения», ввиду того, что ее целевая доминанта — сохранение, защита и приумножение национальных ценностей и приоритетов. Именно приоритет национальной составляющей теории межкультурной коммуникации как отрасли научного знания препятствует выработке универсальных закономерностей и стратегий взаимодействия представителей различных культур.

Нежелательное воздействие на разработку теоретических установок межкультурной коммуникации и практику межкультурного диалога оказывает в настоящее время политическая обстановка в мире, русофобия, агрессивность и враждебность коллективного Запада по отношению к нашей стране. В этой связи важно не только учитывать объективные реалии, но и быть готовым к межкультурному диалогу недоброжелательного характера, уметь не только адекватно реагировать на коммуникативные провокации партнера по межкультурной коммуникации, но и упреждать их. Таким образом, основными результатами предпринятого исследования, представленными в данной статье, правомерно считать:

- обоснование нового принципа исследования проблем межкультурной коммуникации и ведения межкультурного диалога — принципа учета политической ситуации в мире;
- аргументацию необходимости разработки новых стратегий межкультурного диалога с представителями недружественных стран;
- устранение и упреждение негативных тенденций в развитии межэтнической коммуникации в рамках полиэтнического языкового сообщества нашей страны, которые могут быть обеспечены в результате разработки и реализации языковой политики, адекватной современным миграционным и языковым процессам.

Список источников

1. Beebe, Steven A. (2013). *Training and Development: Communicating for Success*. Pearson.
2. Тер-Минасова, С. Г. (1999). *Язык как зеркало культуры*. Издательство МГУ им. М. В. Ломоносова.
3. Тер-Минасова, С. Г. (1999а). *Язык как зеркало культуры*. Издательство МГУ им. М. В. Ломоносова.
4. Тер-Минасова, С. Г. (2000). *Язык и межкультурная коммуникация*. Слово/Slovo.
5. Тер-Минасова, С. Г. (2006). *Война и мир языков и культур*. Слово/Slovo.
6. Садохин, А. П. (2004). *Межкультурная коммуникация*. Альфа-М: ИНФРА-М.
7. Гудков, В. Г. (2000). *Межкультурная коммуникация: проблемы обучения*. Издательство Московского университета.
8. Барышников, Н. В. (2021). Диалог культур как миф в лингводидактике и культура диалога в межкультурной коммуникативной практике. В Л. Г. Викулова, Е. Г. Тарева (Ред.). *Взаимодействие языков и культур: от диалога к полилогу* (с. 277–308). Коллективная монография. ВКН.

9. Барышников, Н. В. (2022). *Основы профессиональной межкультурной коммуникации*. ИНФРА-М.
10. Чернов, И. В. (2024). Лингвистическое измерение мировой политики. Актуальные проблемы мировой политики (с. 130–145). *Научный альманах. Юбилейный выпуск 30 лет кафедре мировой политики СПбГУ*. Издательство Санкт-Петербургского университета.
11. Жеребило, Т. В. (2010). *Словарь лингвистических терминов*. Пилигрим.
12. Жогин, Б. Г., Маслова, Б. Г., & Шаповалов, В. К. (2002). *Интеграция вынужденных мигрантов в местное сообщество: опыт практической и исследовательской деятельности*. Ставропольсервисшкола.
13. Жукова, И. Н., Лебедев, М. Г., Прошина, З. Г., & Юзефович, Н. Г. (2013). *Словарь терминов межкультурной коммуникации*. Флинта.
14. Карасик, В. И. (2013). Ценностные параметры лингвоэкологического общения. *Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве* (с. 191–201). Издательство ВГСПУ «Перемена».
15. Данилова, Л. Н. (2020). Формирование культуры межэтнического общения у старшеклассников во внеурочной деятельности [Автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Москва].
16. Чехов, А. П. (1980). Записная книжка IV. Т. 17. Записные книжки. Записи на отдельных листах. Дневники. *Полное собрание сочинений и писем*: в 30 т. (с. 152—181). Наука. <http://chegov-lit.ru/chegov/dnevniki/zapisnaya-knizhka-iv.htm>

References

1. Beebe, Steven A. (2013). *Training and Development: Communicating for Success*. Pearson.
2. Ter-Minasova, S. G. (1999). *Language as the mirror of culture*. Izdatel'stvo MGU im. M. V. Lomonosova. (In Russ.).
3. Ter-Minasova, S. G. (1999a). *Language as the mirror of culture*. Izdatel'stvo MGU im. M. V. Lomonosova. (In Russ.).
4. Ter-Minasova, S. G. (2000). *Language and intercultural communication*. Slovo. (In Russ.).
5. Ter-Minasova, S. G. (2006). *War and peace of signs and cultures*. Slovo. (In Russ.).
6. Sadokhin, A. P. (2004). *Intercultural communication*. Alpha-M: INFRA-M. (In Russ.).
7. Gudkov, V. G. (2000). *Intercultural communication: training issues*. Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.).
8. Baryshnikov, N. V. (2021). Dialogue of cultures as a myth in linguodidactics. Culture of dialogues in intercultural communication. In L. G. Vikulova, E. G. Tareva (Eds.). *Languages and cultures interrelations: from dialogue to polylogue* (pp. 277–308). VKN. (In Russ.).
9. Baryshnikov, N. V. (2022). *Fundamentals of professional intercultural communication*. Infra-M. (In Russ.).
10. Chernov, I. V. (2024). Linguistic dimension of world politics. Current issues of world politics (pp. 130–145). *Academic bulletin*. Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (In Russ.).
11. Zherebilo, T. V. (2010). *Linguistic terminological dictionary*. Piligrim. (In Russ.).

12. Zhogin, B. G., Maslova, B. G., & Shapovalov, V. K. (2002). *Migrants integration into the local community: practical expertise and research findings*. Stavropolservisshkola. (In Russ.).
13. Zhukova, I. N., Lebedko, M. G., Proshina, Z. G., & Yuzefovich, N. G. (2013). *Intercultural communication terminological dictionary*. Flinta. (In Russ.).
14. Karasik, V. I. (2013). Axiological aspects of healthy communication. *Emotive linguistic ecology in modern communicative space* (pp. 191–201). Izdatel'stvo VGSPU «Peremena». (In Russ.).
15. Danilova, L. N. (2020). *Developing interethnic communication culture in higher schoolers: extracurricular activities* [Abstract of dissertation for the PhD (Pedagogy): 13.00.01. Moscow]. (In Russ.).
16. Chekhov, A. P. (1980). Notebook IV. Vol. 17. Notebooks. Entries on separate sheets. The diaries. *The complete collection of works and letters: in 30 vols:* (pp. 152–181). Science. <http://chehov-lit.ru/chehov/dnevniki/zapisnaya-knizhka-iv.htm> (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the author

Николай Васильевич Барышников — доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, лингводидактики, педагогических технологий обучения и воспитания Пятигорского государственного университета.

Nikolay V. Baryshnikov — D. Sc. (Pedagogy), Professor, Head of the Chair of Intercultural Communication, Linguodidactics, Pedagogic Technologies of Education, Pyatigorsk State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья
УДК 378.016:811.581

СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «МЕНЕДЖЕР ЯЗЫКОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОЕКТАХ» — ОСНОВА ПОДГОТОВКИ КИТАИСТОВ-ПРАКТИКОВ

Тихонова Евгения Владимировна¹,
Гураль Светлана Константиновна²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия,

¹ evkulmanakova@gmail.com

² gural.svetlana@mail.ru

Аннотация. До настоящего времени изучение китайского языка, культуры, литературы рассматривалось большим числом авторов с опорой на развитие региона и страны в том или ином плане. Резко возросший запрос на подготовку китаистов-практиков, специализирующихся в области реализации международных проектов, показал, что разработанные подходы и методы обучения не соответствуют сложившейся традиции. В рамках данного исследования предлагается проанализировать подготовку китаистов-практиков с опорой на учет этнокультурной специфики их обучения. Если говорить о китайском обществе, то основа его мировоззрения кроется в китайской онтологии, целью изучения которой служит проведение углубленного исследования различных элементов, явлений и фактов самого китайского языка, культуры и истории Китая, а также обобщение полученных данных. При этом цель обучения китайскому языку как иностранному заключается в том, чтобы позволить учащимся научиться слушать, говорить, читать, писать, т. е. полноценно общаться на китайском языке.

Преподавание китайского языка как иностранного представляет собой всеобъемлющий и разносторонний предмет, предполагающий опору на онтологию китайского языка, от которой зависит конфигурация способов поиска ответов на традиционные для методики вопросы: «Чему учить?», «Как учить?», «Как учиться?» и т. п. В контексте преподавания иностранного языка исследование того, как учить и как учиться, играет, конечно, очень важную роль, но изучение этих двух аспектов должно проводиться на основе того, чему учить. Если подготовка китаистов-практиков ведется без опоры на прочную теоретическую базу в китайском языкознании, менеджеры языковых коммуникаций не смогут правильно понимать и использовать китайский язык, не будут способны научно анализировать различные языковые явления на китайском языке. Для обеспечения онтологической природы процесса обучения следует определить последовательность освоения компонентов содержания обучения с учетом их коммуникативной значимости и трудности для обучающихся. Именно поэтому в данном исследовании делается акцент на том, что изучение китайской онтологии служит основой для обеспечения упорядоченного и эффективного преподавания

китайского языка как иностранного будущим специалистам в области менеджмента языковых коммуникаций, участвующим в международных проектах.

Ключевые слова: этнолингвистический подход, синергетическая модель, китайский язык, менеджер языковых коммуникаций в международных проектах.

Для цитирования: Тихонова, Е. В., Гураль, С. К. (2024). Синергетическая модель «Менеджер языковых коммуникаций в международных проектах» — основа подготовки китаистов-практиков. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(55), 178–188.

Original article

UDC 378.016:811.581

SYNERGETIC MODEL «INTERCULTURAL COMMUNICATION MANAGER FOR TRANSNATIONAL PROJECTS» AS A FRAMEWORK FOR TRAINING PROSPECTIVE LINGUISTS IN CHINESE

Evgenia V. Tikhonova¹,

Svetlana K. Gural²

^{1,2} National Research Tomsk State University,
Tomsk, Russia,

¹ evkulmanakova@gmail.com

² gural.svetlana@mail.ru

Abstract. The study of Chinese language, culture, literature has so far been considered by a great number of authors that referred to developing regions or the country in one way or another. Nevertheless, the dramatically increasing demand for training Chinese language specialists has revealed that the existing approaches and teaching methods do not meet the current requirements. This study aims at analyzing the ways of training Chinese language specialists through the perspective of ethnocultural knowledge. It is the Chinese ontology that appears fundamental for the Chinese society with its goal to conduct in-depth research into various elements, phenomena and aspects of the Chinese language, culture and history, as well as to generalize the rules obtained. The purpose of teaching Chinese as a foreign language, on the other hand, is to allow students to learn how to listen, speak, read, write and communicate in Chinese.

Teaching Chinese as a foreign language is a comprehensive and multifaceted subject which includes Chinese language ontology, Chinese language acquisition and cognition, theory and teaching methods, etc., including «what to teach», «how to teach», «how to learn» and other aspects. As for the quality of foreign language teaching, the study of «how to teach» and «how to learn» certainly plays the key role, though these two aspects should correlate with the «what to teach» one. «What to teach» refers to teaching Chinese as a foreign language. If teachers of Chinese as a foreign language do not have a solid

theoretical basis in Chinese linguistics, they fail to interpret or employ Chinese correctly, they lack thorough analysis of different language phenomena in Chinese, they are bad at formulating the teaching content, and they miss important and difficult teaching content points, which means that training process cannot be arranged effectively. Therefore, we believe that the study of Chinese ontology is the one to rely on when ensuring the efficiency in Chinese as a foreign language training.

Keywords: ethnolinguistic approach, synergistic model, Chinese language, Intercultural communication manager for transnational projects.

For citation: Tikhonova, E. V., Gural', S. K. (2024). Synergetic model «Intercultural communication manager for transnational projects» as a framework for training prospective linguists in Chinese. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(55), 178–188.

Введение

Данное исследование базируется на развитии российско-китайских отношений в рамках проекта «Новый шелковый путь», лозунгом которого стал слоган «Один пояс, один путь». Основной идеей проекта является движение Востока на Запад, а также достижение глобального устойчивого развития в целях выстраивания межгосударственных отношений нового типа. Сопряжение стратегий развития Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Китайской Народной Республики (КНР) реализуется не только на уровне интеграции отраслей, но и на уровне языковой политики, устанавливающей равноправие трех языков: русского, китайского, английского. С учетом компетенций, предлагаемых на ведущих сайтах вакансий Европы, Азии и России (zhaopin.com, hh.ru, [simplyhired](http://simplyhired.com), [indeed](http://indeed.com), baidu.cn и т. д.), были выделены три блока скилов/навыков (от *англ.* skills — навыки) специалиста, работающего на международном рынке. К ним относятся: коммуникация на русском, английском, китайском языках; аналитика данных, продюсирование деятельности. Интеграция названных искусств общения со знаниями, навыками, умениями в отдельной предметной сфере деятельности специалиста обеспечивает качество его участия в отраслевом диалоге.

В ходе исследования проведена работа по определению и анализу перспектив сотрудничества Научного исследовательского Томского государственного университета (НИ ТГУ) с зарубежными партнерами в области науки и образования. В целом было изучено 22 варианта потенциального сотрудничества. В области азиатского направления исследованы механизмы международного сотрудничества ведущих научных и научно-исследовательских организаций таких стран Азиатского региона, как КНР, Тайвань и Япония. Согласно результатам анализа к наиболее перспективным партнерам для взаимодействия в области науки и образования можно отнести следующие организации: 1) National Natural Science Foundation of China (Государственный фонд естественных наук КНР); 2) Chinese Academy of Sciences (Китайская академия наук); 3) Chinese

Academy of Social Sciences (Академия общественных наук Китая); 4) Ministry of Science and Technology of Taiwan (Министерство науки и технологий Тайваня); 5) Alliance of International Science Organizations (ANSO) (Международная ассоциация научных организаций).

В ходе изучения данного направления сделан вывод о перспективности развития и взаимодействия НИ ТГУ с научными, научно-исследовательскими и образовательными организациями КНР. В настоящее время КНР уделяет особое внимание развитию международного сотрудничества в сфере науки и образования, что выражается в разработке и реализации программ международных (региональных) кооперативных исследований, программ обмена исследователями и различных конкурсов на получение грантов. Наибольший интерес для научно-исследовательских организаций КНР представляют следующие области: 1) физика и математика, 2) химия, 3) биология, 4) география, 5) инженерия и материаловедение, 6) информационные технологии, 7) менеджмент, 8) медицина, 9) образование.

Таким образом, в результате анализа перспективных направлений сотрудничества НИ ТГУ с зарубежными партнерами в области науки и образования можно сделать вывод о необходимости совершенствовать взаимодействие в первую очередь с активно развивающимися странами Азиатского региона, такими как КНР.

Методология исследования

Важной целью трансформации образовательного процесса при обучении китайскому языку с учетом новых потребностей и тенденций является выделение специфики *китайского этнокультурного кода* в рамках дисциплин, предназначенных для студентов-китаистов, на основе этнолингвистического подхода, сопрягаемого с синологической лингводидактикой, восточной лингводидактикой, изучением восточных языков, литературы, культуры и истории народов.

Ключевыми направлениями трансформации образовательных программ на всех уровнях подготовки становятся:

1) объединение и координация усилий профессорско-преподавательского состава по обеспечению образовательной деятельности в рамках следующих образовательных программ: 45.03.02 «Лингвистика» («Теория и методика преподавания иностранных языков и культур», «Перевод и переводоведение», «Технологическое планирование и реализация переводческих проектов»), 45.05.01 «Перевод и переводоведение» («Лингвистическое обеспечение межгосударственных отношений», «Лингвистическое обеспечение военной деятельности»);

2) сосредоточение и укрепление научного потенциала, базирующегося на авторских разработках в области этнолингвистического подхода к обучению китайскому языку и переводу (*отражение религиозно-философских*

течений, менталитета, истории, культуры, этнокультурной модели поведения в языке); опора на концепцию формирования этнокультурного знания в рамках лингвистических направлений (*переводоведение, методика обучения китайскому языку*), обусловленных типологическими характеристиками языка, иероглифической письменностью и особенностями перевода при работе с русско-китайской языковой парой.

Теоретико-методологическую основу трансформации образовательных программ составляют труды российских и зарубежных авторов в следующих областях и направлениях:

1. Этнофилософские учения о языке, где рассматривается взаимосвязь этнологии и лингвистики в различных аспектах и сферах ее применения. Основоположниками данной области исследования выступают такие ученые, как Ф. Боас, В. Гумбольдт, Э. Сепир (1993), Н. И. Толстой (1995), С. Шэнь (2018) и др., в работах которых рассматриваются различные аспекты этносов, их взаимосвязь с языковой картиной мира и менталитетом отдельных народов.

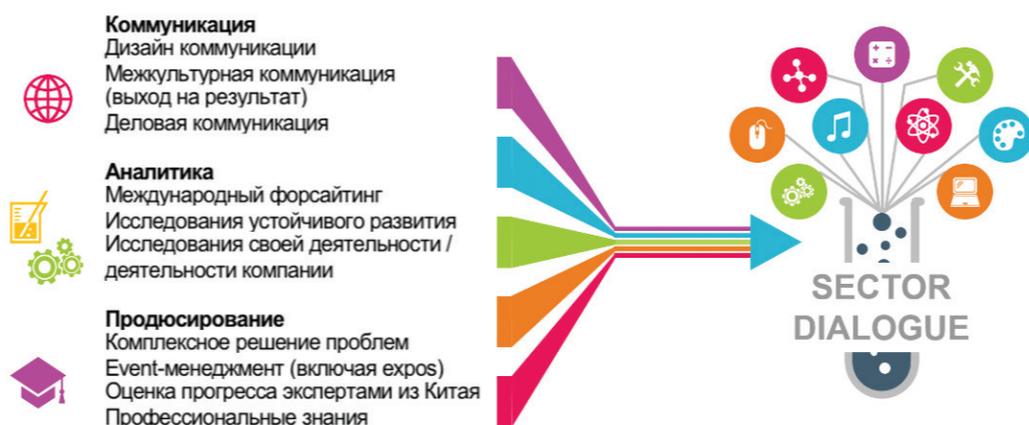
2. Теория и методика обучения иностранным языкам в свете синергетического подхода, обоснованного в работах С. К. Гураль. Она рассматривает синергетическое знание «как возобновляемый ресурс образовательных инноваций, ориентированный на конструктивную, качественную и устойчивую модернизацию лингвистического образования, обеспечивающую сохранение его преемственности и адекватности социокультурной ситуации не только в краткосрочной, но и в долгосрочной перспективе» (Гураль, 2012, с. 72).

3. Теория межкультурной коммуникации (Россия и Китай), а также взаимосвязь китайского языка, культуры и менталитета народа на современном этапе. В данной области ученые выделяют межкультурный подход к обучению китайскому языку и переводу в условиях разницы культур, обусловленных типологическими характеристиками восточных языков, иероглифической письменностью и спецификой перевода при работе с русско-китайской языковой парой (Гурулева, 2018, 2019; Волков, 2019). Ученый-китаист Н. А. Спешнев в своих исследованиях представляет особенности национальной психологии китайского народа, обращаясь к психологическому портрету этноса, конкретизируя типичные черты китайской эстетики, принципы воспитания детей, специфику китайского юмора, этики, взаимоотношения между членами семьи и внутри государства, жизненные ценности, уделяя пристальное внимание способам невербального общения (Спешнев, 2011).

В настоящее время выделяются более конкретизированные аспекты обучения китайскому языку и переводу. О. А. Малых рассматривает использование дневника межъязыковых и межкультурных наблюдений в качестве одного из существенных приемов обучения китаистов (Малых, 2021), А. Е. Маланханова в своих исследованиях анализирует роль информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в обучении студентов-китаистов переводу текстов экономического дискурса (Маланханова, 2021) и т. д.

Исследование и результаты

Основой для выявления ключевых компетенций, необходимых специалисту, послужили требования современного образовательного стандарта (направление 45.03.02 «Лингвистика», профиль «Перевод и переводоведение»), а также данные ведущих сайтов вакансий Европы, Азии и России. В результате анализа информации выделены три блока компетенций специалиста, работающего на международном рынке с китайскими партнерами. К ним относятся компетенции в сфере коммуникации на русском, английском, китайском языках, аналитики, продюсирования деятельности. Общая конфигурация компетенций представлена на рисунке 1.

Рис. 1. Компетентностный набор менеджера языковых коммуникаций в международных проектах

Fig. 1. Intercultural communication manager for transnational projects

Блок «Коммуникация» объединяет компетенции в сфере ведения переговорной деятельности на китайском языке в соответствующих условиях и с определенной целью, согласно которым менеджер языковых коммуникаций в международных проектах должен уметь:

- осуществлять межкультурную коммуникацию на китайском языке в различных форматах (устный/письменный; офлайн/онлайн и т. д.) для достижения основной цели коммуникации с учетом особенностей этнолингвистических факторов;
- воспринимать аутентичную информацию (чтение, аудирование) с учетом отличительных черт китайского языка (тоновая система, иероглифическая письменность);
- выстраивать текст на китайском языке с учетом нормы и узуса языка, а также правил построения текста на основе его стилистических особенностей для достижения связности и логичности;

- отличать этнолингвистическую модель поведения коммуниканта, адекватно реагируя и используя информационный запас соответствующего уровня (обычно не ниже третьего уровня);
- проводить лингвистический анализ текста с учетом культуры, традиций и истории Китая;
- владеть навыками профессиональной коммуникации, а также приемами аргументации, убеждения и медиации;
- организовывать эффективную коммуникацию на межличностном уровне с учетом психоэмоциональных и культурно-лингвистических характеристик коммуниканта;
- организовывать эффективную коммуникацию и обмен информацией в рамках рабочей команды с учетом профессиональных особенностей всех членов команды, а также поддерживать стабильную коммуникацию путем создания благоприятного психологического климата в коллективе и мотивации его членов на активную деятельность и развитие проекта;
- организовывать деловые отношения с государственными учреждениями, общественными организациями, коммерческими структурами, средствами массовой информации, в том числе с зарубежными.

Блок «Аналитика» охватывает компетенции в сфере анализа доступных данных и информации (СМИ, а также любой другой контент на китайском языке): речь идет о так называемой разведке по открытым источникам. Согласно этим компетенциям менеджер языковых коммуникаций в международных проектах должен уметь:

- осуществлять поиск, обработку и анализ информации из различных печатных и электронных источников (на русском, английском и китайском языках);
- предоставлять полученную информацию в соответствии с поставленными задачами и требуемым форматом;
- применять методы набора текста и его редактирования на китайском языке в соответствии с его нормами и узусом;
- анализировать текст с учетом современной геополитической ситуации и на основе исторических, культурологических, лингвистических и философско-религиозных фактов;
- выделять ключевую информацию из текста и самостоятельно ее оценивать (включая прецизионные слова);
- собирать, систематизировать и интерпретировать научно-практическую информацию из различных, в том числе зарубежных, источников;
- проводить исследования рынка в целях определения главных потребностей заказчика;
- анализировать продукты конкурентов, выделять бенчмарки и предоставлять их сравнение по различным характеристикам;
- использовать для решения аналитических и исследовательских задач современные технические средства и информационные технологии.

В блок «Продюсирование» входят компетенции менеджера языковых коммуникаций в международных проектах, которые обеспечивают реализацию профессиональной деятельности или деятельности компании/организации на основании полученных аналитических данных и в соответствии с поставленными задачами. Они предусматривают умение:

- генерировать и критически оценивать идеи продуктов в рамках изучаемой специальности, обладающие экономическим и бизнес-потенциалом;
- подбирать команду и распределять обязанности, а также привлекать сторонних партнеров, в том числе зарубежных (Китай);
- анализировать и привлекать необходимые источники финансирования;
- планировать этапы реализации проекта в соответствии с разработанной концепцией продукта.

Синергия комплекса указанных компетенций и предметных (в конкретной сфере) знаний, навыков и умений дает возможность менеджеру языковых коммуникаций в международных проектах успешно участвовать в отраслевом диалоге, т. е. в коммуникации в профессиональной области на родном или иностранном языке, результатом которой выступает достижение ее стратегической или тактической цели.

В зависимости от развития компетенций, входящих в профессиональную компетентность китаиста-практика и отражающих ключевую идею синергетической модели «Менеджер языковых коммуникаций в международных проектах», может быть реализован уклон в сторону того или иного блока компетенций: один из блоков может находиться в центре, а два других — выполнять поддерживающую и сопровождающую функции. Перевес той или иной функции влечет за собой переориентацию компетенций и их особую конфигурацию (рис. 2).

Рис. 2. Конфигурация компетенций менеджера языковых коммуникаций в ходе реализации международного проекта

Fig. 2. Professional trajectory of Chinese language student

Подводя итог, отметим, что классическая подготовка специалистов-китаистов в настоящее время нуждается в переосмыслении и доработке с учетом реалий современного общества, а именно:

- 1) необходимо разработать теоретические основы подготовки китаистов с опорой на предыдущий образовательный опыт;
- 2) создать программы подготовки специалистов-китаистов в различных профессиональных областях (менеджмент, химия, математика и т. д.);
- 3) усилить подготовку преподавателей китайского языка;
- 4) укрепить подготовку школьников по китайскому языку (в настоящее время в школе отсутствует системная подготовка обучающихся, не разработана методика для всех классов, не предусмотрен основной государственный экзамен по предмету);
- 5) обеспечить соблюдение преемственности на уровнях «детский сад – школа – университет – профессиональная переподготовка»;
- 6) пополнить программы: а) курсами лингвистической направленности по ведению переговорной деятельности в современном мире, анализе ресурсов в китайских СМИ, социальных сетях, медиации в переговорной деятельности, по питчингу (визуальная презентация проекта); б) профессиональными курсами: международное сотрудничество, маркетинг и продвижение товаров в КНР, лидерство и командообразование, выполнение консультационного/ бизнес-проекта с международной компанией, основы торговли и логистики;
- 7) расширить сетевые программы как с китайскими, так и с российскими университетами для улучшения качества программ высшей школы;
- 8) заключить соглашения с работодателями для адресной подготовки специалистов-китаистов;
- 9) привлечь к образовательному процессу так называемых профессоров практики, которые работают в реальном секторе.

Заключение

Опираясь на исследования по методике обучения китайскому языку и переводу, а также ориентируясь на существующие требования подготовки китаистов-практиков, необходимо сделать вывод о том, что современная система не может обеспечить подготовку конкурентоспособного специалиста без учета элементов системы обучения, обеспечивающих непрерывную подготовку данных специалистов на протяжении всей жизни. На наш взгляд, синергетическая модель «Менеджер языковых коммуникаций в международных проектах» позволяет заложить фундамент подготовки будущих специалистов-китаистов, которые могут и способны, на основе современного VUCA-мира, не только развивать знания, умения, навыки и личные качества, входящие в их профессиональную компетентность, но и обеспечивать деятельность своей организации на международном рынке при работе с китайскими партнерами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сепир, Э. (1993). *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. Прогресс, Универс.
2. Толстой, Н. И. (1995). *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*. Индрик.
3. «Китайская культурная лингвистика» Шэнь Сяолун [胡颖. 《2007–2017年文化语言学综述》, 佳木斯职业技术学院学报, 2018年第2期, 348–349].
4. Гураль, С. К. (2012). *Язык как саморазвивающаяся система*. Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 130002 – «Теория и методика обучения и воспитания (иностранные языки)». Национальный исследовательский Томский государственный университет.
5. Гурулева, Т. Л. (2019). *Теория обучения китайскому языку и переводу (в языковой паре китайский ↔ русский)*. Межкультурная лингводидактика. ВКН.
6. Волков, К. В. (2019). Лингвокультурологический аспект китайско-русского перевода. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 5(92), 56–66.
7. Гурулева, Т. Л. (2018). *Компетенции владения китайским языком. Результаты сопоставительного лингводидактического исследования*. ВКН.
8. Спешнев, Н. А. (2011). *Китайцы: особенности национальной психологии*. Каро.
9. Малых, О. А. (2021). Ведение дневника межъязыковых и межкультурных наблюдений как ведущий прием обучения студентов лингвистического профиля. *Межкультурное многоязычное образование как фактор социальных трансформаций: становление и развитие научной школы* (с. 177–181). Сборник научных статей. Языки Народов Мира.
10. Маланханова, А. Е. (2021). Методика обучения студентов переводу текстов экономической направленности с китайского языка на русский язык на основе современных информационных и коммуникационных технологий [Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Москва].

References

1. Sepir, E. (1993). *Selected works in linguistics and cultural studies*. Progress, Univers. (In Russ.).
2. Tolstoy, N. I. (1995). *Language and folklore. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics*. Indrik. (In Russ.).
3. «Chinese cultural linguistics» Shen Xiaolong [胡颖. 《2007–2017年文化语言学综述》, 佳木斯职业技术学院学报, 2018年第2期, 348–349]. (In Chinese).
4. Gural', S. K. (2012). *Language as a self-development system*. Study guide for teacher training students. Specialization 13.00.02 – «Theory and methodology of training and education (foreign languages)». National Research Tomsk State University. (In Russ.).
5. Guruleva, T. L. (2019). *Theory of teaching Chinese and Chinese-to-Russian translation. Crosscultural linguodidactics*. VKN. (In Russ.).
6. Volkov, K. V. (2019). Linguoculturological aspect of Chinese-Russian translation. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta*, 5(92), 56–66. (In Russ.).
7. Guruleva, T. L. (2018). *Chinese language competencies. Comparative linguodidactic study findings*. VKN. (In Russ.).
8. Speshnev, N. A. (2011). *The Chinese: national psychology features*. Karo. (In Russ.).

9. Malykh, O. A. (2021). Cross-language and cross-culture diary as a tool for efficient Linguistics students training. *Cross-cultural multilingual education for social transformations: developing academic school* (pp. 177–181). Collection of scientific articles. Yazyki Narodov Mira. (In Russ.).

10. Malankhanova, A. E. (2021). *Teaching Chinese-to-Russian economic texts translation relying on modern information and communication technologies* [Dissertation for the PhD (Pedagogy): 13.00.02. Moscow]. (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the authors

Евгения Владимировна Тихонова — кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой китайского языка факультета иностранных языков Национального исследовательского Томского государственного университета.

Evgenia V. Tikhonova — PhD (Education), Head of Department of Chinese Language, Faculty of Foreign Languages, National Research Tomsk State University.

Светлана Константиновна Гураль — доктор педагогических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заслуженный декан Научного исследовательского Томского государственного университета.

Svetlana K. Gural — D. Sc. (Pedagogy), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education, Distinguished Worker of Higher Education, Distinguished Dean of National Research Tomsk State University.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Научно-теоретическая статья

УДК 378.016:811.111

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ СМЫСЛОВОМУ ЧТЕНИЮ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ

Рябова Марина Эдуардовна¹,

Шевцова Дарья Сергеевна²

^{1,2} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

¹ ryabovameh@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8728-3629>

² shevtsovads@mgpu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7643-5135>

Аннотация. Смысловое чтение на английском языке в неязыковых вузах является основой обучения грамматике, лексике, а также работы с профессионально направленными текстами. Актуальность проблемы исследования обусловлена общественным запросом о необходимости формирования традиционных отечественных ценностей в контексте изучаемого предмета. В условиях неязыковых вузов дисциплина «Английский язык» позволяет гармонично интегрировать ценностно-смысловой компонент обучения. Цель исследования — анализ возможностей применения аксиологического подхода к обучению смысловому чтению на английском языке студентов неязыковых вузов. Новизна исследования заключается в выявлении характерных черт, уточнении принципов, а также этапов внедрения аксиологического подхода к обучению смысловому чтению на английском языке применительно к экономическим специальностям. Рассматриваются ключевые принципы обучения: принцип аксиологичности, развития социокультурной среды, диалога ценностей и др. Ведущую роль играет сравнительно-сопоставительный метод. С его помощью проанализированы учебно-методические комплекты по английскому языку для неязыковых вузов с точки зрения использования аксиологического подхода к обучению, а также наличия ценностно ориентированных заданий и текстов. Выявлены противоречия между необходимостью формирования отечественных традиционных ценностей при обучении иностранному языку и отсутствием подходящих для этих целей учебных пособий. Результаты исследования позволяют сделать вывод о целесообразности внедрения аксиологического подхода к обучению смысловому чтению, а также разработки учебного пособия, направленного на развитие отечественных традиционных ценностей средствами английского языка.

Ключевые слова: аксиология, ценность, смысловое чтение, принцип обучения.

Для цитирования: Рябова, М. Э., Шевцова, Д. С. (2024). Аксиологический подход к обучению смысловому чтению на английском языке студентов неязыковых вузов. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(55), 189–205.

Scientific and theoretical article

UDC 378.016:811.111

AXIOLOGICAL APPROACH TO TEACHING SEMANTIC READING IN ENGLISH TO STUDENTS OF NON-LINGUISTIC UNIVERSITIES

Marina E. Ryabova¹,

Daria S. Shevtsova²

^{1,2} Moscow City University,
Moscow, Russia,

¹ ryabovameh@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8728-3629>

² shevtsovads@mgpu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7643-5135>

Abstract. Meaningful reading in English in non-linguistic universities is the basis of education; it aids in studying grammar, vocabulary, as well as in considering professionally oriented texts. The relevance of the research problem is due to the need to form traditional values. In the context of language universities, the number of disciplines that allow integrating the value-semantic component of learning is limited; accordingly, there is a need to introduce an axiological approach to teaching a foreign language. The article presents the options for applying the axiological approach when teaching semantic reading in English to students of non-linguistic universities. The purpose of the study is to analyze the possibility of using an axiological event when teaching semantic reading to students at non-linguistic universities. The novelty of the study lies in describing the typical features of the axiological approach, clarifying its principles, as well as enlisting the application stages of the above-mentioned approach in the context of teaching semantic reading in English to students of economic specialties. The study implied the analysis of teaching materials for non-linguistic universities from the point of view of axiological approach in teaching, regarding the application of value-oriented tasks and texts. The article presents the principles of teaching semantic reading relying on the axiological approach. The materials presented prompted conclusions regarding the feasibility of introducing an axiological approach when teaching semantic reading. The article also creates the potential for further exploration of the axiological approach applied to teaching semantic reading in a foreign language.

Keywords: axiological approach, value, semantic reading, learning principles.

For citation: Ryabova, M. A., Shevtsova, D. S. (2024). Axiological approach to teaching semantic reading in English to students of non-linguistic universities. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(55), 189–205.

Введение

Антропоцентрическая парадигма дает возможность развития аксиологического, компетентностного и межкультурного подходов к обучению иностранному языку (ИЯ). Единство этих подходов состоит в их антропоцентричности, т. е. на первое место при обучении ИЯ выдвигается личность обучающегося. ИЯ рассматривается не как цель обучения и способ общения, а как «способ ознакомления обучающихся с новой для них действительностью, культурным богатством, социальными отношениями» (Григорьева, 2019, с. 135).

Сегодня в лингводидактике отмечается повышенный интерес к аксиологическому подходу, центральное место в котором занимает понятие «ценность», более того, в работах ученых наблюдается тенденция возрождения и популяризации отечественных традиционных ценностей. В Указе Президента РФ от 09.11.2022 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» к нравственным ориентирам относятся такие категории, как семья, труд, патриотизм, гражданственность, жизнь и др. (Указ Президента РФ, 2022). Образование — одно из ключевых направлений, непосредственно формирующих ценностное становление личности и способствующих выполнению указа. Исходя из концепции развития государства, традиционные ценности являются общечеловеческими (что также прописано в упомянутом документе), именно поэтому аксиологический подход должен занимать ведущую роль при обучении межкультурному иноязычному диалогу. «Процессы глобализации сопровождаются усилением межкультурного диалога, а вместе с тем обостряют процессы национальной самоидентификации» (Викулова, Серебренникова, Вострикова, Герасимова, 2020, с. 32). «Миссия аксиологического подхода в рамках обучения иностранному языку заключается в формировании национальной идентичности обучающихся, за счет развития общечеловеческих традиционных ценностей, которые являются основой для эффективного диалога культур в условиях постоянно изменяющегося мира» (Языкова, 2023, с. 25).

Профессиональный межкультурный диалог между специалистами определенных сфер строится не только на основе профессионально направленных тем, но и на основе «духовно-нравственного ядра» (Корнеева, 2023, с. 74). Исследования, проведенные Э. П. Комаровой, М. А. Корнеевой, Д. Ч. Гиллеспи, подтверждают целесообразность и эффективность внедрения ценностной составляющей в обучение (Комарова, Корнеева, Гиллеспи, 2023). «Система ценностей, используемая в качестве содержания языкового образования» (Рябова, 2023, с. 375), помогает обучающимся эффективно строить межкультурный профессиональный диалог, так как выступает безопасным единым пространством для коммуникации в различных ситуациях общения.

Зарубежные ученые также подчеркивают необходимость внедрения ценностной составляющей в обучение чтению одновременно с применением современных технологий обучения. Так, Т. Ж. Кхан, Ф. К. Малик и Р. В. Ниази делают акцент на важности использования текстов для повышения мотивации студентов (Khan, Malik, Niazi, 2024). В работах И. Б. Н. Мантра, И. А. М. С. Видиастути, А. А. И. Й. Прамавати отмечается целесообразность применения современных и креативных стратегий обучения иноязычному чтению для достижения целей обучения ИЯ (Mantra, Widiastuti, Pramawati, 2020). Другие авторы также указывают на потребность внедрения современных технологий в обучение чтению для повышения успеваемости и мотивации студентов (Pahamzah, Syafrizal, Nurbaeti, 2022).

Цель исследования состоит в проведении анализа возможностей применения аксиологического подхода к обучению смысловому чтению на английском языке студентов неязыковых вузов.

Новизна исследования заключается в выявлении характерных черт, уточнении принципов, а также этапов внедрения аксиологического подхода к обучению смысловому чтению на английском языке применительно к экономическим специальностям.

В ходе исследования мы оценили учебно-методические комплекты (УМК) по английскому языку для студентов неязыковых направлений с точки зрения наличия в них ценностного компонента содержания, а также исследовали пути реализации возможностей аксиологического подхода в целях формирования традиционных для российского общества ценностных установок обучающихся. В литературе отмечается, что основой для обучения студентов неязыкового вуза в преимущественном большинстве случаев «является письменный текст» (Рябова, 2022, с. 88), поэтому целесообразно применять аксиологический подход к обучению смысловому чтению на ИЯ.

Мы согласны с А. А. Леонтьевым, который определяет смысловое чтение как «восприятие графически оформленной текстовой информации и ее переработку в личностно-смысловые установки в соответствии с коммуникативно-познавательной задачей» (Леонтьев, 1976, с. 47). Подчеркнем, что при поступлении в высшее учебное заведение по специальности экономического профиля студенты не обязаны сдавать экзамен по ИЯ. Хотя и считается, что к концу 9-го класса ученики должны овладеть смысловым чтением, но в действительности уровень владения смысловым чтением на ИЯ довольно низок. Практический опыт показывает, что студенты неязыкового профиля но в преимущественном большинстве не только не обладают высоким уровнем смыслового чтения на ИЯ, но и часто даже не владеют техникой смыслового чтения вслух и тем более про себя, что не позволяет им развивать умения смыслового чтения до необходимого уровня владения при освоении ИЯ для профессиональных целей.

Методология исследования

Методологическую основу исследования составляет аксиологический подход, представленный идеями А. К. Крупченко, Н. В. Барышникова, Е. Г. Таревой, Н. В. Языковой и др., которые в своих трудах выделяют и классифицируют педагогические ценности, обосновывают необходимость развития ценностных установок, а также предлагают методологические аспекты для внедрения ценностного подхода.

Среди методов исследования выделим следующие: сравнительно-сопоставительный — использован для анализа УМК по английскому языку; наблюдения, анкетирования и эксперимента — применен для осуществления практической реализации разработанной модели обучения; качественного и количественного анализа — задействован для оценки результатов работы.

Ход исследования

Исследование включает в себя три этапа.

I. Мы изучили возможности аксиологического подхода с точки зрения реализации ценностного компонента обучения ИЯ. Рассмотрели основные положения аксиологического подхода, систему ценностей и технологии, применяемые для их формирования, определили критерии оценки учебно-методических материалов.

II. Провели анализ УМК для обучения английскому языку студентов экономических специальностей, принимая во внимание наличие в них ценностного компонента, а также соответствие представленных ценностных установок традиционным отечественным ценностям.

III. Отобрали необходимые принципы для эффективного обучения смысловому чтению студентов на основе аксиологического подхода с учетом традиционных ценностей и провели первичное апробирование.

Рассмотрим каждый этап подробнее.

Этап I. Система ценностей для реализации целей в лингводидактике опирается на аксиологический подход, исследующий «категорию “ценность”, характеристики, структуры и иерархии ценностного мира, его онтологический статус, а также природу и специфику ценностных суждений» (Гринев-Гриневич, Сорокина, Викулова, 2021, с. 223). С точки зрения применения в лингводидактике целью аксиологического подхода служит развитие ценностных ориентаций обучающихся при обучении ИЯ и культуре в ходе сравнения и анализа ценностей своей и иной культуры. При рассмотрении ценностей с точки зрения педагогики в центре внимания оказываются «нравственные и эстетические нормы, выработанные человеческой культурой и являющиеся продуктами общественного сознания» (Дьячкова, 2007, с. 81). Ряд ученых придерживается мнения, что ценности находятся

в иерархическом порядке. Например, Г. В. Валеева и Н. Л. Богомазова приводят их обобщенную иерархию:

- высшие ценности олицетворяют ценности как для индивида, так и для общества;
- витальные ценности касаются основных потребностей, таких как здоровье, качество жизни и безопасность;
- терминальные ценности выражают идеалы, в то время как инструментальные ценности представляют собой средства для их достижения;
- духовные ценности отражают внутренние убеждения и принципы человека;
- социальные ценности символизируют общечеловеческие идеалы и нормы (Валеева, Богомазова, 2017).

В ранее упомянутом Указе Президента РФ от 09.11.2022 перечислены следующие традиционные ценности: «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» (Указ Президента РФ, 2022, с. 2). Учитывая вышесказанное, можно выделить четыре основные группы ценностей: духовные, общечеловеческие, национальные и общественно-политические. Это позволяет определить критерии анализа содержания учебных пособий / рабочих программ неязыковых вузов с точки зрения наличия в них ценностного компонента. Использование ценностного анализа, а также поиск «положительных ценностей» помогает эффективно строить межкультурный диалог (Герасимова, 2016, с. 97).

Этап 2. Для оценки наличия ценностного компонента обучения мы проанализировали УМК для неязыковых вузов экономических специальностей. Пособия отобрали исходя из рейтинга высших учебных заведений RAEX по направлению «Экономика» за 2023 год (RAEX). В их число вошли следующие издания:

1. Учебное пособие «Английский язык для предпринимателей»¹ (Акимова, Горшкова, Шарабарина, 2024).

Используется в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова. По словам авторов книги, цель курса заключается в ознакомлении студентов с ведением бизнеса на английском языке, поэтому они используют аутентичные материалы, написанные для предпринимателей и экономистов. Издание состоит из восьми модулей, посвященных экономической или бизнес-тематике, и рассчитано на 72 академических часа. Последний модуль —

¹ Акимова О. А. Английский язык для предпринимателей. English for entrepreneurs (B1-B2): учебное пособие для вузов / О. А. Акимова, И. В. Горшкова, Н. Э. Шарабарина. М.: Юрайт, 2024. 172 с. (Высшее образование).

Same but different — раскрывает особенности ведения международного бизнеса, освещает различия культур, а также манер поведения и общения. Пособие имеет коммуникативную направленность, содержит большое количество разнообразных заданий для отработки лексики, чтения, грамматики и говорения. После каждого модуля дан case study в рамках специальности обучающихся.

2. Учебник «Английский язык для экономистов»² (Левченко, Долгалёва, Мещерякова, 2023).

Им пользуются студенты Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Цель курса — формирование иноязычной коммуникативной компетенции во всех сферах: бытовой, профессиональной и учебной. УМК включает в себя три раздела: общий, академический и профессиональный английский язык; рассчитан на 108 часов. Профессиональный английский язык изучается на основе тем про деньги, банки, финансы, финансовые рынки и др. Пособие основано на лексическом подходе, содержит большое количество заданий на отработку лексики и вывода ее в речь.

3. Учебник и практикум «Английский язык в бизнес-информатике»³ (Чикилева, Авдеева, Есина, 2024).

Учебник и практикум для вузов рассчитан на 72 часа. По нему учатся студенты Финансового университета при Правительстве РФ. Его отличает наличие большого количества текстов, используемых для разбора изучаемой лексики, ввода нового материала, отработки умений говорения и др. Тексты имеют экономическую направленность: экономика, корпорации, интернет-бизнес, цифровая экономика и др. В издании отсутствуют темы общего содержания или темы, связанные с культурными особенностями стран.

4. Учебник и практикум «Английский язык для экономистов»⁴ (Барановская и др., 2024).

Учебник используют в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики». Курс разработан для студентов экономических направлений, которым необходимо развивать профессиональное общение в этой сфере. Учебник состоит из двух частей: Student's book и Workbook. В пособии 10 модулей экономической направленности. Они соответствуют классической тематике учебных дисциплин «Экономика» и «Макроэкономика», что позволяет лучше усвоить материал и глубже погрузиться в тему.

² Левченко В. В. Английский язык для экономистов (A2-B2): учебник для вузов / В. В. Левченко, Е. Е. Долгалёва, О. В. Мещерякова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2023. 408 с. (Высшее образование).

³ Чикилева Л. С. Английский язык в бизнес-информатике. English for Business Informatics (B1-B2): учебник и практикум для вузов / Л. С. Чикилева, Е. Л. Авдеева, Л. С. Есина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. 196 с. (Высшее образование).

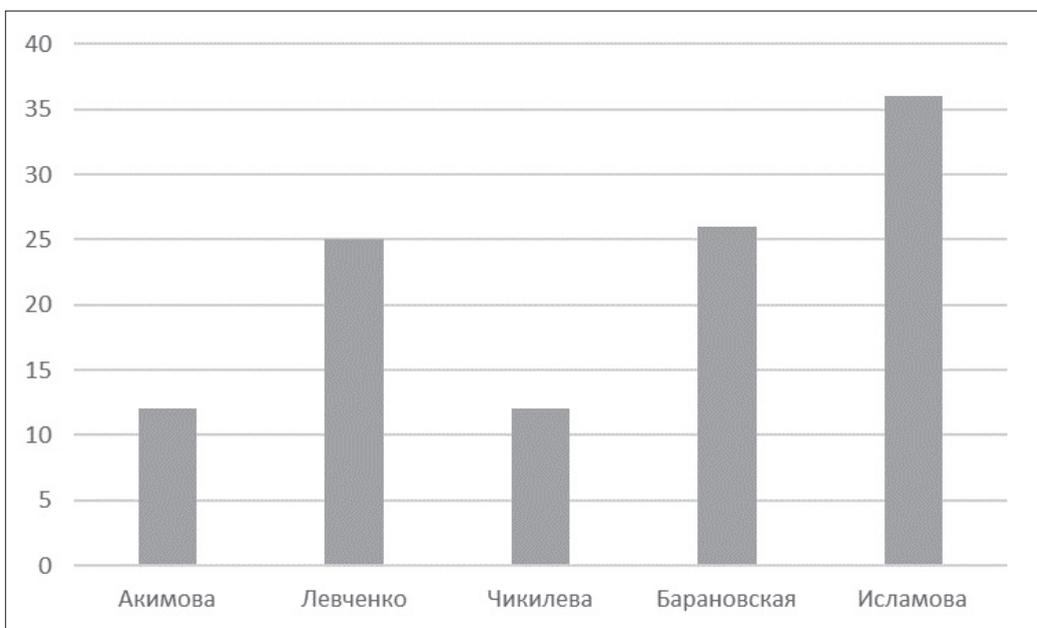
⁴ Английский язык для экономистов (B1-B2): учебник и практикум для среднего профессионального образования / Т. А. Барановская [и др.]; отв. ред. Т. А. Барановская. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. 470 с. (Профессиональное образование).

Пособие имеет коммуникативную направленность, нацелено на отработку говорения, письма, новой лексики.

5. Рабочая программа по дисциплине «Английский язык»⁵ (Исламова, 2022).

Рабочая программа, применяемая в Санкт-Петербургском государственном университете (СПбГУ), предусматривает использование учебника *Language leader*⁶ издательства Pearson. В первом семестре студенты изучают темы «Здоровье», «Мода и потребительство», «Технологии». Каждую тему рассматривают очень подробно, выполняют задания на отработку говорения, письма, чтения и аудирования. Отдельно тщательно разбирают грамматические темы.

Приведем результаты анализа содержания УМК с точки зрения наличия материала для формирования национально-культурной идентичности студента (рис. 1). Все УМК имеют экономическую направленность, поэтому ценностный компонент содержания выражен незначительно.

Рис. 1. Использование ценностного компонента в УМК

Fig. 1. Using the value component in teaching materials

Диаграмма показывает, что в пособиях О. А. Акимовой и Л. С. Чикилевой ценностный компонент представлен в меньшей степени. В учебниках В. В. Левченко и Т. А. Барановской примерно одинаковый процент ценностно

⁵ *Исламова А. К.* Рабочая программа по дисциплине «Английский язык». СПбГУ: [б. и.], 2022.

⁶ *Cotton D.* *Language leader. Intermediate. Coursebook.* Pearson Education, 2016.

ориентированных заданий. В пособии *Language leader* ценностный компонент раскрыт наиболее широко, однако стоит сказать, что это пособие используется для обучения английскому языку для деловых целей и имеет общие темы для изучения, в то время как остальные пособия разработаны для конкретной специальности экономического профиля и в значительной степени направлены на развитие английского языка в этой сфере употребления.

Рассмотрим классификацию ценностей в разрезе по каждому УМК. В таблице 1 дан сводный анализ ценностных характеристик УМК.

Таблица 1/ Table 1

Анализ ценностей в УМК по специальностям экономического профиля
Analysis of values in textbooks for economics majors

Ценность	Т. А. Барановская	О. А. Акимова	В. В. Левченко	Л. С. Чиклева	Language leader
Права	–	–		2	2
Труд	1	2	1	–	2
Уважение	–	1	2	2	–
Жизнь и здоровье	3	1	3	–	4
Карьера	2	3	3	4	3
Свобода	–	–	–	2	2
Потребление	5	1	–	–	2
Деньги	7	3	8	1	3
Семья	–	–	2	–	2
Образование	1	–	5	–	4
Иное	3	1	2	1	3

В учебном пособии «Английский язык для предпринимателей» (О. А. Акимова, И. В. Горшкова, Н. Э. Шарабарина) наиболее значимы материальные ценности, а именно деньги (и карьера как компонент успеха и гарантия материальных благ). Понятие ценности труда встречается также достаточно часто (17 % от всех ценностно ориентированных заданий). На последнем месте по частотности отсылок понятия взаимоуважения и потребления. При сравнении с традиционными ценностями совпадения в УМК представлены в виде таких категорий, как жизнь, взаимоуважение и труд.

В учебнике В. В. Левченко, Е. Е. Долгалёвой, О. В. Мещеряковой «Английский язык для экономистов» наиболее распространено понятие *деньги*, что легко объяснить с точки зрения его использования как пособия для экономистов. Ценности *образование* и *карьера* встречаются с одинаковой частотностью, за ними следуют ценности *здоровье*, *семья*, *наука* и *уважение*. В данном

издании отражены традиционные российские ценности: *здоровье (жизнь), семья, уважение, труд*.

В учебном пособии Л. С. Чикилевой, Е. Л. Авдеевой, Л. С. Есиной «Английский язык в бизнес-информатике» наиболее широко даны ценности *карьера, деньги, права, взаимоуважение*, далее следуют *свобода* и *безопасность*. УМК имеет узкоспециализированную направленность, часто используются CLIL-технологии для освоения той или иной темы. Традиционные российские ценности выражены в трех категориях: *права, свобода, взаимоуважение*.

Учебник Т. А. Барановской с соавторами «Английский язык для экономистов» имеет экономическую направленность, чем объясняется преобладание понятий *деньги* и *потребление*. Значительную долю занимают понятия *жизнь* и *здоровье*, а также *карьера* и *справедливость*. Традиционные российские ценности отражают понятия *жизнь, справедливость, историческая память, труд*. Несмотря на большие возможности для формирования традиционных ценностей при использовании УМК, в нем присутствует понятие потребления, которое является противоположным духовным ценностям и формирует ценности, несвойственные традиционному российскому обществу.

Учебник *Language leader*, применяемый в СПбГУ, имеет широкий спектр представленных в нем ценностей, наиболее частотно используются: *жизнь, образование, карьера, деньги*. При сопоставлении с традиционными российскими ценностями следует выделить такие категории, как *семья, гуманизм, жизнь, права, труд, милосердие, свобода*.

Проведенный анализ показывает, что УМК несут в себе ценностный компонент содержания, однако не все издания направлены на формирование традиционных ценностей. Более того, часто преобладают несвойственные традиционным ценностям категории (материальные ценности и потребление), что препятствует формированию национальной идентичности студентов.

Этап 3. Обучение смысловому чтению на основе аксиологического подхода.

Успешное формирование национальной идентичности и системы ценностей студентов возможно при условии соблюдения принципов аксиологического подхода.

Н. В. Языкова к основным принципам аксиологического подхода, непосредственно влияющим на формирование ценностного компонента иноязычной компетенции, относит следующие:

1) «принцип аксиологичности иноязычного образования» (Языкова, 2023, с. 26), который подразумевает изучение иной и своей культуры посредством ценностей;

2) «принцип развития социокультурной среды» (Там же), в котором отражается значимость воспитания на основе формирования национальной идентичности;

3) «принцип диалога ценностей» (Там же); на основе анализа общечеловеческих ценностей, ценностей своей и иной культуры возникают возможности межкультурной коммуникации;

4) «принцип учета эмоционально-чувственной сферы обучающихся» (Там же) необходим при отборе содержания обучения ИЯ;

5) «принцип опоры на индивидуальный опыт обучающихся» (Там же);

6) «принцип активизации форм самооценки, саморефлексии, самовоспитания» (Там же), направленных на развитие ценностных ориентаций студентов.

Чтение — основа обучения ИЯ в неязыковом вузе: посредством текста вводится новая лексика, грамматика и отрабатывается говорение и письмо. Одна из целей обучения английскому языку в рамках курса для неязыковых вузов — обучение чтению профессионально направленных текстов на ИЯ для успешного завершения обучения в целом (Agustina, 2014). Более того, в соответствии с проведенными исследованиями применение аутентичных текстов при обучении чтению повышает общую успеваемость студентов (Sasabone, Jubhari, Bashar, 2023). Так, важность обучения иноязычному чтению студентов неязыковых вузов является очевидной. Для эффективной работы при обучении смысловому чтению студентов на ИЯ, а также для проведения ценностно-смыслового анализа культур необходимо добавить следующие принципы для закрепления материала:

Общедидактический *принцип активности* для эффективного анализа и глубокого понимания прочитанного текста, что способствует качественному восприятию и пониманию идеи текста.

Частнодидактический *принцип компаративности*, который состоит в выделении общего в ценностях родной и иной культуры и содействует формированию студентом собственного мнения по изучаемой проблеме. В рамках изучения английского языка студентами экономического профиля следует анализировать особенности экономических аспектов иной и своей культуры, что помогает развивать не только межкультурную, но и профессиональные компетенции будущих экономистов.

Реализация концепции аксиологического подхода к обучению смысловому чтению возможна посредством современных технологий (например, ролевые игры, case study, проектная деятельность, анализ текста, дебаты и др.), позволяющих повысить мотивацию студентов, глубже осмыслить и осознать свою позицию по дискуссионной проблеме.

Мы провели первичную апробацию обучения смысловому чтению на основе аксиологического подхода в Институте международных экономических связей среди второкурсников, обучающихся по направлению «Экономика». Уровень владения английским языком у студентов А2-В1. В качестве ценностного ориентира на занятии мы выбрали категории *жизнь* и *здоровье*, при этом использовали технологии проблемного обучения. Цель первичной апробации заключается в проверке методики обучения в реальных условиях образовательного процесса и получении обратной связи от студентов. Обучение смысловому чтению на ИЯ на основе аксиологического подхода предусматривает семь этапов: 1) подготовительный, 2) предтекстовый, 3) текстовый; 4) аналитический, 5) межкультурно-аналитический, 6) ценностного анализа, 7) рефлексии. Рассмотрим их подробнее.

Этап 1. Цель — актуализация знаний студентов в ходе обсуждения темы и подготовка к анализу информации. Обучающимся дано облако слов по выбранной теме. Они отвечают на вопросы и анализируют связь между словами, определяют тему занятия.

Этап 2. Даны два задания на новую лексику для снятия возможных трудностей при прочтении.

Этап 3. Студенты читают текст и отвечают на вопросы.

Этап 4. Цель — анализ, осмысление и сопоставление взаимосвязи питания и здорового образа жизни с продолжительностью жизни. Участники проходят опрос на тему здорового питания и принимают участие в беседе, в ходе которой оценивают свой результат.

Этап 5. Студенты в группе анализируют взаимосвязь продолжительности и образа жизни в разных странах на материале предложенных текстов и представляют свои результаты в виде презентаций.

Этап 6. Обоснование необходимости ведения здорового образа жизни с точки зрения экономического роста государства. Студенты работают в двух группах и доказывают необходимость поддержания здорового образа жизни народа с позиции государства.

Этап 7. Участвуя в онлайн-опросе, студенты оценивают практическое занятие, осмысливают трудности и результативность своей работы. Обучающиеся подчеркивают важность обсуждения проблемы и отмечают, что узнали много нового для себя. Некоторые студенты выделяют такие трудности, как технические проблемы и недостаточное количество времени. Несмотря на это, все активно вовлечены в занятие и участвуют в дискуссиях. Цели заключительного этапа: применить полученные знания; развить критическое мышление; закрепить усвоенный материал. В качестве домашнего задания студентам предложено провести анализ своего образа жизни и обозначить возможные изменения для сохранения здоровья организма.

Таким образом, апробация позволяет сделать вывод о целесообразности использования аксиологического подхода к обучению чтению на английском языке.

Заключение

Современное развитие страны диктует необходимость формирования национальной идентичности; осознания и приятия традиционных ценностей и векторов развития государства. При этом использование аксиологического подхода является оптимальным решением. Обращение к ценностной составляющей содержания наиболее эффективно при обучении гуманитарным дисциплинам, в неязыковых вузах ИЯ представляет собой одну из немногих возможностей реализации воспитательного компонента образования. Обучение ИЯ и культуре происходит в процессе работы с текстовой информацией; следовательно,

требуется интеграция аксиологического подхода к обучению смысловому чтению на ИЯ с учетом принципов обучения, а также с применением современных технологий обучения, направленных на глубинный анализ прочитанного.

Проведенный анализ УМК и первичное апробирование дают право сделать вывод о потребности экспериментально апробировать сформулированную гипотезу и модель обучения, основанную на применении ценностного подхода к обучению ИЯ, включенного в содержание учебного курса в формате текстов и заданий, позволяющих развивать умения смыслового чтения до необходимого уровня владения при освоении ИЯ для профессиональных целей. Ближайшая перспектива исследований видится во внедрении в процесс обучения специального учебного пособия, предусматривающего развитие отечественных традиционных ценностей средствами английского языка.

Список источников

1. Акимова, О. А., Горшкова, И. В., & Шарабарина, Н. Э. (2024). *Английский язык для предпринимателей. English for entrepreneurs (B1-B2)*. Учебное пособие для вузов. Юрайт.
2. Барановская, Т. А., & et al. (2024). *Английский язык для экономистов (B1-B2)*. Учебник и практикум для среднего профессионального образования. Т. А. Барановская (Ред.). 3-е изд., перераб. и доп. Юрайт.
3. Валеева, Г. В., & Богомазова, Н. Л. (2017). Классификации и системы ценностей отечественных мыслителей: аналитический обзор. *Манускрипт*, 7, 3–9.
4. Видулова, Л. Г., Серебренникова, Е. Ф., Вострикова, О. В., & Герасимова, С. А. (2020). Лексемы *identite/идентичность* как элементы универсумов человека и языка: этносемиотрический и аксиологический аспекты интерпретации. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 2(831), 30–42.
5. Федорова, Д. В., Барышников, Н. В., Евтюгина, А. А., Коган, Л. Н., Лотман, Ю. М., Лукина, А. К., & Тер-Минасова, С. Г. (2022). Влияние культуры других стран на формирование личности. *Наука и инновации XXI века* (с. 107–109). Сборник статей по материалам VIII Всероссийской конференции молодых ученых: в 4 т. Т. IV. Сургутский государственный университет.
6. Герасимова, С. А. (2016). Архитектоника индивидуально ориентированного учебника иностранного языка. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4(24), 95–103.
7. Григорьева, Е. Я., & Черкашина, Е. И. (2019). Реализация лингвокультурологического подхода к преподаванию романских языков в системе подготовки магистратуры. *Rhema. Рема*, 3, 133–147.
8. Дьячкова, М. А. (2007). Понятия ценность и духовно-нравственные ценности в педагогике. *Сибирский педагогический журнал*, 12, 141–149.
9. Исламова, А. К. (2020). *Рабочая программа по дисциплине «Английский язык»*. СПбГУ.
10. Комарова, Э. П., Корнеева, М. А., & Гиллеспи, Д. Ч. (2023). Интеграция гуманитарной составляющей в обучение профессиональному иноязычному дискурсу студентов направления подготовки «География, иностранный язык» посредством

чтения художественной литературы. *Известия Воронежского государственного педагогического университета*, 2(299), 61–67.

11. Корнеева, М. А. (2023). Обучение иноязычному дискурсу в постнеклассической картине мира. *Актуальные вопросы англистики и методики преподавания русского языка как иностранного* (с. 70–76). Сборник научных статей. Т. 2. Языки Народов Мира.

12. Крупченко, А. К. (2019). Аксиологические стратегии иноязычного профессионального педагогического образования. *Преподаватель XXI век*, 4, 44–54.

13. Леонтьев, А. А. (1976). *Признаки связности и цельности текста. Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации)*. Наука.

14. Левченко, В. В., Долгалёва, О. В., & Мещерякова, О. В. (2023). *Английский язык для экономистов (A2-B2)*. Учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. Юрайт.

15. Максимова, Н. Ю. (2012). Современные принципы обучения иностранному языку в вузе. *Образование личности*, 3, 32–35.

16. Ноздрина, Н. А. (2021). Понятие ценности в современной философии. *Sciences of Europe*, 69, 35–41.

17. Рябова, М. Э. (2022). Методика обучения монологической речи студентов языкового вуза на основе электронных ресурсов. *Германские языки и сопоставительное языкознание: современные проблемы и перспективы развития*, 4, 87–91.

18. Рябова, М. Э. (2023). К вопросу о ценностной основе содержания языкового образования. *Большая конференция МГПУ* (с. 373–377). Сборник тезисов: в 3 т. Т. 1. МГПУ.

19. Слостенин, В. А., Исаев, И. Ф., & Шиянов, Е. Н. (2002). *Педагогика*. Учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. Академия.

20. Сайт рейтинговой группы RAEX. (2024, 14 июля). https://raex-rr.com/education/subject_ranking/Economy/2023/

21. Тарева, Е. Г. (2017). Диалог культур и не-диалог культур в обучении иностранным языкам. В *Диалоге языков и культур* (т. VI, с. 439–450). Материалы VI Международной научно-дидактической конференции, Варшава, 01–02 июня 2017 года. *Lingwistyczna Szkoła Wyższa w Warszawie*.

22. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

23. Чикилева, Л. С., Авдеева, Е. Л., & Есина, Л. С. (2024). *Английский язык в бизнес-информатике. English for Business Informatics (B1-B2)*. Учебник и практикум для вузов. Юрайт.

24. Языкова, Н. В. (2023). Аксиология лингвообразования: концептуальные аспекты и технологические решения. *Экология языка. Моно- и межкультурная коммуникативная практика* (с. 11–16). БГУ им. Д. Банзарова.

25. Agustina, T. (2014). English for Specific Purposes (ESP): An Approach of English Teaching for Non-English Department Students. *Beta: Jurnal Tadris Matematika*, 7(1), 37–63.

26. Cotton, D., Falvey, D., & Kent, S. (2014). *New language leader. Intermediate. Coursebook*. Pearson Education.

27. Khan, T. J., Malik, F. Q., & Niazi, R. W. (2024). Macro and Micro Factors Influencing English Reading Motivation among Pre-University Pakistani ESL Students: A Case Study. *Pakistan Languages and Humanities Review*, 8(2), 431–440.

28. Mantra, I. B. N., Widiastuti, I. A. M. S., & Pramawati, A. A. I. Y. (2020). Micro and macro skills of reading comprehension acquired by EFL students. *International Journal of Linguistics and Discourse Analytics*, 1(2), 10–17.
29. Pahamzah, J., Syafrizal, S., & Nurbaeti, N. (2022). The effects of EFL course enriched with Kahoot on students' vocabulary mastery and reading comprehension skills. *Journal of Language and Linguistic Studies*, 18(1), 643–652.
30. Sasabone, L., Jubhari, Y., & Bashar, K. (2023). The effectiveness of Authentic Materials For Reading Comprehension of English for Specific Purposes (ESP) Students. *IJOLEH: International Journal of Education and Humanities*, 2(2), 125–134.

References

1. Akimova, O. A., Gorshkova, I. V., & Sharabarina, N. E. (2024). *English for entrepreneurs. English for entrepreneurs (B1-B2)*. Study guide for universities. Yurait. (In Russ.).
2. Baranovskaya, T. A. (2024). *English for economists (B1-B2)*. Textbook and workshop for secondary vocational education. T. A. Baranovskaya (Ed.). 3rd ed., redesigned and expanded. Yurait. (In Russ.).
3. Valeeva, G. V., & Bogomazova, N. L. (2017). Klassifikacii i sistemy cennostej otechestvennyh myslitelej: analiticheskij obzor. *Manuskript*, 7, 3–9. (In Russ.).
4. Vikulova, L. G., Serebrennikova, E. F., Vostrikova, O. V., & Gerasimova, S. A. (2020). Lexemes identit /identity as elements of the human and language universes: ethno-semiometric and axiological aspects of interpretation. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2(831), 30–42. (In Russ.).
5. Fedorova, D. V., Baryshnikov, N. V., Evtyugina, A. A., Kogan, L. N., Lotman, Yu. M., Lukina, A. K., & Ter-Minasova, S. G. (2022). The influence of the culture of other countries on the formation of personality. *Science and innovation of the XXI century* (pp. 107–109). Collection of articles based on the materials of the VIII All-Russian Conference of Young Scientists: in 4 vols. Vol. IV. Surgut State University. (In Russ.).
6. Gerasimova, S. A. (2016). Architectonics of individually oriented coursebooks of foreign language. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(24), 95–103. (In Russ.).
7. Grigor'eva, E. Ya., & Cherkashina, E. I. (2019). Implementation of the linguistic and cultural approach to teaching Romanic languages in the system of master degree preparation. *Rhema*, 3, 133–147. (In Russ.).
8. D'yachkova, M. A. (2007). The concept of value and moral values in pedagogy. *Siberian Pedagogical Journal*, 12, 141–149. (In Russ.).
9. Islamova, A. K. (2020). *Rabochaya programma po discipline «Anglijskij yazyk»*. SPbGU. (In Russ.).
10. Komarova, E. P., Korneeva, M. A., & Gillespi, D. CH. (2023). Integration of the humanitarian component into the teaching of «Geography/English» students through reading fiction in English. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*, 2(299), 61–67. (In Russ.).
11. Korneeva, M. A. (2023). Teaching foreign language discourse in post-nonclassical picture of the world. *Topical issues of English studies and methods of teaching Russian as a foreign language* (pp. 70–76). Collection of scientific articles. Vol. 2. Yazyki Narodov Mira. (In Russ.).
12. Krupchenko, A. K. (2019). Axiological strategies of foreign language professional teacher training education. *Prepodavatel' XXI century*, 4, 44–54. (In Russ.).

13. Leont'ev, A. A. (1976). *Text coherence and integrity. Meaningful perception of verbal message (in mass communication)*. Nauka. (In Russ.).
14. Levchenko, V. V., Dolgaleva, O. V., & Meshcheryakova, O. V. (2023). *English for economists (A2-B2)*. Textbook for universities. 2nd ed., corrected and expanded. Yurait. (In Russ.).
15. Maksimova, N. Yu. (2012). Modern principles of teaching foreign language in universities. *Personality Formation*, 3, 32–35. (In Russ.).
16. Nozdrina, N. A. (2021). Concept of value in modern philosophy. *Sciences of Europe*, 69, 35–41. (In Russ.).
17. Ryabova, M. E. (2022). Teaching monological speech to students of a language university on the basis electronic resources. *Germanskije yazyki i sopolstavitel'noe yazykoznanie: sovremennye problemy i perspektivy razvitiya*, 4, 87–91. (In Russ.).
18. Ryabova, M. E. (2023). On axiological basis for foreign language education content. *The Great Conference of the Moscow City University* (pp. 373–377). Collection of abstracts: in 3 vols. Vol. 1. MCU. (In Russ.).
19. Slastenin, V. A., Isaev, I. F., & Shiyanov, E. N. (2002). *Pedagogy*. Manuals for higher education students. Academia. (In Russ.).
20. RAEX. (2024, July 14). https://raex-rr.com/education/subject_ranking/Economy/2023/ (In Russ.).
21. Tareva, E. G. (2017). Dialogue and non-dialogue of cultures in foreign language teaching. In *the dialogue of languages and cultures* (Vol. VI, pp. 439–450). Proceedings of the VI International Scientific and Didactic Conference, Warsaw, 01–02 June 2017. Lingwistyczna Szkoła Wyższa w Warszawie. (In Russ.).
22. Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated November 9, 2022 «On Approval of the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral values». <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (In Russ.).
23. Chikileva, L. S., Avdeevoy, E. L., & Esina, L. S. (2024). *English for business IT. English for Business Informatics (B1-B2)*. Textbook and workshop for universities. Yurait. (In Russ.).
24. Yazykova, N. V. (2023). Linguistic education axiology: conceptual aspects and technological solutions. *The ecology of language. Mono- and intercultural communication practice*, 11–16. BSU named after D. Banzarov. (In Russ.).
25. Agustina, T. (2014). English for Specific Purposes (ESP): An Approach of English Teaching for Non-English Department Students. *Beta: Jurnal Tadris Matematika*, 7(1), 37–63.
26. Cotton, D., Falvey, D., & Kent, S. (2014). *New language leader. Intermediate. Coursebook*. Pearson Education.
27. Khan, T. J., Malik, F. Q., & Niazi, R. W. (2024). Macro and Micro Factors Influencing English Reading Motivation among Pre-University Pakistani ESL Students: A Case Study. *Pakistan Languages and Humanities Review*, 8(2), 431–440.
28. Mantra, I. B. N., Widiastuti, I. A. M. S., & Pramawati, A. A. I. Y. (2020). Micro and macro skills of reading comprehension acquired by EFL students. *International Journal of Linguistics and Discourse Analytics*, 1(2), 10–17.
29. Pahamzah, J., Syafrizal, S., & Nurbaeti, N. (2022). The effects of EFL course enriched with Kahoot on students' vocabulary mastery and reading comprehension skills. *Journal of Language and Linguistic Studies*, 18(1), 643–652.
30. Sasabone, L., Jubhari, Y., & Bashar, K. (2023). The effectiveness of Authentic Materials For Reading Comprehension of English for Specific Purposes (ESP) Students. *IJOLEH: International Journal of Education and Humanities*, 2(2), 125–134.

Информация об авторах / Information about the authors

Марина Эдуардовна Рябова — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры германистики и лингводидактики Института иностранных языков МГПУ.

Marina E. Ryabova — D. Sc. (Philosophy), Professor, Professor of the Department of German Studies and Linguistic Didactics, Institute of Foreign Languages, MCU.

Дарья Сергеевна Шевцова — аспирант кафедры германистики и лингводидактики Института иностранных языков МГПУ.

Daria S. Shevtsova — Postgraduate Student of the Department of German Studies and Linguistic Didactics, Institute of Foreign Languages, MCU.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по филологии (литературоведению, русскому языку, германским языкам, романским языкам, восточным языкам), теории языка, языковому образованию, межкультурной коммуникации.

Журнал адресован преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям ученой степени и студентам.

Редакция просит авторов при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия «Филология. Теория Языка. Языковое образование» (далее — «Вестник»), руководствоваться данными требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом университета и разработанными в соответствии с ГОСТ Р 7.07–2021 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Авторами статей «Вестника» могут быть ученые, исследователи (докторанты, аспиранты).

Научные статьи принимаются в течение года и в случае положительного решения редколлегии включаются в рукопись одного из очередных номеров журнала **в порядке поступления**.

Не принимаются ранее опубликованные статьи и материалы, не отвечающие предъявляемым далее требованиям.

Журнал публикует только **оригинальные высококачественные научные работы** (не менее 85 % по результатам проверки в системе обнаружения текстовых заимствований «Антиплагиат»: <https://mgpu.antiplagiat.ru/>).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 82-1: 82-193.3

DOI

Строфика и жанровое разнообразие поэзии О. Уайльда**Николаева Марина Николаевна**

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

NikolaevaM@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0152-1647>

Аннотация. Статья посвящена .... Актуальность исследования обусловлена ... Статья направлена на раскрытие / обоснование / разработку ... Ведущим методом в исследовании выступил ... Выборка исследования включала ... В статье выявлено / обосновано / раскрыто ... Представленные в статье результаты / материалы позволяют ... **(200–250 слов).**

Ключевые слова: жанр, строфика, классическая стихотворная форма, катрен, терцет, рифма **(3–15 слов / словосочетаний).**

Для цитирования: Николаева, М. Н. (2022). Строфика и жанровое разнообразие поэзии О. Уайльда. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(45), __. <https://doi.org/xxx>

Original article

UDC

DOI

Strophic and genre diversity of O. Wilde's poetry**Marina N. Nikolaeva**

Moscow City University,

Moscow, Russia,

NikolaevaM@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0152-1647>

Abstract. The article regards / features/ studies ... The study proves relevant due to ... The article aims at ... The principal research method is... The empirical data include ... The paper reveals / claims ... The findings contribute to ... **200–250 words.**

Keywords: genre, stanza, classical poetic form, quatrain, tercet, rhyme **(3–15 words).**

For citation: Nikolaeva, M. N. (2022). Strophic and genre diversity of O. Wilde's poetry. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(45), __. <https://doi.org/xxx>

Введение / Introduction

Творческая индивидуальность Оскара Уайльда, представителя англо-ирландской литературы, ключевой фигуры эстетизма и западноевропейского модернизма, формировалась под воздействием философско-эстетических доктрин Уолтера Пейтера, оксфордского наставника Уайльда и идей Джона Рёскина. Так, У. Пейтер утверждал, что «only organizing power of art could arrest the rush of time <...> and would allow the individual's awareness 'to burn always with this hard, gem-like flame'» (Varty, 2000, p. X).

Современные исследователи отмечают, что изучение творчества О. Уайльда «through a contextualized historical perspective has become an important approach» (Yang, 2020, p. 36). Мы согласны, что важно рассматривать творчество писателя с опорой на жизненные факты. Однако сформировавшийся за столетие «феномен Уайльда», который «проявился в особом внимании к личности О. Уайльда, в какой-то степени заслонила для многих его творчество не только в массовом сознании, но и в трудах исследователей, как его современников, так и уайльдоведов последующих поколений» (Луков, 2007).

Текст .....

Во введении четко формулируются цели и задачи. Концепция исследования базируется на доказанных научных положениях.

Методология исследования / Methodology

В разделе **Методология исследования** приводится обоснование выбора методологического подхода, дается описание эксперимента, материала и процедуры исследования. Текст .....

Текст текст текст текст

Результаты и дискуссия / Результаты исследования / Ход исследования / Results and discussion

В разделе **Результаты** приводится описание того, что было получено, а не сделано. Важно придерживаться последовательного логического изложения. Результаты иллюстрируются минимально необходимыми примерами. В разделе **Дискуссия** полученные результаты анализируются в контексте уже имеющихся данных. Рассматриваются возможные причины и следствия. Текст .....

Текст текст текст текст

Заключение / Conclusion

В **Заключении** подводятся теоретически, методологически и практически значимые итоги и перспективы исследования. Новая информация не вводится. Текст .....

Текст текст текст текст

Список источников

1. Varty, A. (2000). Introduction. *The Collected Poems of Oscar Wilde*. Wordsworth Edition Limited. III–XXVI.

2. Yang, Yu. (2020). The Aesthetics of Exhibitionism: Oscar Wilde as a Public Aesthete. *English Language, Literature & Culture*, 5(1), 36–44. <https://doi.org/10.11648/j.ellc.20200501.14>
3. Луков, Вл. А., & Соломатина, Н. В. (2007). *Феномен Уайльда: тезаурусный анализ*. Издательство Московского гуманитарного университета. https://mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov%26Solomatina_Wilde/
4. Чупрына, О. Г., Баранова, К. М., & Меркулова, М. Г. (2018). Судьба как концепт в языке и культуре. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 3, 120–125.
5. Тетельман, А. И. (2007). *Взаимодействие жанров в творчестве Оскара Уайльда* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Казань].
6. Рауд, Н. П. (2007). *Образный строй поэзии Оскара Уайльда* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Санкт-Петербург].
7. Бахнова, Ю. А. (2010). *Поэзия Оскара Уайльда в переводах поэтов Серебряного века* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Томск].
8. Уайльд, О. (2017). *Критик как художник. Искусство и действительность*. Рипол Классик.
9. *Литературная энциклопедия терминов и понятий* (под ред. А. Н. Николюкина). (2001). ИНИОН РАН: Интелвак.
10. *Твердые стихотворные формы*. (2021, 18 мая). <https://myfilology.ru//137/tverdye-stikhotvornye-formy>
11. Бехер, Р. И. (1965). Философия сонета, или Маленькое наставление по сонету. *Вопросы литературы*, 10, 190–208.
12. Николаева, М. Н. (2015). Языковые особенности стихотворных «пейзажных картин» О. Уайльда. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(17), 50–57.

References

1. Varty, A. (2000). Introduction. *The Collected Poems of Oscar Wilde*. Wordsworth Edition Limited. III–XXVI.
2. Yang, Yu. (2020). The Aesthetics of Exhibitionism: Oscar Wilde as a Public Aesthete. *English Language, Literature & Culture*, 5(1), 36–44. <https://doi.org/10.11648/j.ellc.20200501.14>
3. Lukov, Vl. A., & Solomatina, N. V. (2007). *Phenomenon of O. Wilde's: thesaurus analysis*. Moscow Humanities University Publishing house. https://mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov%26Solomatina_Wilde/ (In Russ.).
4. Chupryna, O. G., Baranova, K. M., & Merkulova, M. G. (2018). Fate as a concept in language and culture. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 3, 120–125. (In Russ.).
5. Tetelman, A. I. (2007). *Genre interrelation in O. Wilde's works* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.03. Kazan]. (In Russ.).
6. Raud, N. P. (2007). *Image system in O. Wilde's poetry* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.03. Saint-Petersburg]. (In Russ.).
7. Bakhnova, Yu. A. (2010). *O. Wilde's poetry in Silver Age poets' translation* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.03. Tomsk]. (In Russ.).
8. Wilde, O. (2017). *Critic as artist. Art and reality*. Ripol Klassik. (In Russ.).
9. *Literary encyclopaedia of terms and concepts*. (2001). INION RAN: Intelvak. (In Russ.).
10. *Fixed verse*. (2021, May 18). <https://myfilology.ru//137/tverdye-stikhotvornye-formy/> (In Russ.).
11. Beher, R. I. (1965). Sonnet philosophy or a small guidebook on sonnets. *Voprosy literatury*, 10, 190–208. (In Russ.).
12. Nikolaeva, M. N. (2015). Language features of O. Wilde's Impressionism poems. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1 (17), 50–57. (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the author

Марина Николаевна Николаева — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии Института иностранных языков МГПУ.

Marina N. Nikolaeva — PhD (Philology), Docent, Associate Professor of English Philology Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Рукопись статьи отправляется по электронной почте секретарям «Вестника» (Л. А. Борботько, И. И. Матвеева) **в зависимости от принадлежности статьи той или иной тематике:**

– литературоведение (иностранные языки), германистика, романистика, теория языка, теория межкультурной коммуникации языковое образование, лингводидактика (иностраннный язык): ludmilaborbotko@gmail.com;

– литературоведение (русский язык, славянские языки), русистика, языковое образование: vestnikmgpu@mail.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ.

Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование».

MCU Journal

of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education

2024, № 3 (55)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-82093 от 17 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор педагогических наук, профессор *Е. Г. Тарева*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденева*

Редактор:

Е. С. Терновскова

Корректор:

К. М. Музамилова

Перевод на английский язык:

Л. А. Борботько

Техническое редактирование и верстка:

Г. П. Васильева, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36.

https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 22.10.2024 г.

Формат: 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага: офсетная.

Объем: 13,25 печ. л. Тираж: 1000 экз.